

НОВАЯ ПОЛЬША

№1
СЕНТЯБРЬ

1999

Ежи Гедройц Слово к читателям НОВОЙ ПОЛЬШИ

Ежи Помяновский Поверх барьеров

С. Циосек - Т. Тораньская: Почему мы власть отдали

Анджей Щипиорский Кому нужны интеллигенты

Адам Михник Хамы и ангелы

Чеслав Милош Поэтический трактат

в переводе Наталии Горбаневской

Мариуш Вильк Я живу на Соловках

ВАРШАВА

НОВАЯ ПОЛЬША

ISSN 1508-5589

№ 1
1999
СЕНТЯБРЬ

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЕЖЕМЕСЯЧНИК

Ежи Гедройц 3
К ЧИТАТЕЛЯМ *НОВОЙ ПОЛЬШИ*

Ежи Помяновский 4
ПОВЕРХ БАРЬЕРОВ

КАК ЭТО ПРОИЗОШЛО...
Стефан Братковский 8
КРАТКИЙ КУРС ВСЕЙ ЭТОЙ ИСТОРИИ

Со Станиславом Циосеком беседует Тереса Тораньская 14
ПОЧЕМУ МЫ ВЛАСТЬ ОТДАЛИ

С Виктором Кулерским беседует Тереса Тораньская 18
ЦЕНА КОМПРОМИССА

И ЧТО ИЗ ЭТОГО ВЫШЛО
Витольд Гадомский 20
1. КАК ТУТ НЕ ВЕРИТЬ В ЧУДЕСА?
2. ОШИБКИ И ПРОСЧЁТЫ

Беседа с проф. Цезары Юзефяком 20
КОМУ ДАТЬ БОЛЬШЕ

Виктор Кулерский 25
БАЛЬЦЕРОВИЧ БЕЗ ОЧКОВ

ПОЛЬША: ВЗГЛЯД С ВОСТОКА
Леонид Корнилов 29
УРОКИ ПОЛЬСКОГО

Тереса Пакош 33
СТРАНА, КОТОРОЙ ПОВЕЗЛО

ПЕРЕМЕННАЯ УЧАСТЬ 33
ДЕЛО В СУВЕРЕНИТЕТЕ ЛИТВЫ 34

РОССИЯ ГЛАЗАМИ ПОЛЯКОВ
Густав Херлинг-Грудзинский 35
НОЧНОЙ ДНЕВНИК (1999) фрагменты

Збигнев Флорчак 38
МЕЖДУ ДИАЛОГОМ И ДУЭЛЬЮ

Ежи Редлих 40
ГОДОВЩИНА СГОВОРА

Михал Ягелло 38
ИЗ РОССИИ И О РОССИИ

	О ЧЕМ МЫ СПОРИМ Анджей Щипиорский	42
	КОМУ НУЖНЫ ИНТЕЛЛИГЕНТЫ Адам Михник	48
	ХАМЫ И АНГЕЛЫ Анджей Щипиорский	53
	ДИКТАТУРА НЕВЕЖД Тадеуш Соболевский	54
	У ОХОЙСКОЙ	
	Сергей Ларин	59
	ПЕРСТ СУДЬБЫ	
	Чеслав Милош	62
	ПОЭТИЧЕСКИЙ ТРАКТАТ <i>фрагменты</i>	
	Интервью с Натальей Горбаневской „РЕЧЬ - ОТЧИЗНА”	69
	Ежи Фицовский	73
	ПОЭЗИЯ	
	Рышард Матушевский	74
	О ФИЦОВСКОМ	
	Мариуш Вильк	75
	ВОЛЧИЙ БЛОКНОТ	
	ПИСЬМО С СЕВЕРА	79
	Лешек Шаруга	75
	ДИСТАНЦИЯ	
	Стефан Хвин	80
	„НЕ ПРИКИПЕЛА”	
	Интервью с Павлом Спеваком	81
	РОДИНА ЧУДЕС	
	Антони Кучинский	84
	О БРОНИСЛАВЕ ПИЛСУДСКИМ	
	Янина Куманецкая	88
	ЛЕТОПИСЬ КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ	
	Лешек Колаковский	92
	ПРАВО НА ПРАВДУ	

Редакционный совет

Стефан Братковский
Наталья Горбаневская
Анджей Закшевский
Ежи Клочовский
Кароль Модзелевский
Анджей Щипиорский
Януш Тазбир
Станислав Циосек

Главный редактор Ежи Помяновский

Редколлегия

Наталья Горбаневская
Виктор Кулерский
Янина Куманецкая
Кристина Пашек
(секретариат)
Гжегож Пшебинда
Ежи Редлих
(зам. главного редактора)
Лешек Шаруга
Дмитрий Шевионков-Кисмелов
(главный художник)
Станислав Филипчак
(ответственный секретарь)

Графика, макет и верстка

Кайа Солецкая
Дмитрий Шевионков-Кисмелов

Адрес редакции

Al.Niepodległości, 213
00-973 Warszawa
Ал. Неподлеглости, 213
00-973 Варшава
телефоны:(0-22)608 27 95
608 26 65

факс: 608 25 05
608 27 96

e-mail: nowpol@bn.org.pl

Издатель

BIBLIOTEKA NARODOWA
НАЦИОНАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА

По поручению Министерства
культуры и искусства

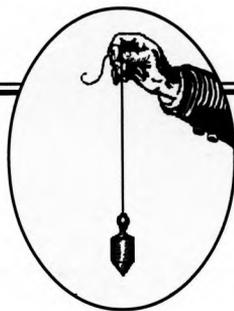
Ежи Гедройц

Ежи Гедройц родился в 1906 г. в Минске. Еще до войны основал влиятельный еженедельник „Бунт молодых“, переименованный позже в „Политику“. Во время войны сражался в рядах Карпатской бригады, а затем руководил отделом печати в штабе корпуса ген. Андерса. В 1946 г. основал в Париже ежемесячный журнал „Культура“, который стал центром польской политической и общественной мысли не только в эмиграции, но и в Польше, куда попадал нелегально. Кроме „Культуры“, под руководством Гедройца выходят „Исторические тетради“. В „Библиотеке Культуры“ опубликовано более 600 томов, в том числе переводы произведений Сахарова, Солженицына, Геллера и других русских авторов.

Выход в свет вашего журнала я считаю событием, которое трудно переоценить, ибо от нормализации польско-российских отношений зависит не только будущее наших стран, но и будущее формирующейся объединенной Европы. Наша история – это кровоточащий реестр несправедливости и несведенных счетов. Этот антагонизм обострен взаимным незнанием. Как у поляков, так и у русских бытуют искаженные представления друг о друге. Высокой целью вашего журнала будет привлечь людей доброй воли с обеих сторон, для того чтобы изменить такое положение вещей. Ближе узнать друг друга и вместе искать пути не только нормализации, но и сотрудничества. Такие попытки были уже в прошлом, как, например, деятельность Герцена или Александра Ледницкого или же в настоящее время моей „Культуры“.

Ежи Гедройц

Ежи Помяновский

ПОВЕРХ БАРЬЕРОВ

Фото Конрад К. Поллеш

Ежи Помяновский (1921), писатель. Работал врачом, журналистом, завлитом Национального театра, профессором университета в Пизе (Италия). Сотрудник парижской „Культуры“ Автор книг о театре („Сезон в чистилище”), о литературе („Магнитный полюс”), о прошлом и будущем Польши в Восточной Европе („Русский месяц с гакм”). Переводчик стихотворений Ахматовой, Мандельштама, Мартынова, прозы Чехова, Бабея, Солженицына.

Читатели серьезной и популярной газеты „Жечпосполита” (тираж 280.000 экз.) буквально засыпали редакцию ответами на опрос, предлагавший назвать 25 величайших, по их мнению, писателей XX столетия. Первое место в этом списке занял не польский автор, не нобелевский лауреат и не модный баловень судьбы. Пальма первенства досталась Михаилу Булгакову. Кроме него, в числе самых выдающихся творцов мировой литературы читатели польской газеты назвали еще трех русских писателей: Александра Солженицына, Исаака Бабея и Михаила Шолохова.

Результат, признаться, может пока-заться неожиданным, но поляков он не слишком удивил. О России здесь все время пишут и

думают, зачастую с беспокойством; в книжных магазинах переводов русской литературы предостаточно. Автору этих строк бывает особенно приятно видеть в домах своих друзей книги Бабея или Солженицына, стоящие на тех же полках, где они обычно держат любимые произведения отечественных, польских авторов. Приятно не только потому, что он сам переводил эти книги. Книги русских авторов на этих полках свидетельствуют о том, что поляки способны отличить Россию от угнетавшей их Империи. Кроме того, это доказательство духовного сродства польской и русской интеллигенции: мы любим и – что важнее – понимаем одних и тех же писателей. Надо лелеять это сродство, ибо в нем – залог диалога, важного для всего общества. Ради этого и создан наш журнал

Итог читательского плебисцита в Польше мог, однако, стать неожиданностью для русских. Если у них случается время, чтобы оторваться от повседневных забот и поискать в СМИ информацию именно о Польше, они убедятся, что там она все чаще изображается как страна, полная русофобов, играющая роль дежурного врага. Такой тон

русофобов, играющая роль дежурного врага. Такой тон преобладал, особенно в высказываниях, комментирующих недавнее вступление Польши в НАТО. Так, словно у Польши не было оснований, чтобы в конце концов перестать быть орешком меж двух камней. Так, словно теперь уже невозможны дружественные отношения между нами, тогда как именно сейчас мы можем, наконец, говорить на равных, без угроз и лицемерия.

Отношения России с Европой будут такими, какими будут ее отношения с Польшей. Надеюсь, время покажет, что это немаловажный критерий; достаточно взглянуть на политическую карту континента. Хотя бы поэтому есть смысл, чтобы российское общество уделяло больше внимания новой Польше. Обосновать это мы постараемся на страницах нашего журнала. Мы хотим непосредственно, поверх барьеров, вести диалог с общественным мнением России, звучащим, наконец, свободно и раскованно. Это необходимо тем более, что никогда еще *официальные* отношения между Польшей и Россией не были такими равнодушными и прохладными, как сегодня. А ведь никогда еще у обеих сторон не было так мало оснований для вражды.

Исчезли главные причины многовекового ожесточенного противоборства России с Польшей. Эта упорная борьба закончилась для Польши поражением и потерей независимости, но для России победа обернулась роковым бременем. „России дороже всего обошелся *польский кошмар* – столетняя непрекращающаяся борьба с польским национализмом, то есть с польским народом, неустанно мечтавшим отделиться”. Напомнил об этом сравнительно недавно политик, которого в чем, в чем, а уж в отсутствии российского патриотизма никак не заподозришь: генерал

Лебедь. Целью этой борьбы было, как известно, владение территориями, отделяющими Русь от Речи Посполитой. Это не безлюдные земли. Населяющие их народы: украинцы, белорусы, балты – стали прежде, чем поляки, жертвами этой борьбы. Распад СССР дал им независимость. До тех пор, пока их независимость соблюдается, не будет повода для трений между Россией и Польшей. Пожалуй, это элементарная истина.

И действительно, восточная политика Польши основывается сейчас на принципах, которые впервые сформулировал и на протяжении 50 лет упорно отстаивал на страницах парижской „Культуры” ее главный редактор Ежи Гедройц совместно с Юлиушем Мерошевским. Их суть выражает простой девиз: иметь с Россией самые лучшие отношения, но при одном условии: не ценой независимости и жизненных интересов наших общих соседей. Этот принцип долго не признавали ни польские левые, так как правили страной по милости советской Москвы, ни националистические правые силы, ибо это требовало от них отказа от Львова, Вильнюса, Гродно и от всякой мысли о господстве над соседями. Сегодня в Польше нет серьезной политической силы, отвергающей этот принцип, никакой и нигде – от президента Квасьневского, выходца из рядов левых сил и первооснователя этой стратегии, до министра Геремека, который руководит внешней политикой, а играл первую скрипку в подпольной „Солидарности”. Польское государство не зарится ни на один клочок украинской, литовской или белорусской земли. Но ведь для рукопожатия нужны двое.

Заслуживает уважения и восхищения великодушие русского народа, спокойно воспринявшего отделение и провозглашение независимости этих стран. Насколько мудрой была эта позиция, мы вскоре же

смогли убедиться на ужасающем примере Югославии. Но наше восхищение омрачает все еще существующая и распространяющаяся имперская идеология. Не только потому, что могла бы непосредственно угрожать Польше. А потому, что это - пережиток, анахронизм, опасный для самой России и преграждающий ей путь к участию в строительстве европейского сообщества, участию, которое надлежит ей по праву, и может дать и ей, и нам гарантии благополучия и мира.

В программе тех, кто мечтает вернуться к власти, выеденную скорлупу марксизма заполнила смесь, по вкусу странно напоминающая тот самый германский национал-социализм, который был разгромлен ценой жизни десятков миллионов русских. Главной составной частью этой смеси является навязчивая идея, согласно которой благополучие народа и государства зависит от безудержного расширения своего жизненного пространства, словом, от умения отхватывать у других куски их территории. Самое лаконичное истолкование этой концепции дал придворный Екатерины II, князь Безбородко: *Что не растет, то гниет*. Действительно, испокон веков ради этого велись войны и порабощались народы. Но вот в нашем столетии, которое могло стать последним в истории человечества, свершилось переломное событие: развитие техники и науки достигло критической массы, которая лишила территориальную экспансию экономического смысла. Оказалось, что рациональная, интенсивная экономика исключает необходимость захвата чужих земель. Доказательством могут служить Япония и Германия, достигшие наивысшего в своей истории процветания, поскольку поражение заставило их отказаться от захваченных и даже от своих прежних земель. Англия, хоть и не потерпела поражения, тоже покинула Индию: видимо,

ей это было выгодно. Идея захвата жизненного пространства погибла не на войне; решающий удар нанесло ей процветание государств, которые с чувством облегчения избавились от колоний и перестали работать локтями на карте планеты. Но вот оказывается, идея *Lebensraum*'а не исчезла: она ищет прибежища в России. Достаточно заглянуть в работу Александра Дугина „Основы геополитики” со знаменательным подзаголовком „Мыслить пространством”. Недавно вышло ее третье издание. Читая программы многочисленных партий и декларации их вождей, нельзя отделаться от мысли, что курьезные сочинения такого рода служат сокровищницей идей для сил, стремящихся реанимировать Советский Союз. То есть, вместо того, чтобы ответить на солженицынский вопрос: *как нам обустроить Россию?* и на это направить все средства, они хотят вернуться на путь захватов и изнурительной конфронтации, который уже раз привел страну и мир на грань катастрофы.

Не для того мы пишем об этом, чтобы вмешиваться во внутренние споры и мировоззренческий выбор наших российских читателей, учить их с высот нашей польской равнины, а лишь затем, чтобы показать, что делят нас отнюдь не реальные противоречия, а лишь устаревшие теории, анахронические взгляды, изжившие себя предрассудки и предубеждения.

Но разве только это мы видим и помним? Нет, мы не забыли ни Окуджаву, ни российский самиздат, ставший для нас примером, ни тот 350-тысячный тираж, которого достигал в свое время журнал „Польша”, ни то, что Иосиф Бродский выучил польский язык, чтобы читать польскую прессу и стихи Чеслава Милоша. Мы не забыли благородную солидарность с Польшей во время военного положения, единственным свободным, общественным

выразителем которой была тогда „Русская мысль”. Но не менее важно и то, что мы видим сегодня в повседневной жизни страны, в свободной российской печати разной окраски (если, конечно, можно ее купить: русская газета стоит у нас два с лишним доллара). Кстати, самое интересное сообщение, которое я там нашел недавно, касалось Азербайджана, уже независимого. Страна, которая в советские времена питалась импортным хлебом и еще в 1994 году потратила 50 миллионов долларов на закупку посевного зерна, ныне становится его экспортером, и только потому, что пахотные угодья перешли к индивидуальным хозяевам, и они пользуются методами и материалами ученого Джалала Алиева. Немцы или японцы в этом не участвовали. Русские тоже.

Думаю, что подобного рода информация из Польши может заинтересовать российских наблюдателей. В нашем журнале мы будем сообщать и о наших достижениях и о наших ошибках. Ведь мы переболели той же самой болезнью, только у нас она длилась короче. Польша легче выбралась из ямы, поскольку большевизм не успел погасить в людях дух инициативы, предприимчивости и желание самым решатель своим судьбу. Это наши главные выигрыш и шанс. Однако это не меняет факта, что при лечении болезни боль подчас острее, чем во время продолжительного недуга. Кроме того, у демократии есть свои издержки: и у нас глупость пользуется правом голоса и голосами избирателей. Вот почему уже в этом, первом номере журнала мы уделяем особое внимание проблеме интеллигенции, то есть в сущности вопросу, как избежать при подборе руководящих кадров страны так называемого негативного отбора, обеспечивающего порою влиятельные посты невеждам.

Речь идет об интеллигенции в том смысле, как понимают этот термин у нас, в

России и в Польше. И только у нас. На Западе эта прослойка считает себя частью мелкой буржуазии, или так сказать, исполняющей обязанности пролетариата. Между тем, если все пойдет на лад, то уже через четверть нового века символом этого самого пролетариата станет не черно-рабочий с лопатой, а профессионал, нажимающий соответствующую кнопку. Но недостаточно, если он будет лишь узким специалистом, образованцем, то есть тем, во что хотела – на гибель себе самой – превратить интеллигента коммунистическая власть. В соревновании двух инженеров выигрывает, как правило, тот, кто кроме алгорифмов знает также Булгакова. Но пока интеллигентами пренебрегают, они не востребованы, живут в нищете. Это, к сожалению, нас тоже роднит. И поэтому „Новая Польша” рассчитывает именно на интеллигентного читателя.

Рассчитывает также на заинтересованность со стороны молодежи; ей нет дела до былых обид и каких-то несведенных счетов, до старых ран и трагедий. С этой молодежью поляки хотят сесть за чистый стол. Но чтобы сесть за него вместе, надо хоть что-то знать друг о друге. А знаем мы слишком мало. Хуже того: наши знания – порой плод уродливых стереотипов и дезинформации. Но одно мы знаем точно: нас разделяет только дурное прошлое. И дело в том, чтобы оно уж никогда не повторилось.

Стефан Братковский

КРАТКИЙ КУРС ВСЕЙ ЭТОЙ ИСТОРИИ

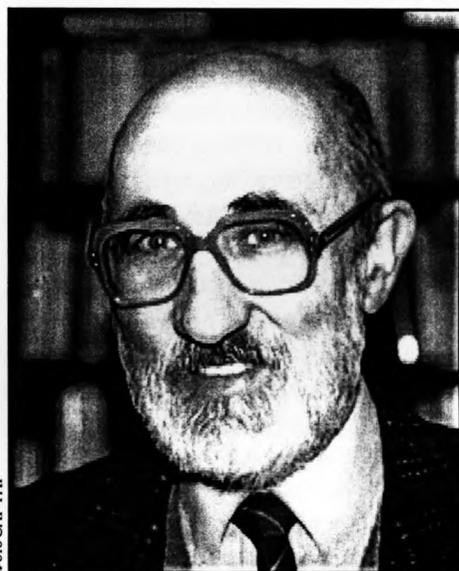

Фото СА-Р-РАР

Стефан Братковский (1934), известный публицист, почётный председатель Союза польских журналистов. В прошлом - один из создателей подпольной дискуссионной группы крупнейших экономистов и политологов „Опыт и будущее” (DIP), которая готовила планы обустройства Польши после ожидавшегося крушения коммунистического режима. Автор книг: „Кратчайшая история Польши”, „Господин Великий Новгород” и др.

Об истории Польши последних десяти лет (а для современного поколения все, что было до этого, — далекий XIX век), о сущности происшедших в ней перемен невозможно рассказать коротко, отделавшись парой метких фраз или округлых формулировок. А между тем все началось намного раньше. И не одним, пусть и массовым выступлением. Это был длительный процесс, не лишенный огромного накала и ... элементов безрассудства, над которым неизменно брал верх здравый смысл поляков.

*

После Второй мировой войны сталинский режим тоже не сразу показал Польше свой волчий оскал. Подчинение Польши сталинизму напоминало, пожалуй, постепенное втягивание ее в железные шестерни при одновременном обезболивании с помощью идеологических фантазмагорий.

Людей, которых режим считал своими врагами, ждали тюрьмы и даже пытки, а потом грубо состряпанные процессы и смерть. Простой гражданин Польши учился не только бояться. Он снова

приучался к памятным ему со времен гитлеровской оккупации очередям в магазинах: объявленная коммунистическим министром экономики “битва за торговлю” подорвала хозяйственную жизнеспособность Польши. „Черный рынок” не мог восполнить недостатков официальной экономики, поскольку „виновных” ссылали в лагеря принудительного труда и бросали в тюрьмы. Он выстоял благодаря системе пассивного сопротивления и ряду приемов, с помощью которых давал отпор своим преследователям.

Сталинизм в польском издании уничтожил меньше людей, чем в других странах, а в польских вузах все-таки могли преподавать старые профессора. Это не значит, что новый строй допускал существование хоть какой-то альтернативы. Ничего, в том числе и ничего полезного, сделать было невозможно, все контролировалось партией и ее тайной политической полицией. Независимая мысль была парализована, показательные процессы ксендзов призваны были усмирить католическую Церковь.

Однако польская деревня не поддавалась коллективизации. На нее давили глупо и жестоко. Позднее мне довелось побывать в селах, где более половины крестьян, не исключая стариков, по разным причинам прошла через тюрьмы и лагеря принудительного труда. Но не страдания польской деревни, не „оттепель” после смерти Сталина стали причиной бунта польской молодежи в 1956 году, что привело к первому коренному перелому.

Это сам режим вырастил своих врагов. Он провозглашал идеи свободы, справедливости, демократии, равенства и независимости Польши, а факты противоречили этим словам. Протест начался с сатирических программ в студенческих кабаре. Осенью 1955 года скучный студенческий журнал „Попросту”, кипами лежавший в институтских коридорах, превратился в газету правды, а тем самым - бунта.

Молодежь не знала капитализма. Она хотела настоящей революции и правильного, неоскверненного социализма. Она открыла, что ее враг - это пользующаяся привилегиями „красная буржуазия”. Сначала, в мае 1956 года, краковские студенты - читатели „Попросту” - во время своего праздника „Ювеналии” многотысячной толпой, с шутками и смехом, вышли на улицы города - и им за это не попало. Спустя месяц, в июне, на улицы Познани вышли другие читатели „Попросту” - молодые рабочие завода им. Цегельского, с которыми „рабочая власть” не захотела разговаривать. Дело закончилось кровавой расправой. Были десятки убитых и раненых.

Осенью объединенное движение Студенческих революционных комитетов и рабочих поддержало ту группу в руководстве Польской объединенной рабочей партии (ПОРП), которая высказалась за демократизацию страны. Массовые митинги потрясли Польшу. VIII пленум Центрального комитета ПОРП передал власть Гомулке, и тогда его поддержал буквально весь народ, в том числе и католическая Церковь, и это несмотря на возражения Кремля, несмотря на то, что дислоцированные в Польше советские воинские части шли на Варшаву.

Поляки, что важно подчеркнуть, не взяли за оружие. И не потому, что испугались. Разум подсказывал им не делать этого, хотя у многих чесались руки.

Польский Октябрь - так были названы эти перемены - освободил политических узников режима, а заодно освободил страну от кошмара

коллективизации. Новая „польская модель” социализма допускала мелкое предпринимательство в торговле, ремесле и сфере обслуживания. В сейм вошли депутаты от католических кругов. Им вернули их органы печати. Разумеется, подцензурные, с ограниченным тиражом, но это были их собственные газеты. В южной Польше в повяте Новы-Сонч по инициативе „Попросту” стал проводиться в жизнь эксперимент по территориальному самоуправлению. Он продолжался там несколько лет, став свидетельством эффективности местной демократии.

Вскоре после событий Октября аппарату правящей партии удалось восстановить свои силы. Впрочем, молодые „революционеры” знали только, чего они не хотят и чего не хочет общество. Лишь много лет спустя поляки начали постигать азы демократии и рыночной экономики.

Разгул террора наподобие сталинского уже никогда не повторился. Польша в социалистическом лагере стала страной на особых правах. И, что самое главное, польский Октябрь показал полякам, что перемены возможны, но для этого необходимо мобилизовать достаточно большие общественные силы.

*

Разумеется, и далее не было места ни для какой конструктивной не контролируемой аппаратом правящей партии или службой безопасности деятельности. На все требовалось согласие властей, кроме тех случаев, когда власти сами на что-то прикрывали глаза. В экономике царил полный застой. В семидесятые годы западные кредиты обернулись для нее хаосом. Не изменили ситуацию очередные общественные потрясения: ни бунт студентов в марте 1968 года, ни кровавая расправа над рабочими в декабре 1970 года, ни протест рабочих в 1976 году, закончившийся для них милицейскими дубинками и тюремными приговорами. Все эти волнения в очередной раз давали полякам понять, что путь к переменам вьется узкой тропинкой между капитуляцией и дулами пулеметов. Как потом оказалось, это были весьма поучительные уроки для всего народа.

Защитной реакцией поляков был в то время юмор и замечательные песни. Многие говорили, что в Польше господствует тоталитаризм, смягченный песнями и политическими анекдотами. А уж с анекдотами режим действительно ничего не мог поделать.

После событий 1976 года группа интеллигентов, преодолев страх, основала Комитет защиты рабочих (*Komitet obrony robotników*, сокращенно - КОР). Один из его основателей, Яцек Куронь, обратился с воззванием: "Вместо того, чтобы жечь партийные комитеты, организуйте свои". Вскоре стала выходить неподцензурная печать, стали действовать подпольные типографии и сеть распространения нелегальной литературы. Тем самым наряду с католической Церковью появилась еще одна (правда, не идущая с ней ни в какое сравнение ни по охвату, ни по влиянию) независимая от режима система организаций, которые игнорировали режим и даже его критиковали. Силой этих организаций была гласность и открытость. Людей КОР избивали, бросали в тюрьмы, преследовали. Но режим становился все более беспомощным.

В 1978 году интеллектуальные круги, близкие к КОР, создали группу „Опыт прошлого и будущее” (*„Doświadczenie i Przyszłość”*, сокращенно - ДиП). Так же, как и КОР, ее нельзя было формально разогнать или найти предлог для гонений: ДиП не имел ни руководства, ни устава, ни списка своих участников. Его "находящийся на услугах общества коллектив" составлял анкеты и, основываясь на ответах ведущих представителей польской интеллектуальной элиты, готовил отчеты о состоянии государства и способах выхода из нарастающего кризиса. Все это происходило под девизом "нас никто не освободил от ответственности за Польшу".

В то же самое время молодой варшавский экономист Лешек Бальцеревич с группой единомышленников занялся разработкой трудной, новаторской по своему значению проблемы - проблемы трансформации, т.е. перехода от „социализма" к экономике свободного рынка. И хотя тогда некоторым это могло показаться пустым теоретизированием, спустя десять с лишним лет как нельзя более пригодилось.

Широкие круги польского общества не отдавали себе отчета в том, что власть оказалась также и под давлением извне. Президент Соединенных Штатов Америки развернул кампанию по защите гражданских прав человека в Польше. Это, казалось бы, наивное американское требование соблюдать гражданские права сыграло немалую роль, так как руководство Польской Народной Республики оказалось в тисках растущей внешней задолженности.

Однако ни КОР, ни президент Картер, ни демонстрировавшийся по всей стране известный фильм Вайды „Человек из мрамора" не повернули вспять колесо истории. Перелом наступил вместе с избранием осенью 1978 года на папский престол поляка, краковского архиепископа кардинала Кароля Войтылы.

*

В июне 1979 года миллионы поляков вышли на улицы встречать „своего" Папу, прибывшего на родину с первым визитом. И они увидели, как много тех, кто не согласен с режимом, навязанным Польше извне. Без этих миллионов на улицах польских городов не было бы 1980 года.

В 1980 году на очередное повышение цен страна отреагировала серией забастовок. После первых в истории существования коммунистического режима переговоров между властью и рабочими эти забастовки вылились в огромное массовое движение свободных профсоюзов под названием „Солидарность". Эта революция, во главе которой стоял электрик с гданьской судовой верфи Лех Валенса, вопреки политологам не собиралась самоограничиваться. Она с самого начала ориентировалась на мирные перемены, на реформы. Другого пути не было. Пустившись на авантюры, „Солидарность" не стала бы легендой.

Спустя месяц после образования „Солидарность" насчитывала в своих рядах около десяти миллионов человек. В действительности она объединяла всех граждан страны, кроме представителей аппарата власти и связанных с ним людей. К ней присоединились более двух миллионов из насчитывавшей три миллиона членов ПОРП, а кроме них члены правящих вместе с ПОРП и подчиненных ей двух партий: Объединенной крестьянской и Демократической.

В организационном отношении „Солидарность" была очень слаба. Это было скорее общественное массовое движение, чем организация. Она не взяла на вооружение старых традиций подобного рода организаций. В разобщенном обществе при жестком подавлении любых форм организованной активности их уже никто не помнил и не знал. Поначалу „Солидарность" была выразителем воли к протесту и мечты о свободе. Однако общество очень быстро спланивалось и так же быстро создавало демократические структуры, укрепляло дисциплину и училось ответственности, хотя, конечно же,

смешно говорить о том, что „Солидарность” могла угрожать вооруженному до зубов аппарату власти, подобные утверждения распространяла официальная пропаганда.

Своеобразным историческим счастьем Польши оказалось то, что ввести военное положение и тем самым уничтожить „Солидарность”, пришлось именно генералу Ярузельскому, а не кому-либо из циничных польских лакеев, готовых исполнить любое желание кремлевских старцев (советский рецепт расправы с „Солидарностью” изложил мне в декабре 1980 года полковник из штаба главнокомандующего войсками Варшавского договора маршала Куликова: „Три тысячи расстрелять, а остальным купить патефоны”). Парадоксально, что после 13 декабря 1981 года, когда вместе с введением военного положения в стране были арестованы по составленному еще в мае списку известные властям главные представители „баррикадного” руководства „Солидарности”, во главе ушедшего в подполье профобъединения встали люди менее радикальные, зато сильные в организационном отношении.

„Солидарность” не представляла собой подпольного государства, каким была Польша в годы второй мировой войны. У нее не было упорядоченных структур, дисциплины и представления о работе во имя будущего. Впрочем, и репрессии начала восьмидесятых годов были далеки от гитлеровского и сталинского террора. „Солидарность” была всего лишь движением сопротивления, хотя с точки зрения конспирации она функционировала весьма четко, с несколькими параллельно действующими контактными сетками и неподцензурной печатью (тираж подпольного еженедельника „Тыгодник Мазовше” достигал 80 тыс. экземпляров, которые печатались в 24 нелегальных типографиях, и это при том, что служба безопасности наиболее рьяно преследовала печатников и распространителей запрещенной литературы).

Духовная и культурная жизнь страны перенеслась по большей части в костелы и прикостельные помещения. Символической фигурой польской католической Церкви вскоре стал молодой ксендз Ежи Попелушко из костела, находящегося в варшавском районе Жолибож, духовник рабочих расположенного поблизости металлургического комбината „Варшава”. Впоследствии священник был зверски убит палачами службы безопасности. Ему и

таким, как он, Польша в последующем будет обязана чудом мирной революции. А ведь среди поляков было много талантливых химиков, способных изготовить любое количество взрывчатки, и электронщиков, способных сконструировать какое угодно устройство для дистанционного управления взрывом. Но польская молодежь послушала своих пастырей и не развязала партизанской войны, которая могла бы превратить польские города в ад.

Со временем польское движение сопротивления выдвинуло из своих рядов элиту, более того, оно создало свое представительство, образовав Гражданский комитет при председателе профобъединения „Солидарность” Лехе Валенсе. Но и эта структура была неустойчивой и неупорядоченной, и кроме представительских, практически не преследовала конкретных целей. Никто не предполагал, что режим вскоре рухнет. В 1988 году идея создания „кабинета теней” из членов „Гражданского комитета” была высмеяна, ее сочли опасной иллюзией. Над проблемами будущего работали лишь коллективы специалистов по международной политике и местному самоуправлению, коллективы, которые образовались по собственной инициативе. А кроме них, существовала только группа Лешека Бальцеровича. Что ж, сопротивление требовало мужества и решительности, а не программ развития страны, города или гмины.*

*

Разрыв со старым ускорила вызванная ошибочными экономическими решениями власти гиперинфляция, что означало окончательную моральную катастрофу системы. Ведь до сих пор золотый оставался стабильным благодаря контролю специалистов, получивших образование еще до 2-й мировой войны.

Однако партийный аппарат отнюдь не собирался отдавать власть. Переговоры „Круглого стола” (февраль - апрель 1989 года), ставшие переломным моментом в истории Польши, должны были, как того хотелось партии, переложить на плечи оппозиции часть ответственности за состояние государства, не дав при этом людям „Солидарности” необходимых полномочий для управления страной. Точно так же были задуманы и парламентские выборы: свободные выборы по договоренности с оппозицией касались

* гмина – низший уровень администрации

только одной трети мест в нижней палате, сейме, и всех мест в верхней палате, сенате, созданном в качестве декорации. Большинство же мест в парламенте власти гарантировали себе. Более того, искусный партийный манипулятор, находившийся тогда на посту руководителя польского телевидения, путем умелой пропаганды собирался обеспечить властям немалую часть мандатов, за счет свободных выборов.

Сокрушительная победа „общественной стороны” на выборах 4 июня 1989 года повергла „партийную сторону” в шоковое состояние. При этом власть не отдавала себе отчета в том, что в ее собственные списки „общественная сторона” включила более ста своих сторонников, чтобы в дополнительных выборах 18 июня гарантировать им победу над кандидатами партийного аппарата. Именно так по списку Демократической партии прошла будущий премьер-министр Польши - Ханна Сухоцкая, а по списку ПОРП – будущий министр строительства в правительстве „Солидарности”. Это не власть взяла гарантируемые ей договоренностью „Круглого стола” 65% мандатов в сейме, это оппозиция выиграла 60% мандатов в сейме и 99% мандатов в сенате. Если бы не это, радикальные реформы в стране были бы невозможны.

*

В течение последующих нескольких месяцев дело дошло до очередной революции: сейм утвердил первое за пятьдесят лет демократическое правительство, то есть правительство независимой Польши.

Стране не было дано пережить состояния эйфории, в котором осенью 1989 года пребывали народы Венгрии, Чехии и ГДР. Независимость в Польше застигла врасплох как само общество, так и партийное руководство. Никто практически не был готов к тому, чтобы взять власть в свои руки, даже первый демократически избранный премьер-министр Тадеуш Мазовецкий - католический интеллектуал, деятель Клуба католической интеллигенции в Варшаве, на протяжении почти десяти лет один из двух главных советников Валенсы наряду с Брониславом Геремекком. Но несмотря на это, новая власть удивляла западный мир по крайней мере своими интеллектуальными возможностями.

Правительство Мазовецкого в течение своего почти годичного существования работало словно на заминированном поле, ибо оно не знало планов

другой стороны. Несмотря на демонстрируемую терпимость со стороны Горбачева, оно также не знало, чего можно ожидать от Москвы. Не знало оно и того, какотреагируют отстраненные от власти польские генералы. Мазовецкий шаг за шагом демонтировал их власть, а они шаг за шагом ее отдавали, будучи в некоторой степени лояльными в отношении „команды Валенсы”. История, несомненно, высоко оценит их чувство ответственности за свою родину. А ведь в их руках все еще оставался партийный аппарат, армия, милиция, служба безопасности и администрация, и они могли не одобрить выбор народа. Но они этого не сделали.

Более того, так же, как генералы, повел себя весь господствующий класс в стране, т.е. так называемые хозяева Народной Польши. Как в финансовом отношении, так и психологически, они были лучше подготовлены к капитализму, однако они соблюдали правила игры, а это способствовало мирному ходу великих перемен.

*

„Польское чудо” 1989-1990 гг. до сих пор не описано полностью. За „Круглым столом” не говорилось даже о глубокой экономической реформе. Глава экономической группы со стороны „Солидарности” не любил специалистов, и за день до переговоров „Круглого стола” одним пальцем выстукивал на машинке в Клубе католической интеллигенции основные тезисы для дискуссии с правительственной стороной.

Первый демократический премьер-министр никогда не слышал фамилии Бальцеровича. Не знал Бальцеровича и ближайший советник Мазовецкого, экономист, который только что вернулся из-за рубежа. Однако, став премьером, Мазовецкий сказал ему, что новое правительство нуждается в „своем Эрхарде”. Близкий к кругам ДиП, проф. Януш Бексяк, будучи, несомненно, выдающимся польским экономистом, мог предложить свою кандидатуру. Но он предложил Бальцеровича. Тадеуш Мазовецкий - политик высокого класса - полностью доверился молодому, еще никому не известному ученому. Он не боялся его шокирующих, но одновременно стройных логических выводов. Он поддерживал его лояльно и последовательно. Осознавая риск, ручался за него перед обществом. Мазовецкий, которого многие в Польше считали человеком взвешенным и справедливым, сосредоточивал на себе в тот момент

всю симпатию общества. И когда, представляя программу своего правительства в сейме, он пошатнулся на трибуне от усталости, вся Польша, сидящая у телевизоров, замерла в напряжении.

Без него не были бы возможны два фундаментальных начинания, которые принес 1990 год, - реформа Бальцеровича и реформа местного самоуправления.

*

Лешек Бальцерович не задумывался над тем, как достичь „критическую массу” реформ. Работая годами над проблемой перехода к экономике свободного рынка, он не предполагал, что ему придется приступить к преобразованиям в условиях галопирующей инфляции, что с убийственной быстротой начнет раскручиваться спираль цен и заработной платы (до того времени партия старалась „не играть” с деньгами). Перед Бальцеровичем и его единомышленниками встал совершенно неожиданный вопрос: удастся ли при освобождении цен безошибочно выявить и перекрыть все источники инфляции. Даже великий Хитчкок не смог бы создать большего напряжения, чем то, с каким ожидали в Польше результатов этой операции. И Бальцерович оправдал ожидания, хотя даже самые отчаянные оптимисты в это особо не верили.

В экономику свободного рынка Польша, благодаря Бальцеровичу, вступила быстро, буквально за несколько месяцев, и чуть ли не сразу была введена стабильная отечественная валюта. Эта реформа задействовала весь накопленный за многие годы потенциал инициативности и изобретательности, который дотоле находил приложение лишь в так называемой „теневой экономике”. Экономическая свобода принесла расцвет производства, а быстрая приватизация мелкой торговли заполнила полки в магазинах товарами. Страна, импортировавшая зерно, ибо крестьянам-единоличникам власть постоянно вставляла палки в колеса, буквально через год могла уже экспортировать широкий ассортимент всех сельскохозяйственных товаров.

Местное самоуправление высвободило в людях такую энергию, о которой никто не мог и мечтать. Малые города стали чистыми и светлыми, изменили свое лицо за считанные месяцы, и уже через год Польша преобразилась до неузнаваемости. Все можно было купить, продавцы перестали относиться

к покупателям, как к незванным гостям, таксисты стали зазывать к себе пассажиров. И так было везде.

*

Вся страна, неподготовленная ни к первой, ни ко второй реформе, превзошла своим положительным отношением к ним всяческие ожидания. Последующее поражение реформаторов на выборах (как это обычно случается, они рассорились между собой, восстановив против себя даже своих сторонников) ни в чем не изменило положения. В результате парламентских выборов 1993 года власть перешла к посткоммунистическим группировкам, но произошло это уже в другом, модернизированном государстве. Сами эти группировки никаких новых реформ не проводили, но и ничего не испортили. На очередных парламентских выборах в 1997 году они вынуждены были отдать власть, поскольку, по мнению общества, доступ к власти стал для них доступом к деньгам. Так или иначе, в корне изменили Польшу реформы 1990 года. Спустя десять лет после того, как к власти пришло правительство Мазовецкого, на Польшу смотрят как на „Америку” в сердце Европы. А при случае стоит заметить, что теперь поляки пьют и курят несравнимо меньше.

Нынешние заботы Польши, связанные с избытком сельскохозяйственной продукции, довольно типичны для современной экономики развитых стран. Организационные проколы реформаторов, которые опрометчиво, наскоком берутся за решение таких трудных проблем, как социальное страхование или система школьного образования, - это наследие недавно минувшей эпохи. Постоянно обнаруживаются пробелы в знаниях, иногда довольно элементарных. Это результат своеобразной цивилизационной брешы в нашем сознании, возникшей в течение предыдущих пятидесяти лет. В польской, чешской и венгерской реальности (а уже тем более российской, с ее семьдесятю годами разрыва!) - простые, обычные в прошлом достижения кажутся нам подчас чем-то непонятным и недостижимым, разве что в далеком будущем.

Однако Польша, какая она есть, со всеми ее ошибками и просчетами, представляет собой своеобразную лабораторию, в которой моделируется будущее стран нашей части Европы. И пока она идет вперед, ее опыт, на мой взгляд, заслуживает пристального внимания.

Почему мы власть отдали со Станиславом Циосеком беседует Тереса Тораньская

Фото САФ-РАР

Станислав Циосек родился в 1939 году. По образованию экономист (окончил Высшую экономическую школу в Сопоте - морской факультет). В ПОРП вступил в 1959 году, был деятелем Союза польских студентов. В 1975-80 годах - I секретарь ПОРП в Еленя-Гуре, затем секретарь ЦК ПОРП, кандидат в члены Политбюро и коротко - с декабря 1988 по июль 1989 года - член Политбюро. Был одним из наиболее активных сторонников поиска соглашения партии с оппозицией. В 1989-1996 годах - посол новой Польши в Москве.

- Почему, собственно, вы отдали власть оппозиции?

- Это объясняли уже тысячу раз, я же отвечу несколько неожиданно. Истоки того, что произошло в 1989 году, нужно искать в Ялте. В результате договоренности трех держав нас

включили в лагерь Иосифа Виссарионовича Джугашвили. Он сам говорил, что мы пришли не ко двору, подходим, как корове седло. И был прав. Поляки действительно не годились для коммунизма.

- **Никто не годился.**

- Но мы особенно. Вдобавок, у нас был многовековой опыт борьбы с чужестранным игом. И это закодировано в наших генах.

- **В генах я вижу, в основном, талант к саморазрушению.**

- Это тоже правда. Но закреплённый в историческом сознании опыт — это ключ к нынешним временам.

- **И к тем, двухсотлетней давности, когда нам удалось развалить Польшу?**

- Вполне согласен. Но давайте вернемся к Народной Польше, историю которой я умышленно упрощаю, для ясности изложения. Сначала была черная дыра, потом пришел Владислав Гомулка, который пытался изменить эту систему. В те времена и при тех ограничениях он попробовал избавиться от ига. Кое-что ему удалось. Потом, когда он перестал ортачиться, его смели и пришел другой непокорный. Эдвард Герек применял иной метод борьбы с системой: он повернулся лицом к Западу, сделал ставку на западные технологии, дал полякам возможность ездить за границу.

- **И доказал, что реальный социализм тоже не пройдет.**

- Тогда пришел генерал Войцех Ярузельский, снова упрощаю, потому что в промежутке и недолго был еще Станислав Каня. Генерал привык, что 2 плюс 2 равняется 4, и ему представлялось, что он справится с хаосом, если введет армейский порядок. Увы... По пути были забастовки, военное положение, которое не носило антинационального характера, а было лишь очередной попыткой навести порядок, устранить неразбериху, стабилизировать положение. В здании ЦК была столовая, своего рода биржа, место обмена мнениями, и там со всех сторон звучало одно слово. Неприличное слово, не повторю его, потому что Сейм принял закон о защите польского языка от вульгаризмов.

- **Слово на „б” или на „х”?**

- Нет. Оно звучало в вопросе: когда все это... – скажем – развалится. Ибо в том, что... развалится, никто не сомневался. Партия потеряла уверенность в себе. Знала, что не пользуется общественной поддержкой.

- *С каких пор?*

- По-моему, с 1979 года, точнее, со времени визита Папы Римского. Это был шок. Вся Польша упала перед Папой на колени. Мало того. Я, по существу, тоже стоял перед ним на коленях, несмотря на то, что был тогда провинциальным секретарем партии. С одной стороны, испытывал чувство гордости, что Папа Римский – поляк и как это здорово. Но, с другой, опасался, что после этого визита нам придет конец. И еще одна мысль приходила в голову. Может, даже не мысль, а просто ревность, что не перед партией, не перед ПОРП, не перед властями страны поляки встанут на колени, а перед Папой Римским.

В 1980 году я оказался в Варшаве в качестве министра по делам профсоюзов. И почувствовал себя, как пассажир в неисправном самолете, очень уж трясло. Машину бросало, мотор чихал, но мы кое-как летели. Я был глубоко убежден в том, что сидящие в кабине пилот, штурман и остальные члены экипажа отлично знают, куда летят. Но потом, когда меня избрали сначала кандидатом в члены, а затем, в последний момент, в декабре 1988 года, членом Политбюро, то есть когда меня пустили в кабину пилотов и я познакомился с экипажем, взглянул на индикаторы на щитке приборов, я понял, что нашей основной целью должно быть безопасное приземление.

- *Но как?*

- Теоретически – очень просто: установить контакт с партизанами в лесу, чтобы определить место посадки и – с помощью Господа Бога, то есть Церкви, приземлиться.

- *А практически?*

- Долгий путь. Очень сложный процесс. Технически и психологически трудный. Мы боялись „Слидарности”. Для нас „Солидарность”, и вообще оппозиция, была как плазма: без четких очертаний, двигалась беспорядочно, непрерывно меняя форму, провозглашала какие-то лозунги, какие-то слова, совершенно безответственные. В одном месте что-то разожгли, огонь не смогли потушить и не понимали, что костер будет тлеть долго, угрожая пожаром. Мы боялись таких безответственных людей.

- *Как Куронь и Михник.*

- Вот именно. Это было вызвано нашим незнанием. Мы их не знали и поэтому не представляли себе, как таким людям можно доверить судьбу Польши, разрешить им нести вместе с нами ответственность за страну. Это была наша ошибка. Но это мы поняли позже.

- *Потому что верили церкви?*

- Конечно, это было вполне естественно. Иерархическая структура доверяет другой иерархической структуре и лучше понимает ее.

- *А потом вы сказали, что «мы церкви доверяли, а они оказались иезуитами».*

- Все верно, так оно и было. Но сегодня, пожалуй, я выразил бы эту мысль иначе. Я познакомился с несколькими иезуитами, благороднейшими людьми. Некоторых из них считаю своими друзьями. Тогда с помощью церкви мы решили начать разговор с оппозиционерами, чтобы без особого шума как-то прозондировать их позицию. Мы постепенно созрели для того, чтобы заключить с оппозицией политический контракт.

- *Чтобы как-то повлиять на них?*

- Конечно. Ведь тогда речь шла не об изменении политической системы в Польше, отнюдь нет. Мы хотели немножко подвинуться, чтобы дать место другим. Это была попытка встроить оппозицию, а вернее, привлечь оппозицию к совместному управлению страной и тем самым переложить на нее часть ответственности. Суть дела сводилась именно к этому.

- *Горбачев разрешил?*

- Нет, нет. В отношениях с Советским Союзом уже не было той формы зависимости. Думаю, что для СССР Польша была опытным участком. Я бы даже сказал, что события в Польше, рождение „Солидарности”, ее регистрация в 1980 году – это ключевой вопрос, в том смысле, что не „мы”, а „они” представляли рабочий класс. Я думаю, что эти события привели к власти Горбачева.

- *Не слишком ли рискованный тезис?*

- Пояснию подробней. Были Черненко, Андропов и, наконец, решили сделать ставку на человека молодого, энергичного, который проведет изменения. Конечно, в рамках системы, а не такие, какие он совершил. Польша, будучи второй по значению страной тогдашнего лагеря, была убедительным примером того, что системные изменения необходимы. Горбачева породило именно такое мышление.

- *Еще в июле 1988 года Ярузельский уверял Горбачева, что в Польше не будет профсоюзного плюрализма и оппозиционных партий. Но рассматривался вопрос учреждения Сената¹.*

- Проект учреждения Сената я представил где-то месяцем раньше.

- *А не Александр Квасьневский?*

- Квасьневский предложил свободные выборы в Сенат позже, в ходе заключительных переговоров с „Солидарностью” за Круглым столом, что оказалось переломным моментом. Я задумал Сенат как вторую палату парламента, которая должна была выполнять функцию сословного представительства и в которую входили бы представители различных организаций. Переговоры за Круглым столом – это, к слову сказать, была чисто польская политическая идея, не согласованная с Горбачевым. Впоследствии я это проверил, опросив, пожалуй, всех компетентных людей в Советском Союзе.

Политической основой Круглого стола, ранее согласованной с представителями церкви и оппозиции, была идея частично свободных выборов: 65% мест в парламенте для ПОРП и союзнических партий, а 35% для оппозиции. Я был атором этой идеи, но выражал, естественно, пожелания генерала Ярузельского, который пытался найти выход из создавшегося положения. Почему 65%, а не 2/3, хотя в Сейме для отклонения вето президента или Сената необходимы 2/3 голосов? В этом-то и была открытость с нашей стороны. Потому что 2/3 – это 67%, а не 65. Эти два процента разницы партия должна была отстоять в свободной демократической борьбе. Я убеждал свою партию: ну, что вы, бойтесь Бога, неужели вы не выиграете этих двух процентов? Не выиграли.

- *Вы продумали все это до мельчайших деталей?*

- Конечно. Как я уже говорил, перед Вами сидит автор идеи, который рассчитал все математически, с учетом конкретной ситуации, сложившейся тогда в государстве и в партии. А чтобы все было ясно, скажу: я не предлагал бы такого политического контракта, таких отчасти несвободных выборов или неполной свободы, если бы был убежден, что сможем выиграть эти выборы своими аргументами. Мы не верили в свою собственную правоту, об этом стоит, наконец-то, сказать. Если бы мы верили, мы пошли бы на абсолютно свободные выборы. С одной стороны, мы опасались проигрыша, а с другой, не верили, что наша программа социальной политики, отношения к человеку лучше программы, предложенной нашими противниками. Что она может еще засверкать, если ее, так сказать, помыть и почистить. Нам казалось, что новое окажется лучше. Это убеждение было, по всей вероятности, продиктовано страхом, усталостью, износом материала в результате долгих лет правления. Партия устала от самой себя. Я открыто изложил свою точку зрения, и потом до меня доходили весьма язвительные комментарии, что, мол, это только я устал, а другие не устали. Возможно.

- *Вы сказали ксендзу Оршулику: „При нынешнем составе правительства нет надежды на то, что страну удастся вывести из кризиса”.*

- Скажу для полной ясности. Я не был ни Конрадом Валленродом², ни шпионом „Солидарности” в ПОРП или наоборот. Ситуация была видна всем, как на ладони. Не требовалось особой проницательности, чтобы понять, что мы не в состоянии вывести Польшу из тупика. Откровенно говоря, во мне боролись два противоположных чувства. С одной стороны, на всевозможных внутривнутрипартийных совещаниях я горячо и убежденно призывал партию бороться за восстановление своего места в стране. Я говорил: у вас есть шансы, есть возможности, вы должны возлупить страну. Я пытался расшевелить своих партийных товарищей, заставить их взяться за дело. С другой же стороны, подозревая, что ничего из этого не выйдет, готовил запасной вариант, запасной выход. Генерал Ярузельский тоже пытался оживить партию, вдохнуть душу в мертвый организм, но из этого тоже, как известно, ничего не вышло. Партия утратила чувство цели, ради

¹ Верховная палата польского парламента (Сейма)

² Конрад Валленрод – герой одноименной поэмы Адама Мицкевича, который с риском для себя проник в лагерь врага, чтобы подорвать его изнутри.

которой существовала. Мы не могли доказать, что Польша на правильном пути, ибо не было достижений. Экономика Польши не развивалась.

- **Когда вы перестали контролировать положение?**

- Нам-то казалось, что мы контролируем его до самого конца, до 4 июня 1989 года. К сожалению, нам это только казалось. В систему выборов мы вмонтировали предохранители. В беседах с ксендзом Оршуликом, задолго до Крутлого стола, я пользовался теорией сцепления, то есть считал, что нужно так менять систему, чтобы не поломать мотор, и поэтому нельзя резко убирать ногу с педали. А он мои слова – о чем говорят более поздние публикации – скрупулезно записывал.

- **А кто должен был держать эту ногу? Партия?**

- Вместе. Партия и оппозиция в одном правительстве.

- **А церковь?**

- Она должна была помогать.

- **За закон о взаимоотношениях Государства и Церкви, который обеспечивал ей возврат имущества и полную свободу действий?**

- Да. Я был соавтором этого закона, вместе с Казимежем Барциковским и другими. Такова была цена. Здесь за все приходилось платить, ничего даром не давалось. Таким был политический расклад или – иначе говоря – бизнес.

- **Хороший?**

- Я уже раз высказался, после выборов. Вы это процитировали, и хватит. У нас был такой план, и неправда, как утверждают сейчас некоторые, будто мы пришли к Крутлому столу и подписали политическое соглашение по ошибке, по глупости, по рассеянности. Не так все это было. Мы подписывали сознательно, но изменение системы хотели растянуть во времени. У нас был такой план: сначала мы потеснимся на скамейке, предоставляя место оппозиции, а потом – через 4 года – проведем свободные выборы. Эти свободные выборы были официально зафиксированы в политическом соглашении, которым, впрочем, я горжусь по сей день. Это у нас здорово получилось! Контракт был тем камешком, который, падая, повлек за собой лавину событий! Я не согласен с теми, кто сегодня утверждает, что не следовало ничего делать, только ждать, когда коммунизм сам рухнет. Во-первых, он сам так просто бы не рухнул, а во-вторых, для нас, с кем столь жестоко обошлась история, важно было и то, как он будет разрушаться. Так, как на площади Тянанмень, или так, как у нас, при помощи избирательного бюллетеня. Вероятно, мы были слишком осторожны и предусмотрительны, но в нас годами закреплялся страх перед последствиями разрушения Бастилии.

- **На этих выборах вы с треском проиграли.**

- Да, и это не слишком приятно. Поражение было нами воспринято как оскорбление, но в итоге – хорошо, что так случилось. После выборов и провала так называемого всепольского списка, в котором находились фамилии 35 ведущих деятелей нашей стороны, которые, в соответствии с заключенным с „Солидарностью” контрактом, должны были попасть в Сейм, церковь предложила нам: баллотируйтесь еще раз, будем вас поддерживать. Помню, как мы, члены Политбюро, собрались тогда в варшавском аэропорту Окенце, ожидая генерала Ярузельского, который возвращался из-за рубежа, куда ездил с визитом. Это было поздно вечером, почти ночью. Все были взволнованы и очень устали. Встал вопрос, принять ли предложение церкви. И по предложению Мечислава Раковского, переживавшего и поражение всепольского списка, и свое лично, мы от этого отказались. Не по расчету, нет, просто честь не позволяла, да и эмоции разгулялись, но разум подсказывал, чтобы принять, и тогда все бы мы попали в Сейм.

- **За сколько?**

- Не за сколько, даром. В порядке, так сказать, рекламы. Ведь в предыдущем контракте были недостатки, которые надо было устранить. Но мы не согласились, и сегодня я вижу, что поступили правильно. Мы, обремененные опытом прошлого, возможно, мешали бы принятию столь коренных изменений общественного строя, одобренных «контрактным» Сеймом. Возможно, наше воображение рисовало бы угрозы, и мы сдерживали бы темпы перемен? Не знаю. Но спустя всего лишь несколько месяцев, уже будучи послом в Москве, я был убежден в одном: впервые поляки крепки не задним умом...

Цена компромисса

Беседа Тересы Тораньской с Виктором Кулерским

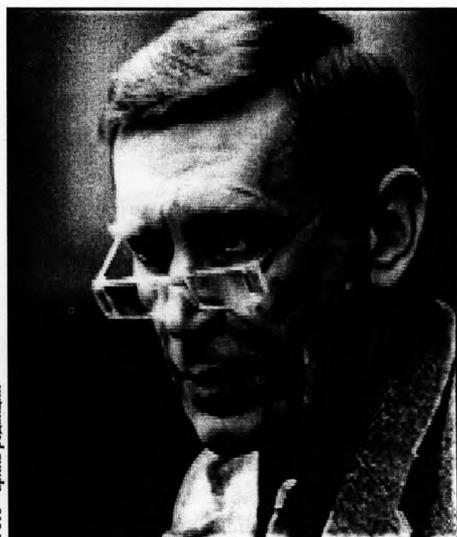

Фото - архив редакции

Виктор Кулерский родился в 1935 году в г. Грудзендзе. Учитель, выпускник Люблинского Католического университета. С июня 1989 по 1999 год работал в структурах КОРА, после августа 1980 года - в „Солидарности”. С июня 1989 по сентябрь 1991 года - депутат Сейма РП; в сентябре Тадеуш Мазовецкий назначил его на пост статс-секретаря в Министерстве народного образования. Был президентом Фонда „Просвещение для демократии”.

- В 1989 году Вы поддержали генерала Ярузельского...

Я - один из семи депутатов, отдавших в июле 1989 года (когда Сейм выбирал президента) недействительные голоса за Ярузельского. Выбор был для меня очень трудным. Более того, это был один из двух, наиболее драматических моментов в моей жизни. Итак, я нахожусь в Сейме, идет голосование. Передо мной бюллетень: сверху моя фамилия, ниже - за, против, воздержался. Надо выбрать одну из трех возможностей. Ярузельский может пройти, но может и не пройти. По моей прикидке второй вариант более вероятен. Вся история моей жизни, казалось бы, не дает мне никаких оснований содействовать его избранию. Даже наоборот! Все в моей жизни велит мне голосовать „против”. Но на дворе июль 1989 года. И хотя в Советском Союзе правит Горбачев, объявивший перестройку, но берлинская стена еще стоит, держится ГДР и Чехословакия, Войско Польское в руках у Ярузельского, а госбезопасность - у Кищак. Смотрю я на этот листок и думаю: что будет, если Ярузельский не пройдет. Точнее, меня волнуют два вопроса. Первый: не используют ли тогда Ярузельский или Кищак армию или госбезопасность для сохранения своей власти. И второй: если они и смирятся с поражением, а оппозиция отстоит своего премьера и президента, то как поведет себя генералитет и руководство госбезопасности. Не сочтут ли они Ярузельского и Кищак проигранными фигурами и не повернут ли армию и госбезопасность против народа. Секретарь Сейма называет фамилии депутатов в алфавитном порядке, и вот уже приближается моя очередь. Некоторые депутаты демонстративно выходят из зала, бойкотируя голосование. Я не хочу выходить, эта форма мне не нравится. Я думаю так: во-первых, нельзя исключить ни первую, ни вторую возможность. Скорее наоборот: при нынешней международной обстановке все возможно. Во-вторых, успехи, одержанные в борьбе, и козыри, появившиеся у нас после Круглого стола, слишком велики, чтобы продолжать эту игру в покер. Ведь в любой игре побеждаешь лишь до определенного момента, но всегда - будь то рулетка или покер - приходит время, когда стоит подумать: играть или кончить, и, вот тогда-то человек делает ошибочный шаг: „еще разок” - решает он и... теряет все. И третье - принимая решение, я задаю себе вопрос: на ком скажутся его последствия? Итак, на ком скажутся последствия неизбрания Ярузельского президентом? Ведь не только на мне и депутатах. Они скажутся на всем обществе. Следовательно, ответственность за этот шаг ложится на всех, кто будет способствовать этому, в том числе и на меня. Я умею идти на риск и в своей жизни рисковал немало. Но только в том случае, если последствия риска касались меня одного. Когда секретарь дошел до буквы „К”, решение было готово: зачеркиваю так, что бюллетень становится недействительным, встаю и опускаю листок в урну.

- Вы знали, что таким же образом поступят Велёвейский, Стельмаховский, Тишецяковский, Пашинский, Милковский и Станислав Стомма?

Нет, не знал. Времени согласовывать у нас не было.

- А раньше?

Раньше я говорил только с одним человеком, которого очень уважаю и которого знал еще до работы в КОРе (Комитет защиты рабочих - ред.) Я спросил его: Профессор, как Вы будете голосовать? Он в ответ: ничего не поделаешь, придется голосовать за Ярузельского. Потом выяснилось, что он голосовал против и из-за этого при встрече со мной чувствовал себя неловко.

- Так почему же Вы не голосовали „за“?

Не мог. Я не настолько ценил Ярузельского, чтобы оказывать ему явную поддержку. Но с другой стороны я знал, что на этом посту он поведет себя ответственно и разумно. Поэтому, я избрал косвенный путь: уменьшить число действительных голосов, увеличив тем самым шансы Ярузельского. Поздним вечером были объявлены результаты: Ярузельский избран преимуществом одного голоса. Я почувствовал огромное облегчение. В кулуарах Сейма один из депутатов моего избирательного округа и моего депутатского клуба подошел ко мне и, красный от негодования, бросил: так не делают, ты повел себя как последний сукин сын. Согласен, - ответил я, - только мне от этого ни холодно, ни жарко.

- Сегодня Вы поступили бы так же?

Конечно. И, кстати, хотите знать, что я на самом деле думаю о Ярузельском?

- Выключить магнитофон?

Зачем?

- Когда один Ваш товарищ по партии решил сказать о нем что-то хорошее, то попросил выключить магнитофон.

(Смеется.) Не надо. Я считаю, что Ярузельский - человек, который в определенное время, находясь на определенном посту, в определенных условиях и обстановке сумел повести себя ответственно и разумно, в соответствии с интересами общества. И по крайней мере - я это подчеркиваю - по крайней мере не причинил стране столько вреда, сколько могли бы причинить другие, окажись они на его месте.

- И 13 декабря 1981 года тоже?

Тоже. Возможно, это было не самое лучшее решение, но таковых почти не бывает. Политик должен знать цену, которую он готов заплатить за уступку, и понимать, кому будет предъявлен счет, что бремя ложится не только на него одного, но и на все общество. А счет может быть высоким. Таких счетов в Польше было много, слишком много. И хватит! Поэтому я очень осторожно оцениваю решения других. Я четко знаю: захоти Ярузельский усмирить страну, он сделал бы это. Но он поступил вопреки принципам Макиавелли. Гибель даже одного человека - это трагедия, но в какой другой стране введение чрезвычайного или военного положения обходится лишь сотней жертв! Элита осталась. Все его дальнейшие действия, последствием которых стал Круглый стол, свидетельствуют в его пользу.

- Но ведь из-за него Вы потеряли 7 лет жизни.

А разве он сам не потерял многих лет своей жизни? Потерял. Такое случается всюду. Впрочем, во-первых, это не его вина, во-вторых, это вовсе не потерянное время, и в-третьих, никто не заставлял меня 5 лет скрываться, быть в подполье. Это был мой собственный выбор.

Тереса Тораньская, журналистка. Известность снискала сборником „Они”, в который вошли интервью с ведущими коммунистическими деятелями. Книгу, переведенную на многие языки, выпустило в восьмидесятые годы подпольное издательство „Przedswit”. Автора интересуют происходящие во взглядах людей перемены, что отразилось в новом сборнике „Мы”, содержащем беседы с известными деятелями антикоммунистической оппозиции. В настоящее время по одному из каналов польского телевидения ведет программу под названием „Вы”.

Фото Prasowa Agencja Telewizyjna

Витольд Гадомский

1. КАК ТУТ НЕ ВЕРИТЬ В ЧУДЕСА?

Поляки никогда не славились трудолюбием и хозяйственностью. Тем не менее, в 1989 году, первыми в этой части Европы мы с радостью принялись за строительство нового экономического строя.

Фото САФ-РАР

Цезарь Юзефяк - профессор - экономист, член Совета денежной политики. Председатель Центра им. Адама Смита.

КОМУ ДАТЬ БОЛЬШЕ

Беседа с проф. Цезарь Юзефяком

— Наша экономическая политика предполагает, с одной стороны, необходимость ужесточения фискальной политики, поскольку в силу разных причин мы должны

Когда десять лет тому назад мы начинали наше приключение с капитализмом, уверенности в успехе не было. Социализм очевидным образом обанкротился. Мы, однако, были привязаны ко многим решениям, свойственным тому политическому строю, - фактически гарантированной занятости, к дешевым квартирам, дотируемому продовольствию, слабой дифференциации доходов. Распространены были идеи „третьего пути” как чего-то промежуточного между капитализмом и социализмом.

С другой стороны, для миллионов поляков, которые до 1989 года выезжали на Запад, капитализм ассоциировался с заполненными товарами магазинами и яркими витринами. Только немногие думали о том, что это всего лишь одна сторона свободного рынка, что капитализм - это, главным образом, тяжелый труд, а свобода означает также ответственность за свою судьбу.

В таком состоянии духа мы покидали ПНР - с карточками на мясо, с 40-миллиардной внешней задолженностью и почти нулевыми валютными резервами, с незавершенными, необдуманно затеянными стройками, для завершения которых не хватало средств.

ДУХ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА

Без предпринимателей в Польше не было бы капитализма. В начале трансформации существенным козырем была мобильность нашего общества, склонность к риску, зарубежные контакты, установленные в последние годы коммунизма. Стереотипы поляка - шляхтича, поляка - романтического авантюриста, пренебрегающего повседневным, упорным трудом, оказались ложными. „Туристы”, торгующие контрабандным товаром, нелегально работающие и зарабатывающие в Швеции и Германии, быстро начали открывать собственные предприятия. Шанс для них создавал закон от декабря 1988 года, подготовленный еще коммунистическим правительством Раковского, который предусматривал либеральные правила создания и регистрации фирм. Вскоре в Польше возникло несколько миллионов малых предприятий. Большинство из них быстро разорилось либо приостановило работу, но осталось достаточно много, чтобы в начале 90-х годов стать движущим фактором экономической динамики.

Пригодились те черты поляков, которыми мы не всегда гордимся - индивидуализм, увлечение всем иностранным, неуважение законов (как

абсурдных предписаний ПНР-овской бюрократии, так и разумных правил), отсутствие привязанности к месту и стилю жизни.

Именно динамика сектора малых частных предприятий существенным образом отличает нашу экономику от экономики соседних стран. В Польше существует почти 2,5 миллиона единоличных предприятий и простых товариществ. Они являются источником содержания каждого четвертого поляка и производят около 27% национального продукта брутто. И хотя приватизация больших государственных предприятий осуществляется достаточно медленно, то благодаря малым фирмам уже почти 65% национального дохода дает частный сектор.

План Бальцеровича ввел либерализацию внешней торговли и конвертируемость польского злотого. Зарубежные специалисты по сей день жалуются, что злотый не удовлетворяет установленным МВФ стандартам конвертируемости. Но польским частникам достаточно было того, что они могли купить доллары в обменном пункте и выехать с ними в Берлин. Конец 80- начала 90-х годов - это период Большой Торговли - туристских поездок за товаром („челноки”), контрабанды, использования пробелов в таможенном законодательстве, торговли с рук, с чемоданов, раскладушек и, наконец, в собственных магазинах. Некоторые стремились всю эту анархическую торговлю ограничить административными рамками. Вал бюрократических законов действительно начала нарастать, но уже спустя несколько лет.

В долгосрочной перспективе слабое государство создает угрозу экономике, но в то конкретное время оно способствовало предпринимательству. К тому же, польские предприниматели - в отличие от наших соседей, особенно за восточной границей - не осели в теневой экономике, но сумели бросить якорь в легальном бизнесе и постепенно приспособлялись к цивилизованным стандартам: начали платить налоги, регистрировать обороты, применять налоговые кассы. И - главным образом - инвестировать и развивать свои фирмы, используя шансы, которые дал им свободный рынок.

Мы легче перенесли шок переходного периода, ибо снижение уровня производства в государственном секторе уравновешивалось великолепной динамикой - превышающей 30% в год - в частном секторе. Частные фирмы приобретали, не всегда законным образом, неиспользованное имущество государственных предприятий, а падение национального продукта брутто было меньше, чем это показывала официальная статистика.

РЕШИТЕЛЬНО В КАПИТАЛИЗМ

Быстро сформированное правительство Тадеуша Мазовецкого, которое в течение первых месяцев работы пользовалось широкой поддержкой общественности, стало огромным шансом, который был использован если не полностью, то, во всяком случае, в значительной мере. Команде Лешека Бальцеровича понадобился всего лишь месяц для того, чтобы создать стабилизационную программу. Она была готова в октябре 1989 года. Очередные три месяца - это работа по бюджету на 1990 год и принятие Сеймом более десяти законов, которые меняли экономический строй Польши. Давайте сравним эти темпы законодательных изменений с ситуацией в России, после дефолта обслуживания зарубежной задолженности в августе прошлого года. Более месяца длилось там формирование нового правительства. А когда

снижать бюджетный дефицит, а с другой – смягчение денежной политики, так как у нас по-прежнему слишком высокие процентные ставки по сравнению с другими странами.

– Если фискальная политика смягчается, должна неизбежно ужесточиться денежная. Вместе с тем встает вопрос о том, чем объясняется пошатнувшееся экономическое равновесие и напряженность макроэкономических пропорций и можно ли их нивелировать путем экономической политики. Причиной трудностей я считаю внешние факторы, на которые наложились в дальнейшем факторы внутренние, например, повышение курса злотого. Политические силы и профсоюзы отрицательно реагируют на такую ситуацию.

– Почему?

– Дело в том, что напряженность перекинулась в микроэкономическую и социальную сферы. Определенные социальные группы стали оказывать давление на правительство, что может подорвать экономику в целом. Все, начиная от шахтеров до крестьян и медсестер, требуют для себя бюджетных доплат. Правительство обещает им дополнительные средства, после чего начинает спешно искать деньги и источники их получения, в частности, путем повышения акцизных сборов.

– Вам не кажется, что правительство постепенно теряет контроль за бюджетом?

– Нет, я бы не сказал этого, тем не менее внутри правительства нет единства. Часть его членов зорко

следит за сохранением финансового равновесия, вторая же группа не менее бдительно - за сохранением равновесия, но, так сказать, в сфере социально-политической, и она готова идти на уступки. Однако это внутренняя проблема нашего коалиционного правительства и ее необходимо решить в пользу финансового равновесия, без которого не будет и равновесия политического.

– Одним словом, правительство не должно идти на уступки, чтобы сохранить сбалансированный бюджет?

– Думаю, что не должно. Оно проявляло излишнюю мягкость и не было достаточно последовательным. Сначала говорит нет, потом, под нажимом требований, уступает. Таким путем можно обеспечить себе спокойную жизнь, но на короткое время, в длительной же перспективе это может обернуться политическим проигрышем.

– Пожалуй, в нынешней ситуации отклонение требований отдельных социальных групп уже ничего не даст. Чтобы удержать дефицит в рамках и не допустить повышения процентных ставок, правительство должно сэкономить в нынешнем году порядка 2-3 млрд. злотых бюджетных средств.

– Я склоняюсь к мнению Министерства финансов, что надобности в этом не будет.

gazeta
PUBLISZCZYSTWA

„Газета wyborcza” – крупнейшая в Польше ежедневная газета, примыкающая к Унии Свободы.

оно уже было сформировано, в течение полугода было не в состоянии предложить оздоровительную программу.

В Польше темпы имели особо важное значение, ибо дефицит бюджета достигал 30% доходов государства, а инфляция - порядка 50% в месяц. Итак, время было на вес золота.

Начиная с 1956 года, социалистическая экономика постоянно реформировалась, но все реформы - независимо от того, насколько разумно их запланировали, размывались властями. Правительство Мазовецкого объявило о подготовке экономической реформы и провело изменение политического строя. Это удивило существенную часть политических элит и деловых групп, которые не осознавали, насколько глубокими являются перемены. Депутаты без промедления принимали предлагаемые правительством законы, голосуя „за”, независимо от партийной принадлежности. В нормальных условиях подобное поведение несовместимо со здоровыми парламентскими принципами. Но в декабре 1989 года это было необходимо. **Если бы тогда взяли верх группы нажима, реформы увязли бы в компромиссах, либо вообще не проводились.**

И это было первое чудо. Вторым было продолжение в течение десяти лет рыночной экономической политики, хотя группы нажима, оправившись от первого шока, делали все возможное, чтобы деформировать управление экономикой. Прорыночную политику продолжало правительство Стефана Ольшовского, хотя сам премьер-министр утверждал, что „незримая рука рынка часто оказывается рукой афериста”. Эту политику продолжала и коалиция СЛД-ПКП¹, которая в 1993 пришла к власти под лозунгом „Может быть по-другому”.

В принципе, свободному рынку, не способствует расклад на польской политической сцене, где доминируют два сильных профсоюза. Но, несмотря на все, удалось отстоять не худшую хозяйственную политику. Думаю, что по двум причинам. Во-первых, польские элиты думают и работают более разумно, чем говорят. Они охотно занимаются противорыночной пропагандой, прибегают к популизму, но ключ в государственную казну вверяют разумным людям. Во-вторых, свободный рынок высвободил силы, благодаря которым трудно теперь осуществлять неразумную экономическую политику. Но это не значит, что невозможно...

В течение нескольких лет в среде польских и международных экономистов продолжалась дискуссия о том, что лучше - шоковая терапия или постепенные реформы. По мнению Бальцеровича, радикализм экономической политики должен быть соразмерным с масштабами экономического кризиса. В 1989 году польская экономика была в худшем положении, чем венгерская или чехословацкая. Кризис, подобный польскому, пережили страны СНГ после распада СССР. Там постепенные реформы не завершились успехом. Успешными были в Венгрии и Чехии, хотя их эффективность меньше, чем в Польше.

БЫТЬ ОТЛИЧНИКОМ

В 80-е годы стало очевидным, что Польша никогда не будет в состоянии вернуть свои долги - валютный экспорт составлял неполных 10 миллиардов

¹ Демократический Союз левых сил (Sojusz Lewicy Demokratycznej) и Польская крестьянская партия (PSL) - ред.

долларов, а задолженность превышала 40 миллиардов. В связи с этим ПНР приостановила погашение задолженности. ПНР была банкротом.

Шанс на то, чтобы урегулировать отношения с кредиторами, возник только после того, как в Польше переменился политический строй. В апреле 1991 года Польше удалось добиться ограничения задолженности кредиторам из так называемого Парижского клуба (объединяющего 17 стран), которым она была должна около 34 млрд. долларов. Вначале ей простили 30% задолженности и еще 20% - при условии одобрения Международным валютным фондом согласованных с польским правительством экономических требований. Окончательное прощение этих долгов состоялось в апреле 1994 года, после того, как МВФ признал, что Польша выполнила эти требования.

Соглашение с Лондонским клубом открыло Польше путь к новым кредитам, которые ей могут быть предоставлены непосредственно на рынках капиталов, например, вследствие реализации облигаций (так называемых еврооблигаций). Их процентная ставка немного выше, чем облигаций высокоразвитых стран, но систематически падает. Начался приток капитала в Польшу - в виде непосредственных инвестиций, портфельных и кратковременных. Они подогрели экономическую конъюнктуру, особенно в 1994 - 1997 годах.

Поляки комплексуют перед Западом. С одной стороны опасаются, что богатые страны задавят их и будут эксплуатировать. Однако, с другой, нуждаются в подтверждении своих достоинств.

Тем не менее, действовавшие в Польше шумные группы, предостерегавшие от Европы и глобализма, не смогли сильно повлиять на политику очередных кабинетов. Благодаря этому Польша находится в числе тех четырех стран Центральной Европы, которые лучше справляются с трансформацией. Соглашение с МВФ означало для Польши не только кредиты, но, главным образом, печать достоверности, без которой невозможным было бы ни заключение соглашения об ограничении задолженности, ни привлечение инвесторов.

С самого начала трансформации очевидными были международные приоритеты Польши: с точки зрения безопасности - НАТО; с точки зрения экономического сотрудничества - Европейский союз. Заключенное в 1992 году ассоциативное Соглашение с ЕС еще не было большим успехом. Похожее соглашение Союз заключил с большинством стран Центральной и Восточной Европы. Успехом было то, что Польша была в первой группе государств, приглашенных на переговоры по вопросу полного членства.

СОЛИДНЫЙ КАПИТАЛ

Плоды доверия со стороны Запада Польша начала пожинать в середине 90-х годов. Шансом для нее стала глобализация и снижающаяся прибыль от вложений в высокоразвитых странах, что повысило привлекательность восходящих рынков. Польша - отличник среди бывших коммунистических стран - непременно должна была вызывать интерес инвесторов. Этим шансом Польша воспользовалась исключительно эффективно. Размер непосредственных зарубежных инвестиций за последнюю декаду специалисты оценивают на 30 млрд. долларов.

Таким образом, Польша стала страной инвестиционного бума, который обеспечил ей высокие темпы роста. Ведь инвестируют частные фирмы, которые

Рис. X. Савва

Прошло 10 лет, как мы свергли коммунизм, а ты по-прежнему стара и некрасива.

Фото САФ-РАР

Лешек Бальцерович -
- (род. 1947), выдающийся польский экономист и политический деятель, вице-премьер и министр финансов в первом некоммунистическом правительстве Тадеуша Мазовецкого в 1989-91 гг. В правительстве Ежи Бузека с 1997 г. Был советником правительства независимой Украины по экономическим вопросам.

вынуждены заботиться о том, чтобы норма возврата возмещала стоимость обслуживания кредита.

Массовый приток зарубежного капитала - это результат не столько особых правовых регулировок: налоговых каникул, специальных экономических зон и т.д., сколько хорошей макроэкономической политики, благодаря которой Польша воспринимается как страна стабильная и безопасная.

В Польше, как и во всех бывших коммунистических странах, слабостью законодательства в области финансов пытались воспользоваться разные бизнесмены-чудотворцы. Предостаточно было голосов, указывающих на Россию и другие страны СНГ, как на достойный подражания пример в области приватизации, формирования банков и бирж. Действительно, приватизация там была проведена быстрее, чем в Польше, но на основании менее четких процедур. В течение нескольких лет в России выросли финансовые империи, сила которых сравнима с международными корпорациями, тысячи банков, десятки бирж. Все это закончилось грандиозным крахом.

Стихийный капитализм был огромным соблазном для Польши - страны почти двух миллионов мелких капиталистов. Если бы она пошла по этому пути, если бы разрешила мягкие правила игры на рынке капитала - по образцу России или даже Чехии, сегодня не стояла бы проблема приватизации, но и не было бы растущих сбережений на банковских счетах. К счастью, Польша выбрала немного другой путь, благодаря чему этому, сумела привлечь солидный капитал. Варшавская биржа считается значительно более солидной, чем пражская, не говоря уж о московской.

ОДНАКО ЧУДО

Десять лет тому назад аккредитованные в Варшаве зарубежные корреспонденты рассказывали такой анекдот: Существуют два способа превращения Польши в нормальную страну - демократическую, хозяйственную, трудолюбивую. Первый способ - это естественные изменения. Второй - это чудо из разряда ниспосланных свыше. Этот второй способ - значительно более реальный.

Но, такое чудо сбылось. А точнее, полоса чудес:

- Не обладая в своей истории рыночной традицией, поляки как ни одна соседняя нация, с энтузиазмом принялись за строительство капитализма;
- Будучи людьми вечно недовольными, в том числе и правительством, поляки позволили, чтобы экономической политикой управляли разумные люди
- Хотя поляки верят в чудеса и охотно прислушиваются к разным авантюристам, они никогда не отдали им власть. Это тоже чудо;
- В течение десяти лет поляки, отчасти невольно, использовали великолепную международную конъюнктуру, политически обеспечивая свои позиции и привлекая международный капитал;
- Благодаря соглашению с кредиторами, а также экономическим переменам бремя внешней задолженности перестало быть столь тяжким;
- Несмотря на пресловутое польское разгильдяйство, полякам удалось создать неплохие финансовые институты.

Такая полоса чудес, естественно, может когда-то прерваться. Тем более, что в течение последних десяти лет предостаточно было ошибок и упущенных шансов.

2. ОШИБКИ И ПРОСЧЁТЫ

В течение десяти лет экономическая политика очередных правительств все более подвергалась нажиму разных группировок, отстаивающих свои интересы.

О полосе неудач говорят крестьяне, составляющие четвертую часть населения страны. Нет ощущения победы среди рабочих, которые в наибольшей степени способствовали падению коммунизма. Люди в возрасте жалуются, что родились слишком рано, чтобы радоваться успехам трансформации, но слишком поздно, чтобы не испытать на себе ее тягот. Молодые считают, что все еще бедная экономика не обеспечивает им старт во взрослую жизнь.

Поляки, которые, объективно говоря, одержали огромный успех, недовольны не только потому, что они по своей природе всегда недовольны. Экономическая политика последних десяти лет была полосой компромиссов, а компромиссы, как правило, никого полностью не устраивают.

КАК ОТРУБАТЬ ХВОСТ?

Осенью 1989 года американский экономист Джеффри Сакс дал польским политикам хороший совет: если вы хотите отрубить собаке хвост, то это надо сделать одним ударом. Обрезание по кусочку куда больнее.

С внедрением плана Бальцеровича хвост отрубили наполовину. Потом приходилось его подрезать еще много раз. Все правительства, в том числе и нынешнее, задавались целью обрезать еще кусочек. Тем временем, общественное одобрение коренных реформ и связанных с этим лишений всегда кратковременно. В Польше оно сохранялось примерно до середины 1990 года.

Если бы в то время правительство Мазовецкого придерживалось более жесткой позиции по отношению к государственным предприятиям, если бы закрыло несколько наиболее убыточных объектов, если бы, по крайней мере, ограничило добычу угля, последующее экономическое развитие было бы более стремительным. Но правительство, по всей вероятности, недооценивало устойчивость государственных предприятий к лоббизму и изменениям. Исходя из предпосылки, что произойдет скачкообразный рост безработицы, правительство подготовило щедрую социальную защиту.

Безработица в 1990 году была очень низкой и защитой воспользовались лица, вовсе не нуждавшиеся в помощи. В итоге это были утраченные деньги и шансы.

Тем временем государственные, а точнее социалистические, предприятия в течение еще двух лет занимались, в основном, тем, для чего и были созданы: обеспечивали занятость и зарплату своим работникам (в том числе и директорам, реальные оклады быстро росли). Процессы, которые назывались „рыночным приспособлением” - выработка прибыли, экспансия, завоевание новых рынков - начались на государственных предприятиях практически только в 1992 году.

Правда, в начале 1990 года были приняты законы, предусматривавшие банкротство государственных предприятий, но вплоть до середины 90-х годов были только единичные случаи такого банкротства. Зато повсеместно государственные предприятия тратили кредитные средства и не уплачивали налоги и страховые взносы.

ТРИБУНА

„Трибуна” – ежедневная социал-демократическая газета, преемница „Трибуны Люду” - официального органа ПОРП

Заученная Бальцеровичем догма о низком бюджетном дефиците, а также его последний „конек” - „охлаждение экономики” довели польский бюджет до банкротства. Вице-премьер не теряет самообладания – вот, пожалуй и все, что можно хорошего о нем сказать.

Виктор Кулерский

БАЛЬЦЕРОВИЧ БЕЗ ОЧКОВ

Человек, которого посткоммунисты требовали поставить перед Государственным трибуналом, его чучело хлестали и жгли на уличных демонстрациях, на его избирательных плакатах рисовали свастику и... звезды Давида, его карикатура была на плакатах с надписью „Лешек Бальцерович – доктор Менгеле экономики”.

Автор польского „экономического чуда”, великой реформы польской экономики, которая спустя всего лишь одно десятилетие открыла перед Польшей дверь в Европейский союз, один

из крупнейших в мире бесспорных авторитетов в области экономики и хозяйственных реформ, пользующийся высочайшим признанием и уважением со стороны иностранной политической элиты. Для ближайших сотрудников – человек-компьютер и человек-машина, которому нет износа. Говорят, что он невероятно интеллигентен, на лету, с полуслова схватывает суть дела, точный и требовательный титан труда, который мерит время секундами. Сотрудничество с ним напоминает скорее всего работу на командно-диспетчерском пункте в самом многолюдном в мире аэропорту, а не в каком-то важном государственном учреждении. Но при этом он всегда открытый, дружелюбный, теплый и очень скромный. Как он это делает? Как он в состоянии это переносить? Он оживает только тогда, когда начинается разговор о реформах, о любых реформах. Страстный любитель реформ. Реформы для него – это загадки, требующие решения, тайны, которые нужно узнать, новые материи, которые нужно открыть. „Меня интересуют реформы. Все реформы. Реформы – это мое хобби”, – так говорит Бальцерович. Но это только часть правды. Он также настоящий „охотник за головами”. И, пожалуй, именно это и является его вторым увлечением, хотя возможно, что он сам об этом не знает. Он не просто „охотник за головами”. Талант и профессионализм – для него этого недостаточно, если отсутствует добросовестность и честность, не говоря о такой банальной черте, как трудолюбие. Из-под его руки вышел Ежи Козьминьский, посол Польши в США, один из самых молодых и... лучших польских послов. Он открыл в провинциальном городе

Приватизировались либо ликвидировались, главным образом, малые предприятия – особенно те, в которых не было сильных профсоюзов. Гиганты, на которых висели огромные долги и которые особенно нуждались в переменах, оставались на плаву, под защитным зонтом профсоюзов и политических партий.

Даже сегодня большинство из 3 тысяч государственных предприятий – убыточны. Государственные предприятия должны государству более 10 млрд. злотых (около 2,5 млрд. американских долларов – ред.), а брешь в бюджете волей-неволей заполняют другие налогоплательщики.

После десяти лет реформирования можно сформулировать следующий тезис: чем дольше предприятие (или даже целая отрасль) находится в состоянии устойчивого дефицита, тем труднее изменить это положение. Ибо в защиту псевдобанкрота мобилизуются отраслевые группы.

КУДА ДЕВАЮТСЯ ДЕНЬГИ?

Поляки привыкли, что единственный институт, который заботится о более или менее уравновешенном бюджете, это Министерство финансов, которое вынуждено бороться против всех ведомств, требующих больше денег.

В высоко- и среднеразвитых странах расходы публичного сектора, как правило, не превышают 40% ВВП. В Польше в 1997 году они превысили 48%.

Что случилось с этими деньгами? Почти 42% были направлены на социальные цели, более 20% – на зарплаты работников бюджетной сферы. При такой структуре бюджета немного остается для основных нужд государства.

Польский бюджет не был бы столь большим и одновременно столь скудным, если бы в начале трансформации было принято решение о проведении коренной реформы системы социального страхования. Этот шанс был упущен.

В декабре 1990 года Сеймом был принят закон „О социальном страховании крестьян”, который подействовал как бензин, вылитый в костер. Достаточно иметь гектар земли (иногда фиктивно купленный у члена семьи), чтобы полностью воспользоваться широким диапазоном средств социальной защиты. К тому же страховые взносы крестьян почти символичны. В 1991-99 годах расходы Пенсионного фонда (финансирующего крестьян) выросли в девять раз. Одновременно расходы Фонда социального страхования (финансирующего трудящихся) выросли „только” в семь раз.

Итак, пришлось обрубать хвост по кусочку – и каждый раз оказывалось, что это болезненная операция. В 1991 году правительство не провело вовремя ревалоризацию пенсий и зарплат в бюджетной сфере. Конституционный Трибунал обременил в связи с этим государство многомиллиардным долгом, который будет погашаться в течение еще нескольких лет. В результате нажима отраслевых групп интересов были сохранены специальные привилегии многим профессиональным группам. Кроме того, валоризация должна была проводиться в соответствии с коэффициентом роста зарплат, а это приводило к тому, что постоянно повышалось соотношение средней пенсии по старости к средней зарплате. Только в 1996 году было принято решение, привязывающее рост пенсий к росту цен.

Все современные государства осуществляют социальную политику и направляют в нее бюджетные средства. В Польше проблема состоит в том, что политика, проводимая всеми без исключения очередными правительствами,

была одновременно расточительной и неэффективной. Примером может послужить хотя бы помощь инвалидам. Большая часть этих средств, как показала ревизия, проведенная Главной инспекционной палатой и налоговой инспекцией, где-то растворилась.

ОСНОВНЫЕ ЦЕЛИ ГОСУДАРСТВА

В Польше, где социальные расходы составляют около 20% ВВП, на реализацию основных целей государства - развитие инфраструктуры, безопасность, юриспруденцию, просвещение - направляется 7-8% ВВП. Это значит, что государство не выполняет свои основные функции, для чего оно и существует.

Постоянно не хватает денег на совершенствование работы полиции, прокуратуры и судов. Это так, как в случае живого организма с недостаточностью иммунной системы. В итоге разные заболевания и патологические явления распространяются на все области общественной и экономической жизни. Должники не погашают свои долги, так как суды не в состоянии их к этому принудить. Это отпугивает зарубежных предпринимателей от инвестирования в Польшу. Неэффективность системы правосудия способствует росту коррупции, осложняет процесс приватизации, приводит к тому, что поляки неохотно отождествляют себя со своим государством.

Нехватка денег в системе просвещения приводит к тому, что в школе, финансируемой государством, как правило, нет возможности изучить иностранный язык, научиться пользоваться компьютером или получить знания, необходимые для учебы в вузе. Все это приводит к углублению социальных различий, цивилизационной деградации „Польшы Б”.

Сельскохозяйственной политикой занимались почти исключительно деятели крестьянских партий. Они ставили перед собой кратковременные цели, особо не заботясь о структурных переменах села. Более того, политика, которая ограничивалась незначительным повышением уровня доходов сельских хозяйств благодаря открытому либо скрытому дотированию, только препятствовала структурным изменениям.

Слабые хозяйства живут сегодня главным образом за счет пенсий по старости и инвалидности. Они не производят ничего на рынок и занимают место, которое могли бы лучше использовать динамические производители. Им же, в связи с хаотичной сельскохозяйственной политикой очередных команд, предоставлялись противоречивые сигналы на тему выгодности производства. Таким образом, большая часть средств, предназначенных на дотации для сельского хозяйства, растрачивается.

Деятельность крестьянских политиков ограничивается попытками вырвать побольше денег из государственного бюджета на дотации и интервенционную заготовку, а не на поддержку школ и программ, способствующих развитию просвещения в глубинке. Если бы в течение 10 лет всего лишь 10% дотаций, направляемых на сельскохозяйственное страхование, предназначить на повышение уровня школ, курсы, инфраструктуру - положение сельского хозяйства было бы значительно лучше.

ЗАПОЗДАЛАЯ ПРИВАТИЗАЦИЯ

Приватизация - это лозунг всех правительств, но все больше об этом говорили, чем действительно делали.

Грудзендзе Томаша Пасиковского, ныне Генерального директора в Министерстве финансов. Если кто-то выходит из-под руки Бальцеровича, то наверняка это не просто кто-нибудь. Мне предоставилась возможность познакомиться с несколькими молодыми „людьми Бальцеровича” во время работы в одной из комиссий Сейма. Они были незаурядны, и работа с ними давала удовлетворение. И поэтому я полагаю, что Бальцерович, в котором большинство людей видит только фанатичного макроэкономиста, а к тому же и отвратительного либерала, в действительности ставит на человека, причем на человека в полном смысле этого слова, и на... экологию, о чем мало кто знает.

Один из политиков сказал: „Этот ваш Бальцерович, кажется, ненормальный. Он действительно верит в то, что делает!”. Вот это и есть весь Бальцерович. Добавим к этому - на фоне большинства польских политиков, да и не только их.

20 июля 1999 г.

Поляки потеряли шанс на выгодную приватизацию нескольких, самых ценных предприятий, прежде всего связи и нефтеперерабатывающей промышленности. Не удалось приватизировать металлургическую отрасль, а, тем временем, увеличиваются затраты металлургических комбинатов, которые не в состоянии противостоять усиливающейся зарубежной конкуренции.

- Польша должна выработать стратегию развития отдельных секторов экономики, сказал недавно профессор Аллан Мейхью (Allan Mayhew) из университета в Суссексе. - Даже если политика Польши, например, по отношению к металлургической промышленности, будет полностью противоречить интересам ЕС, в ходе переговоров у нее будет возможность защищать свои принципы.

Таким же образом рассуждает Януш Левандовский, бывший польский министр приватизации: - Мы должны осуществлять секторную политику, определять, в каком направлении будут развиваться отдельные секторы экономики, куда мы пускаем зарубежный капитал, а где поддерживаем формирование польских корпораций. Левандовский утверждает, однако, что уже истекло время внедрения упорядоченной отраслевой политики. - Сегодня уже поздно - говорит он.

И последний, хотя не менее важный вопрос: в Польше все еще не проведен процесс возвращения национализированной частной собственности. Лучшее для этого время было в 1990-92 гг. Тогда можно было это решить просто и прозрачно, заканчивая раз и навсегда все притязания. А так, споры об имуществе, национализированном при социализме, продолжают по сей день, мешая приватизации и отпугивая зарубежных инвесторов.

УХОДЯЩИЙ ЕС

Позицию польских политиков летом этого года можно охарактеризовать следующим образом: „Так или иначе, в Евросоюз мы когда-то войдем, но нечего торопиться. Может даже лучше войти попозже, когда Польша немного укрепится”.

Первоначально срок объединения был намечен на 2000 год. Сегодня эта дата, естественно, не актуальна. Полуофициальные источники говорят о 2003 годе, но политики дают понять, что более реальный срок - это 2006 год.

Тем временем, шансы на вхождение Польши в ЕС в последнем году XX века, еще десять лет тому назад были вполне реальными, тем более, что Польшу поддерживали, как всегда романтические, немцы, которые воспринимали это как акт исторической справедливости.

Пользу от интеграции легко подсчитать: миллиарды евро из структурных фондов, помощь многим секторам в приспособлении к европейским стандартам, устойчивый приток зарубежного капитала, который перестанет опасаться инвестиций на „восходящем рынке”, расположенном по соседству с Россией. Необходимым было только усилие с польской стороны, главным образом со стороны политиков, от которых зависит макроэкономическая политика, темпы законодательных работ и, естественно, переговоры с Евросоюзом. Все это тормозят, в основном, интересы той или иной группы нажима - в ущерб общим интересам. Эти группы все более довлеют над экономикой Польши и приводят к тому, что она дрейфует в непредсказуемом направлении.

Леонид Корнилов

УРОКИ ПОЛЬСКОГО

Почему они ушли вперед, а мы топчемся в кризисах

ОТ КАКОГО ШОКА ЛЕЧИЛА ШОКОВАЯ ТЕРАПИЯ

Близкая смена тысячелетий, конечно, особо занимает умы и сердца поляков, однако конкретные их помыслы все же направлены на перспективы ближайшего года.

Не углубляясь в цифры, все же назову две главные. Экономический рост по-прежнему налицо. На сей раз он составит не менее 5 процентов (из-за российского кризиса – на целый процент ниже, чем намечалось). А инфляция ограничится 8,8 процента в год.

Пан Ковальский, излюбленный „средний поляк” статистиков, давно информирован, как и когда подскочат цены на транспорт, энергию, спиртное и курево. Не намного, надо сказать. Тем более, что доходы Ковальского вырастут значительно, чем цены.

Сейчас Ковальский-работник регулярно получает зарплату в 1360 злотых. Это 388,5 доллара. Его однофамильцу-пенсионеру – тоже, разумеется, всегда в срок – достаются ежемесячно 220 долларов, при этом оба, понятное дело, не устанут требовать: платите больше!

В Польше давно нет нужды искать приметы и доказательства изменений к лучшему. Просто жизнь в результате реформ стала устойчиво благополучной и все к этому привыкли.

Экономическая ситуация в стране пестрая. Это пестрота непрерывного оживления. Потребительский рынок насыщен прекрасными товарами, и к большинству из них приложена рука польского производителя. Качество высокое. „Польша перестала быть товарной барахолкой, - сказал мне минувшей осенью польский бизнесмен № 1 Александр Гудзоватый. – Наша фирма „Бартимпекс” поставляет в Россию, к примеру, швейные машинки „Лучник”. Десятилетняя гарантия, мировой уровень. Иное дело, что к польской продукции в вашей стране кое-кто по инерции относится как к чему-то халтурному, второсортному. Но, надеюсь, мы таких переубедим делом”.

Изобилием в магазинах россиян не удивись. Непривычно другое: хотите купить в салоне „Фиата” машину? Пожалуйста, все „фиаты” – польской сборки. То же самое – „дэу”, „форд”, многие другие. Вышли на эту дорогу „опель” и даже частично „мерседес”. Чисто иностранными остаются французские фирмы, „Фольксваген”, японцы. И это относится не только к автомобилям. Поляки смело идут на сотрудничество с заграничным капиталом. Хотя и здесь раздавались голоса о „распродаже родины”, о необходимости «защищать отечественного производителя». Какой такой распродаже? Какого именно производителя? Со временем поляки сумели разобраться в сущности этих вопросов. Протекционистские настроения остались главным образом в отношении сельского хозяйства, опасения – в связи с вождельным („и хочется, и колется”) грядущим вступлением в ЕС.

Кнут ЕС многим видится реальнее, чем его пряник. Отсюда – протесты и забастовки. Бастуют крестьяне, ощущающие свою ущербность, шахтеры и медики, настаивающие на переменах и более высоких зарплатах. Почти весь минувший год на Центральном вокзале в Варшаве проводили лежачую забастовку бездомные. „Сегодня – мы, а завтра – любой из вас, поляки!” – гласил простертый на полу транспарант... Все это, бесспорно, имеет место.

Но если вы думаете, что польская пенсионерка отказывает себе в наслаждении полакомиться ветчинкой или лососями, то ошибаетесь: покупает и не только на праздник. Евгений Примаков заявил в декабре на ОРТ, что российское правительство „будет вести дело к социально ориентированной экономике”. А в Польше такая ориентация была и существует как при левых, так и при правых властях. Возникает мистическое впечатление, что в этой стране любое правительство прежде всего любит свой

народ, своих людей. А то и побаивается их. Заботу о пенсионерке-лакомке или о потенциальном владельце собранного в городе Гливице „Опеля Астры” проявляли и проявляют и лидер экс-коммунистов Лешек Миллер, и отец „шоковой терапии” Лешек Бальцерович.

Оба Лешека сходятся не только в устремлениях в НАТО и ЕС, но и в том, чтобы в условиях рынка дать простому поляку возможность, скажем, пользоваться разнообразными кредитами или облегчить ему налоговое бремя, максимально приблизить к нему власть в виде самоуправления и бороться с коррупцией.

Так в чем же секрет польского успеха? Ответить и просто, и сложно. Работая корреспондентом в Варшаве, я в поисках ответа интересовался: как же так, при равных стартовых условиях они, поляки, рванули вперед, а мы все выправляли ситуацию, стабилизировались, ежегодно обещали, что этот год – он трудный самый, вот уж... То есть толклись на месте, обреченно шагая к неминуемому краху.

Стой - сказал мне один из советников нашего посольства в Варшаве. – Да ведь не было равных стартовых возможностей. У поляков иной менталитет, они не так уж и расставались с идеей частной собственности, тяготели к западным ценностям. Поэтому рынок их не раздавил. Существенное соображение. Того же мнения придерживается и известный польский экономист, интересующийся проблемами России, Украины и Белоруссии в сопоставлении с Польшей, профессор Марек Домбровский. Но наверняка есть и другие составляющие успеха. Может быть в их числе даже знаменитый „польский гонор”: поляки в кризисных ситуациях ощущают себя единой нацией, и при высвобождении родины из соцлагеря они взялись всем миром доказать, что без СССР и коммунистов справятся лучше, они – поляки, европейцы, цивилизованный народ. Проклонилось ли что-либо похожее у русского народа? Вопрос, пожалуй, не столько для экономиста или политолога, сколько для литератора.

И почему нас-то рынок должен „раздавить”? Были ведь и в Польше времена, когда у какой-нибудь „старшей пани” денег хватало лишь на одно яйцо, а полки магазинов были заставлены бутылками с уксусом и ничем больше!

„Шоковая терапия” в конце концов излечила поляков от этого шока. Тому, кто, несмотря ни на что, продолжает пугать этим термином, возразить очень легко: в гроб сия терапия своих пациентов не вогнала, это уж точно. Период рецессии и роста инфляции длился два года. И что ж вывезло Польшу из ямы? Бальцерович? Психология нации, чиновников, власти? Готовность к рынку? Желание „отомстить” коммунистам?

Из бесед, личных наблюдений и раздумий складывалась калейдоскопическая картина взаимосплетения причин и следствий, больших и малых.

СТО И БОЛЕЕ ПРИЧИН

1. „Стабилизационный фонд” в 2 миллиарда долларов, ссуженный западным капиталом, железный Бальцерович так и не позволил тронуть никому! Польша не воспользовалась кредитом, собралась с силами и выдюжила сама.

2. В Польше почему-то не возникает речи, скажем, о „пограничном налоге” или „налоге с продаж” при существующем НДС (помним ведь, что им заменили налог с оборота). Рост цен – да. Новые налоги – нет. Напротив, уменьшение налогов как по их количеству, так и по ставкам, введение единого „линейного” налога взамен прогрессивного, при увеличении доходов государства, – такова новая идея Бальцеровича.

3. В Варшаве иногородние депутаты проживают в гостинице сейма. За ними не оставляют служебные квартиры, им не дают по 60 тысяч долларов на покупку жилья в столице. С окончанием срока они безоговорочно и сразу же уезжают в родные места. Десятков и сотен помощников у них тоже нет.

4. Только президент и бывшие главы государства отныне будут иметь право на пожизненное медицинское обслуживание в варшавской „кремлевке”. В ушедшем году в ней „паслось” 20 тысяч пациентов, теперь они потеряли эту привилегию. 1 января правительственная клиника на улице Хожей закрылась, ее трансформируют в Институт гериатрии и геронтологии.

5. В Польше нет должности вице-премьера по социальным вопросам, отчего социальная ориентация реформ не перестает быть эффективной.

6. Почти из жизни животных: „шоковая терапия” не была в Польше „священной коровой”. Ее корректировали. И правящих „коней на переправе” меняли, не дожидаясь губительных водоворотов. Пять с лишним лет стабилизация в России выражалась в бессменном премьерстве Черномырдина, а прогресс в Польше осуществлялся и правыми и левыми правительствами Сухоцкой, Павляка, Олексы, Чимошевича, Бузека.

7. В Польше, особенно в Варшаве, великое множество гипермаркетов, в Москве таких пока просто нет. Отечественные, французские, немецкие, австрийские. Поражает даже не колоссальный выбор товаров, а цель, направление: все это для пана Ковальского, а не лишь для его богатого дяди. Супермагазинов для дядь, как и лавчонок для беднейших гораздо меньше. Из чего, пожалуй, следует, что средний слой населения в Польше любим и взлелеян, его поддерживают, на него ориентируются.

8. Заодно в Польше созданы в принципе и созидательный класс фабрикантов, и законопослушная, ответственная деловая элита.

9. К началу третьего тысячелетия, то есть к 2001 году, угольная отрасль, ныне болеющая, перестанет быть убыточной. В течение четырех лет расстанутся с работой около 100 тысяч шахтеров. Им предоставят социальный пакет: пятилетние отпуска, двухлетние пособия или одноразовую компенсацию – более 10 тысяч долларов чистыми. 20 тысяч человек свое уже получили. Долги самих шахт условно спишут. Впрочем, и эту правительственную программу в деталях критикую „Солидарность” и некоторые другие силы.

10. Хоть и «не до конца» (в отличие от южного соседа – Чехии, к успехам которой поляки относятся очень ревниво, а к возникшим трудностям – словно чеховские астрономы, открывшие пятна и на Солнце, с чувством «беспримерного злорадства»), но в Польше проведена декоммунизация. Последние шаги в этом направлении – от закона об Институте народной памяти, по которому каждый обретает право доступа к тайным папкам коммунистических спецслужб, до решения министра юстиции Ханны Сухоцкой о лишении персональных пенсий тринадцати прокуроров-сталинистов – предприняты в декабре 1998.

<...>

99. Ко всякого рода экономическим движениям в Польше подходят скорее осторожно, чем решительно. На то учреждены, помимо министерств, правительственный Комитет проблем экономического развития и неправительственный, но имеющий силу государственного, Совет денежной политики. Здесь совсем не гонятся за тем, чтобы удержать во что бы то ни стало курс злотого по отношению к доллару, не вбухивают в это гигантские суммы. Идет плавное снижение курса, оно и планируется. Нет упоения обещаниями, собственные достижения оцениваются критически, поляки «не прячут голову в песок». Власть имущие и пресса не устают повторять, к примеру, что потребление растет слишком быстро (в том числе из-за массовости и доступности всевозможных кредитов), а это опасно. В то же время поляки знают, и еще одну истину: без торможений, перекосов, без кризисов – экономики, даже удачливой, не бывает.

Но когда президент Лукашенко „утешает” белорусов тем, что у Польши якобы трагическое будущее, поскольку висит долг в 50 миллиардов долларов, то поляки, естественно, огрызаются.

„Полуправда опасна, - пишет в ответ профессор Вацлав Вильчинский. – Лукашенко вовсе не упоминает об уровне и высоких темпах экономического роста, инвестиций, доходов и потребления, о снижении инфляции и стабильном злоте. Конечно, он не говорит о таких мелочах, как польские валютные резервы, составляющие 27 миллиардов долларов и в несколько раз превышающие российские, не говоря уже о белорусских. Польский же долг – меньше 50% от ВВП, тогда как Евросоюзом допускается 60-процентный показатель”.

100. Отток капитала из реального в финансовый сектор, равно как и отток капитала из страны в Польше не преваляется.

101. Власть в Польше соблюдает принципы и нормы правового государства, открытого общества. Нарушители как огня боятся гласности, ибо после публичных разоблачений их ждет не только „переход на другую работу”, но и неминуемый суд.

СПЕЦИФИКА КАК БАРЬЕР

Перечислять все это и утомительно, и обидно, и стыдно. Похоже, нет в Польше загадочной нехорошей силы, которая делает все назло народу. Похоже, нет и власти, которая лишена новых радикальных и продуктивных идей, подобных эрхардовским или бальцеровичским.

Джеффри Сакс, которого у нас не очень-то жалуют (монетарист, чикагская школа и прочие „ругательства”) был советником вице-преьера Бальцеровича. Он называет пять столпов „шоковой терапии” – стабилизацию, либерализацию, приватизацию, социальную защиту и помощь Запада. Пару лет назад он считал наиболее прочными в Польше первые два. „Приватизация подвигается слишком медленно, социальная защита не всегда удается.” А Запад, писал Сакс, вместо того, чтобы помогать полякам, возводит на их пути протекционистские барьеры.

Что сказать об этих пяти столпах применительно к России? Читатель и сам знает, что у нас не прочен ни один из них. Разве что помощь Запада, но и она, как показывает жизнь, не вечна. Да впрочем, те ли столпы наперечислял заносчивый американец? Ведь у России своя специфика. У нее особенная статья, в нее можно только верить. Все у нас получится, хотя умом и не объять, никаким польским аршином Россию не измерить.

Жаль, что в таком духе о Польше судит не только белорусский президент. Тону его оценок вторила и все еще вторит значительная часть русских трибунов: „Польским путем не пойдем!” „Польский урок? Учиться нечему!” Может, именно поэтому мы так мало знаем, по существу, о польском опыте. Как и о чешском, эстонском, венгерском. Мы предпочитаем заглядывать гораздо дальше, аж за океаны, туда, где и в самом деле своя специфика. Бывшие „братья”, оттолкнувшиеся от нашего с ними общего дна, оказываются для русского взора как бы в мертвом пространстве.

Тереса Пакош

СТРАНА, КОТОРОЙ ПОВЕЗЛО

Средний гражданин Украины воспринимает Польшу, прежде всего, как страну, принадлежащую к кругу латинской культуры и, следовательно, как страну латинской цивилизации и связанной с этим зажиточности. Уровень жизни поляков намного выше уровня жизни их восточных соседей. Годами знакомство с Польшей для жителей западной Украины начиналось с польского телевидения. Это было зрительное общение на расстоянии, поскольку прежде трудно было выехать и собственными глазами увидеть, как на поверку выглядит эта граница.

Хотя польская культура имеет разное значение для поляка и украинца, знание польского языка полезно, а иногда даже необходимо украинским историкам, политикам, научным работникам, пользующимся трудами польских ученых. Польша — ближайший западный сосед, с которым естественно установились межчеловеческие, экономические, научные контакты. Как правило, польский опыт считается образцом для подражания, учитывая бурное развитие польской экономики. Мало кто отдает себе отчет в ее недостатках, как, например, распродажа иностранцам важнейших отраслей промышленности, прессы, банков. Глаз приезжего подмечает ровные, ухоженные дороги, опрятные дома, роскошные виллы, красивые витрины магазинов, великолепные автомобили и спокойные лица уверенных в себе людей, покупающих огромное количество товаров в супермаркетах. За этой маской не видны повседневные заботы и трудности. В стране, где пенсия равноценна 10 долларам при уровне цен таком же или даже несколько выше, чем в Польше, польские условия кажутся вершиной благосостояния.

Отношение украинцев к полякам обусловлено исторически. До войны Львов был крупным центром польской культуры и науки, отсюда вышло много замечательных людей. Львов в то же время был центром политической мысли. Этот факт предрешил судьбу многих львовских поляков. Их истребляли, ссылали в лагеря, а оставшихся в живых принудительно выдворяли из многих городов Украины.

В настоящее время поляки сосредоточены в таких центрах, как Житомир, Винница, Хмельницкий. Лишь немногие говорят на родном языке — гонения и отсутствие польских школ сделали свое дело. Сейчас, по мере того, как образуются польские организации, появляется возможность возродить польские традиции. Создаются художественные коллективы, школы, новые приходы. В этих городах польские дела встречают понимание

ПЕРЕМЕННАЯ УЧАСТЬ

У украинского ТВ новая „кадровая” политика - прозападная

(...) Теперь в Украине чаще демонстрируют американца Клинтона и поляка Квасневского, чем Ельцина. И США и Польша - стратегические партнеры Украины, и украинский эфир, и газеты ежедневно сообщают то о телефонном разговоре или встрече „без галстуков” между Кучмой и Квасневским, то о готовности Белого дома поддержать демократические реформы в украинском государстве.

(...) По данным опроса Института глобальной и региональной безопасности, городские жители Центральной и Западной Украины с большой симпатией относятся к президентам государств Центрально-Восточной Европы и Прибалтики, которым удалось переломить негативные тенденции в экономике и вплотную подойти к Европейскому союзу, обеспечив более или менее стабильное экономическое развитие в странах, которые они (эти президенты) возглавляют. Для большинства населения крупных городов последнее десятилетие постепенно превратилось в пример того, что надо идти в европейском направлении. „Польша стала страной, через которую Украина видит и познает Европу. Пожалуй, именно Польша демонстрирует реальную наполненность понятия „Стратегический партнер” и

честно, добросовестно исполняет свои обязательства перед восточной соседкой”, считает профессор истории Киевско-Могилянской академии М.Кирсенко.

Богдана Костюк

НОВОЕ ВРЕМЯ

ДЕЛО В СУВЕРЕНИТЕТЕ ЛИТВЫ

Литовский суд второй инстанции продлил сроки тюремного заключения пяти гражданам, четверо из которых польского происхождения. Приговор был вынесен за то, что в период борьбы Литвы за независимость от СССР, эти люди, по указанию Москвы, хотели создать какую-то социалистическую республику литовских поляков.

Ныне независимая Литва справедливо их наказывает, и глубоко неправы те польские сенаторы, которые критиковали решение литовского суда. Тем не менее, ставшая уже более сильной Литва могла бы их помиловать.

Во-первых, надо понять поляков, которые опасались литовской независимости, искали поддержку среди россиян, ибо они помнили, еще со времен гитлеровской оккупации, литовскую полицию, тесно сотрудничавшую с немецкой.

Во-вторых, приговоренные – мелкие, ничего не значащие рыбешки. Жалко этих бедных, измученных и политически мало сознательных граждан, которые несут уголовную ответственность вместо тех, кого не удалось даже задержать.

В-третьих, подавляющее большинство живущих в Литве поляков лояльно относится к литовскому государству, понимая, что его независимость и сила отвечают также и интересам Польши.

Марек Островский

POLITYKA

„Политика” – общественно-политический журнал лево-центристского толка

местных властей, а в сознании украинцев не укоренен образ польского пана, эксплуататора и захватчика. Такой образ создала и взлелеяла советская пропаганда. Более трудное положение во Львове, Ивано-Франковске, Тернополе. Там нет ни одного дома польской культуры, и лишь немногие польские организации имеют свои скромные помещения. Официальные власти демонстрируют благожелательность, однако неофициально чинят различные препоны. Многое зависит от конкретного чиновника, среди которых бывают и люди доброжелательные, также по-разному относятся к местным полякам живущие рядом с ними украинцы. Большинство из них считает польское население совершенно естественным элементом многонациональной общности. Они ценят польскую культуру и уважают другую религию. Украинцы и поляки дружат, бывают и смешанные браки. Это неизбежно при наличии национального меньшинства.

Национальность не мешает большинству молодежи устанавливать дружеские и добрососедские отношения. Предубеждения, а иногда и враждебность по отношению к полякам проявляют некоторые пожилые люди. Подобные настроения поддерживает бульварная печать, шельмующая прошлое и настоящее. По-разному смотрят на приезжего и местного поляка. Туристы всегда принимаются доброжелательно и радушно.

Украинский рынок заполнен польскими продуктами и изделиями бытовой химии, раньше было много одежды и обуви. В целом, польские товары считаются качественными и доступными по цене. Редко попадаются недобросовестные оптовики, которые привозят некачественную в частности мясную, продукцию. Торговля – главная цель поездок и первых контактов с Польшей. В настоящее время украинцы все чаще едут в Польшу за работой, даже сезонной. Выводы относительно поляков делаются в зависимости от личного опыта. Бывали случаи, что работодатели не заплатили за работу или платили меньше, чем было условлено. В своем большинстве, однако, поляки воспринимаются как люди честные, культурные, иногда корыстные, но чаще щедрые по отношению к нуждающимся, предприимчивые.

Эти мнения не создают, разумеется, целостного образа Польши и поляков в глазах среднего украинца. Поляков он считает народом, которому повезло.

Nasz Dziennik

„Наш дзеньник” – католическая ежедневная газета

Густав
Херлинг-Грудзинский

Перевод
Наталии Горбаневской

„НОЧНОЙ ДНЕВНИК” (1999) фрагменты

Густав Херлинг-Грудзинский (1919), прозаик и эссеист, живет в Неаполе. Большое признаниенискала ему книга „Другой мир” - о годах, проведенных в ГУЛАГе. Один из основателей и редактор парижского журнала „Культура”, на страницах которой печатались, в числе прочего, его статьи о русской и советской литературе, изданные затем в сборнике „Призраки революции”. В „Ночном дневнике”, куда вошли многочисленные рассказы, писатель комментирует перемены, происходящие в политической и культурной жизни Польши и других стран.

18 мая

„Vinti e Vincitori”, книга Яся Гавронского, опытного журналиста и папского любимца, напоминает мне его знаменитое интервью с Иоанном Павлом II в октябре 1993 года. Припоминание полезное и своевременное. Перед лицом тогдашних событий в бывшей Югославии Папа выступил за „гуманитарное вмешательство”. На вопрос, означает ли „гуманитарное вмешательство” военную интервенцию, Папа объяснил: „Я хочу сказать, что в случае агрессии нужно выбить оружие из рук агрессора. Согласно традиционному учению Церкви, справедливая война — это исключительно оборонительная война. Каждый народ должен иметь право на самозащиту”.

„Гуманитарное вмешательство”, предложенное Иоанном Павлом II ради защиты хорватских католиков и боснийских мусульман шесть лет назад, должно было бы, логически говоря, сегодня относиться к албанскому народу, изгоняемому из Косова. Разве это не агрессия, дающая право выбить оружие из рук агрессора? Разве это не классический пример, о котором писал бл. Августин, признавая за тем, на кого напали, „священное право на самозащиту в справедливой войне”? Тем не менее в подходе Папы произошла отчетливая перемена. Он резко выступил против налетов НАТО

Фото L'ESPRESSO

на православную Сербию и с меньшей силой осудил сербские преступления в мусульманском Косове. Почему? Откуда такое неравенство в применении „традиционного учения Церкви”? Эксперты-„ватиканисты” ссылаются на соображения политического и дипломатического порядка, хотя хорошо знают, что Иоанн Павел II — Папа прежде всего нравственный и лишь во вторую очередь политический и дипломатический. Значит ли это, что он поддался уговорам и советам своего окружения?

Это возможно — в некоторых комментариях „ватиканистов” появляются такие предположения. Французский архиепископ Жак Делапорт в своей статье в „Монде” не говорит этого прямо, но косвенно такое подозрение возникает. Может ли быть, что политико-дипломатические советники Святейшего Отца выдвигают на первый план папское стремление к улучшению отношений с православием, обмен пасхальными поздравлениями с белградским Патриархом Павлом, ожидающую Папу поездку в Бухарест и желанную — в Москву?

В известной степени дилемма возникла еще в связи с понтификатом Пия XII. Ни один разумный человек не поспорит с тем, что его политическая осторожность по отношению к Третьему Рейху была обоснованной. Но я помню критические высказывания, кстати, в большинстве принадлежавшие людям, связанным с Церковью: „От Папы в драматических обстоятельствах ожидаешь *нравственного* протеста, а не политической и дипломатической страховки, пусть даже подкрепленной правильными и разумными аргументами”.

25 мая

„Република”, одна из двух крупнейших итальянских газет, поместила на целую полосу рецензию на итальянский перевод моего „Дона Ильдебрандо” [книга рассказов Г.Херлинга-Грудзинского. — *Пер.*], а ее главный редактор пригласил меня принять участие в международной серии высказываний о войне НАТО с Сербией. Мне как раз чего-нибудь подобного хотелось, и я тут же согласился. Сегодня статья появилась.

Месяц назад я получил из Белграда письмо от моего друга, 40-летнего сербского социолога. Меня поразила смелость автора. Разве в Белграде нет военной цензуры? Но письмо было написано по-польски (мой друг неплохо знает польский), и я подумал, что сербская военная цензура не обзавелась чиновником, читающим по-польски.

В письме моего друга можно было обнаружить три чувства: 1. Ужас, гнев и боль перед лицом разрушения его родины самолетами

НАТО. 2. Ужас, гнев и боль перед лицом изгнания целого народа из родных мест. 3. Ужас, гнев и боль при виде национал-сталинца с манией величия, готового пожертвовать Сербией, лишь бы в народной памяти занять престол своих героических предшественников с Косова Поля. Этот гнев в письме был таким резким и ожесточенным, что граничил с ненавистью.

Могу себе представить, что многие умные, впечатлительные и патриотически настроенные сербы реагируют если не тождественным, то во всяком случае схожим образом. А какое из трех чувств, содержащихся в письме, нашло бы больше всего понимания на Западе? Наверное, первое; частично — второе; в минимальной степени — третье. В последнее время в Италии можно было часто, так часто, что становилось скучно, слышать золотую мысль, провозглашаемую с высшего итальянского амвона (речь идет о президенте Республики Скальфаро, которого заменил министр Чампи): „Война никогда не решала никаких проблем”. Если мысль и золотая, как полагают проповедники, то из фальшивого золота. Если бы Вторая Мировая война против нацизма и фашизма была проиграна, Европа сегодня была бы германским протекторатом, управляемым воспитанниками Гитлера, а наш златоуст как верный сын Церкви в лучшем случае был бы причетником на Трастевере.

Письмо моего сербского друга в переводе на более простой язык обращается к нам такими словами: мой элементарный долг серба — оплачивать НАТО бессильным гневом за разрушение моей страны; ваш элементарный долг — бороться против нацистско-коммунистической операции в Косове, и вы должны постоянно помнить, что Милошевич нам не лидер, а сумасшедший диктатор. Тот, кто упрекнет такой подход в противоречивости (как бороться с „этнической чисткой” в Косове и с сумасшедшим диктатором без применения оружия?), должен осознать, что противоречия здесь вытекают из порядка вещей, а не из отсутствия логики.

Лихтенберг и Эйнштейн много раз заверяли, что мы ничему не учимся на собственном

опыте. Это наблюдение можно применить к нынешним настроениям в Италии. Махнем рукой на коммунистов (даже коммунистов по названию), которые занимаются своей „политической” профессией. Сомнения насчет действий НАТО раздаются и в других парламентских группировках, притом не только в силу понятного неверия в авианалеты, не поддержанные сухопутными операциями. Все чаще прокладывает себе путь „прагматическая” точка зрения — требование переговоров с Милошевичем. Любопытно, что совершенно забывают о подобном довоенном опыте с Гитлером. Разве Чемберлен не был „прагматиком”? Непокоримо доверие к „дипломатии”: стоит появиться очередному „дипломатическому посреднику”, чтобы атмосфера распогодилась. Но „дипломатия” обладает своими границами, она бессильна по отношению к политическому безумию в стиле Милошевича. И в стиле Лукашенко. Малого не хватило, чтобы под заботливыми крыльями России создался новый „идеологический блок”, направленный на восстановление Берлинской стены. „Прагматикам” следует осознать это.

Так же, как им следует осознать, что ставка в игре — не Сербия и Милошевич, а нечто большее. Попытка Милошевича, по которой справедливо хлещут бомбы НАТО, состояла в том, чтобы подорвать новый европейский порядок. Снова возникли явления, которые, казалось, были смертельно ранены упадком тоталитаризмов. Снова „вождь” почувствовал себя вправе делать с подданными чего душа пожелает, даже изгонять их из родных домов. С Милошевичем нельзя „вести переговоры” — его надо свергнуть.

Вначале этого не понял даже Иоанн Павел II. Вероятно, Папа не может не служить делу мира. Но в его первом заявлении не было и намек на ситуацию, в которой на пороге святого года третьего тысячелетия одновременно с длинной вереницей паломников и пилигримов двинулась в путь вереница рабов и рабынь, мучимых, убиваемых, насилуемых, убегая от палачей Великой этнической чистки.

27 мая

В той же самой „Республике” следующим о сербской войне высказывается Збигнев Бжезинский. Его отличная статья всё говорит уже своим названием — „Косово: компромисс станет поражением НАТО”. Растолковывать титульное утверждение, собственно, излишне. Однако Бжезинский, будучи демократом, слегка сопте соеиг, но открыто и ясно формулирует список упреков Клинтону, НАТО и Солане. Упреки сводятся к одному, основному: халтурная работа из опасения за жизнь американских солдат (не летчиков), чтобы будущие американские избиратели „не рассердились”. Схожие опасения сдерживают и остальных союзников, за исключением неожиданно воинственного Блейра.

Этот урок НАТО, рассматриваемый с точки зрения жителей Косова, стоит запомнить на будущее. Для Бжезинского (и для меня) несомненно одно: если НАТО не вытеснит сербские части из Косова и не станет на его страже вплоть до возвращения изгнанных, бомбардировки останутся демонстрацией бесполезной жестокости.

Разумеется, по воспитательным соображениям столь же важна и вторая цель войны: поставить перед судом военного преступника Милошевича в компании его сегодняшних и вчерашних соратников.

Бжезинский также очень хорошо анализирует истинные мотивы „российского посредничества”. Но этим пусть займутся польские публицисты, которые верят в антиалкогольное лечение империалистически запойного Кремля. Из русских это тема для Венички Ерофеева (если бы он был жив). В России сегодня существует лишь одно приличное заведение — „Мемориал”. Но из замечательного московского репортажа Барбары Спинелли я вижу, что он более чем в пренебрежении — почти все к нему относятся с неприязнью.

Збигнев Флорчак

МЕЖДУ ДИАЛОГОМ И ДУЭЛЬЮ

Фото Анжей Бернат

Збигнев Флорчак - литературный критик, очеркист. Долгие годы сотрудничал с парижской „Культурой” под псевдонимом Пеликан.

... Можно колебаться во мнении, предоставляли ли период ПНР – несмотря на все – случай для взаимного ограниченного сближения поляков и русских. Но пышным цветом расцвело словоблудие, и шанс на такое ознакомление был упущен, появилась несерьезная программа Общества польско-советской дружбы, давшая, конечно, обратный результат.

На почве неведения молниеносно выросли различные фобии, продолжение предыдущих исторических фобий. Глубокое недоверие, носившее у поляков оборонительный, а у русских – агрессивный характер. Забыли о целебном мотиве катарсиса, который подсказывает лучшие решения... Знания о прошлом? Они никогда не бывают точными, это вереницы фактов, соответственно подобранных и по-разному толкуемых. [...]

Герцен поддержал выступление 1863 года, за что „Колокол” потерял читателей. В дневнике он написал: „Ни один народ, соседствующий с Россией, не знает Россию меньше, чем поляки. На Западе просто-напросто не знают России. Поляки же не знают ее преднамеренно.” [...]

Патриотизм – это, в принципе, состояние эмоций и оценочных убеждений, которые считаются понятными по определению, поскольку невинны, как сама природа. И потому патриотизм жесток, как жестока природа. Он, как правило, нетолерантен, дискредитирует чужих, обожествляя все свое. В него логически вписывается мания величия. Романы Ожешко я читал неохотно, ее язык казался мне неудобоваримым. Зато ее ум превышал ее способности и средства художественной выразительности [...].

... В России ее романы читают жадно, и она старается воспользоваться конъюнктурой. Переписывается с русскими, главным образом, с основателями «Русской мысли» Лавровым и Гольцевым. Готовность, ожидание, нащупывание трещин в бетоне обоюдного отчуждения. Вера (которую я разделяю) в необыкновенную эффективность личных контактов с выдающимися личностями, через головы политиков. [...]

Взаимные узы были длительными и разнообразными, причем в моральном отношении положение поляков было всегда более комфортным. Мицкевич написал полный горячих чувств некролог

Михал Ягелло

ИЗ РОССИИ И О РОССИИ

В Национальной библиотеке в Варшаве прошла небольшая, но весьма поучительная выставка „Из России и о России”, подготовленная Гжегожем Вишневским. На ней экспонировались главным образом книги, посвященные культуре и искусству; переводы работ российских авторов и книги польских специалистов о культуре наших соседей. Значение этой

Пушкина для «Глоба». Какой же это вызвало отклик, если в России циркулировали тогда упорные слухи, будто польский поэт вызвал на дуэль Дантеса – убийцу Пушкина.

[...] Только глупцам может казаться, что такого рода бескорыстное эмоциональное общение между народами посредством поэзии – и вопреки укоренившимся ресентиментам – не имеет значения. [...]

... Ежи Гедройц предупреждал : « На русских надо взглянуть по-новому, ибо то, что сейчас происходит в России, не имеет аналогов в истории». Наверняка не имеет аналогов. Изменения происходят в двух плоскостях: государственной и на другом уровне, который намного труднее заметить – в общественном разбросе, плоскости во многих точках неизменной и разнообразной. Аналитики из варшавского Центра восточных исследований (цитирую за его вице-директором, Бартоломеем Сенкевичем) отмечают, что структуры российского государства постепенно отмирают, поскольку один из самых важных связующих элементов – деньги – перестает организовывать общественную и экономическую жизнь; масштаб цивилизационного провала в современной России не поддается оценке, хотя бы потому, что по отношению к этим явлениям потеряли значение нормативные термины. Одновременно с этим децентрализация власти приводит к важным изменениям, приобретают значение органы местной власти, которые должны считаться с местным населением. Эти преобразования идут, несомненно, по линии демократизации, хотя это понятие следует употреблять крайне осторожно. Общественное мнение обрело, наконец, гласность, то есть функционирует рынок конкурирующих источников и все более многообразной информации. После нескольких веков самодержавия и 75 лет бессмысленного советского строя это следует считать бесценным, из ряда вон выходящим феноменом. Несмотря на глубокий хаос во многих сферах жизни россияне четко сознают свою специфику, которая нуждается в государственных формах.

Нас интересует прежде всего вопрос: будет ли это гражданское государство, развивающееся по вертикали, в глубь гражданского сознания, или из хаоса, как и прежде, появится нечто такое, что будет повторением государства с имперскими притязаниями, основанного на внутреннем насилии ? [...]

... Самым важным я считаю разговоры с людьми, невзирая на государственные катастрофы. Следует взять инициативу на себя и все. Возможен риск, ну и что? В случае фальстарта начинаем еще раз... Время торопит, наступает на пятки. У них рождается нечто новое, в неопишемом хаосе и конвульсиях. Может быть, это самый подходящий момент. Как ни странно, но именно во время хаоса люди особенно нуждаются в разговорах друг с другом. Не было бы публицистики, не было бы культуры, если бы люди, несмотря на все, не верили в эмоциональные, убеждающие свойства слова. У этого поколения, с обеих сторон, есть возможность хотя бы подготовиться к такому диалогу.

скромной экспозиции в том, что на ней были собраны наиболее интересные издания, тематически связанные с российской культурой, а точнее с ее восприятием в Польше. Как известно, в условиях рыночной экономики подобная книжная продукция не может рассчитывать на большие тиражи, тем не менее многие издатели готовы пойти на риск и предложить такие публикации читателям. В Польше ощущается необходимость творческих контактов с российской культурой, представляющей огромный интерес как в художественном отношении, так и в плане экзистенциальном. Нет уже приказной дружбы с «народами СССР», нет и продиктованного сочувствием политического любопытства (как они там живут в своей сатрапии); исчезло быстротечное, осталось преходящее, то есть искусство как таковое, произведения труда и таланта.

Выставка была так хорошо воспринята нашими гостями, что, возможно, ее покажут в крупных библиотеках Москвы и Санкт-Петербурга. В этом случае она сыграла бы отчасти политическую роль,

KULTURA

Ежи Редлих

ГОДОВЩИНА СГОВОРА

помогая российским авторитетным кругам осознать, что в Польше продолжает существовать серьезный интерес к их культуре, и что наши опасения перед какой-то новой формой российского империализма - это одно, а открытое отношение к великому искусству России - это другое.

Для нас было бы важно не только ознакомиться с реакцией россиян на эту выставку, но и увидеть экспозицию «Из Польши и о Польше». В бывшем СССР изменилось так много, что сегодня россиянам, которых интересует западный мир, не нужно прибегать к нашему посредничеству. В былые времена в огромном, живом интересе российской (и других народов бывшей империи) интеллигенции к польской культуре было и желание узнать другой мир, предпольем, а точнее восточной окраиной которого была Польша. Сегодня Запад проникает в Россию и - почти буквально - в россиян, так зачем же россиянам польская культура?

Мы всегда искали у вас присущего польской культуре сочетания раздумий о человеке, его причастности к своему времени и своей истории, с четко

Германо-советский договор о ненападении и приложенный к нему секретный протокол от 23 августа 1939 года были ничем иным, как сговором о разделе Польши между двумя хищниками. Поляки никогда не сомневались (хотя многие годы им запрещали об этом говорить вслух), что пакт Риббентроп-Молотов облегчил Гитлеру принятие решения напасть на Польшу 1 сентября 1939 года. Гитлер получил на это полное одобрение со стороны Сталина.

Сам договор о ненападении отличался от подобных, которые заключал Советский Союз. Во всех остальных говорилось, что их можно денонсировать, если одна из сторон нападет на третье государство. В пакте Риббентроп-Молотов такой оговорки не было. Да и не могло быть, раз заключался он именно с целью нападения на третью страну, то есть на Польшу. В секретном договоре говорилось об этом, возможно, не прямо, но достаточно ясно. Правда, в нем не было указано черным по белому, что Красная армия примет участие в агрессии против Польши. Однако он определял и наносил на карту линию раздела интересов обеих государств в случае территориальных и политических изменений на карте Польши. Эти изменения, разумеется, могли произойти только в результате вооруженных действий. Таким образом, за неделю до нападения Гитлера на Польшу был закреплен ее раздел между Германией и Советским Союзом.

17 сентября 1939 года, когда значительная часть Польши была уже завоевана гитлеровскими войсками, на Польшу ударила Советская Армия. Для польских войск, которые вели с немцами кровопролитные бои этот неожиданный удар в спину был трагедией. Советский Союз попрали все договоры с Польшей, в том числе и последний, от 1932-го года, договор о ненападении.

Советская пропаганда вначале объясняла выступление Красной Армии против Польши несколько двусмысленно, она, дескать, пришла спасать белорусов и украинцев, которые находились под угрозой со стороны «чужой державы». Узнав об этом, Гитлер взбесился, и Сталин тотчас же пошел на попятную. Упоминание о «чужой державе» из пропагандистского арсенала было изъято. Вместо этого пропаганда стала говорить, что польское правительство сбежало и бросило граждан Западной Украины и Белоруссии на произвол судьбы, потому-то Красная армия и идет их спасать.

Когда раздел Польши совершился и вооруженные действия, как со стороны Германии, так и Советского Союза были прекращены, советская пропаганда уже без всякого стеснения стала охаивать польское государство и восхвалять гитлеровского союзника. В октябре 39-го года Молотов торжественно заявил, что совместное выступление против Польши положило конец ненормальным отношениям между Советским Союзом и

Германией. По случаю совместной победы над Польшей Молотов произнес пресловутую фразу: достаточно было молниеносного удара против Польши вначале германской армии, а затем советской, чтобы не осталось ничего от убудка Версальского договора, то бишь от польского государства.

Секретный протокол от 23 августа 39-го года оставался секретным для Германии до конца Второй мировой войны. Текст договора был найден американцами в архивах третьего рейха и опубликован в 1956 году. Советская же сторона многие годы отрицала само существование секретного протокола. После публикации на Западе советские политики стали поговаривать о фальсификации. Только в 1989 году советский партийный деятель Валентин Фалин вполголоса признал существование секретного протокола, но подлинника так и «не удалось отыскать» в советских дипломатических архивах. Его «нашли» только после распада Советского Союза.

Многие российские историки секретный протокол к договору Риббентроп-Молотов осуждают и критически комментируют. Но есть по сей день такие, которые его замалчивают, а то и вовсе отрицают. Так, обращает внимание статья российского историка Вильяма Похлебкина в «Независимой газете» от 15 июля с.г. Он утверждает, что идея раздела Польши муссировалась почти 250 лет в европейской политике, пока не была реализована в конце 18-го века, «когда, - я цитирую, - Польша действительно созрела для этого», то есть для раздела.

Затем он доказывает, что были не три (как принято судить) а семь разделов Польши, кроме трех известных. Следующими четырьмя разделами между Пруссией, Австрией и Россией он считает коррективы территориальных захватов польских земель в 19-м веке. Бог с ним, не нам спорить относительно числа и нумерации разделов Польши по историку Вильяму Похлебкину. Поражает, однако, оценка четвертого (а по нумерации Похлебкина – восьмого) раздела от 17 сентября 1939 года. О позорном сговоре Риббентроп- Молотов, как основе раздела Польши, Похлебкин совершенно умалчивает. Он повторяет версию о том, что Красная Армия взяла под охрану население Западной Украины и Западной Белоруссии. Более того, Похлебкин пишет, что в этом разделе Польши между гитлеровской Германией и Советским Союзом строго сохранялся как этнический, так и хозяйственный принцип! Создается впечатление, что Вильям Васильевич Похлебкин этот раздел Польши оправдывает или даже одобряет!

В Польше о секретном сговоре долгие годы – по известным политическим соображениям – говорить запрещалось, равно как и запрещалось упоминать ненавистное, антипольское выступление Молотова. И, тем не менее, оба документа широко освещались в подпольных изданиях. В польских школьных учебниках по истории секретный протокол упоминается вот уже десятый год. В российских же учебниках о нем заговорили только в самые последние годы.

выраженным стремлением к политической свободе, но наш интерес к ней гораздо шире - отвечают некоторые россияне. Да, их бы устами.... Было бы хорошо, если бы польская культура последних пятидесяти лет воспринималась россиянами во всем ее богатстве, чтобы ценилась она не только за критику коммунизма, «реального социализма», за ее политические рессентименты, которые явились реакцией на долгое царское и большевистско-коммунистическое господство над Польшей.

Анджей Щипиорский

КОМУ НУЖНЫ ИНТЕЛЛИГЕНТЫ

Фото САЕ-РАР

Анджей Щипиорский -

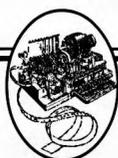
- (родился в 1924 г.) – один из крупнейших современных прозаиков, публицист, автор, повестей „Месса за город Аррас” и „Начало”, переведенных на десятки иностранных языков.

Полвека тому назад меня совсем не удивляло, что в общественной жизни Польши важную роль играли необразованные и абсолютно невоспитанные люди. Не удивляло лишь потому, что я был неопытным юнцом, а в Польше тогда все начиналось с нуля. Люди, умеющие вбить в доску гвозди, ценились на вес золота и пользовались всеобщим признанием и уважением. Но, как помнится, профессора и врачи, адвокаты и инженеры пользовались куда большим признанием. Однако ни те, ни другие не держали бразды правления.

***

Польша тех времен была страной, в которой бушевали великие страсти, политические иллюзии переплетались с возвышенными мечтами о паре башмаков, о миске похлебки и крыше над головой. Широкие массы вели кочевой образ жизни, люди обитали среди развалин, устраивали ночлежки в покинутых домах тех, хозяева которых умерли или были изгнаны. Врачи работали без передышки, так как в те времена люди умирали от туберкулеза, аппендицита, заражения крови, а еще от голода, жажды, истощения или просто от отчаяния. А учителя при свечах и керосиновых лампах учили читать и писать не только детей, но и взрослых. Польша была не страной с устоявшимся укладом, а руинами, на которых совершались грандиозные преобразования: с одной стороны - ужасающие и грозные, с другой – благословенные, достойные доброй о них памяти.

Этой страной правил тогда не только десант парашютистов или безумных марксистов, которые наконец-то могли, опираясь на советское военное присутствие, проводить эксперименты, якобы продиктованные диалектикой истории. Не подлежит сомнению, что решающий голос принадлежал людям этой категории. Но все же это не они создавали духовную ткань

ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ

· *„Посмотрите на Польшу. Эта страна становится все более зажиточной и функционирует все лучше. Поляки демонстрируют уверенность в себе, они религиозны, у них разумное демократическое правительство. [...] В конце столетия Польша выглядит свободной и богатой страной.” (Поль Джонсон – Paul Johnson, английский историк, писатель и публицист в интервью журналу „Впрост”, 8 августа 1999 г.).*

повседневности. Новая польская духовность зарождалась в условиях революционного безумия, мрачного пафоса, пронизанной отчаянием насмешки. Стало уже правилом, нормой жизни, категорическим императивом, что хам и невежда, тупица и неуч, карьерист и оппортунист, дилетант и ловчила первыми норовили взять слово, перекричать других, демонстрируя беспримерную самоуверенность, а его слушали испуганно и покорно, так как в том государстве сила была на его стороне. Пожалуй, впервые в истории невежда, лишенный элементарного воспитания, почувствовал собственное превосходство, собственную значимость и власть. И был в этих процессах какой-то возвышенный, почти священный акт возмездия за вековую несправедливость, унижения и гнет.

В том и заключалась суть тогдашней революции. Важно не то, что ее принесли на советских штыках, а что случилось с народом и почему поляки так изменились. Тот, кто сегодня говорит, что народ был в отчаянии из-за происшедшей катастрофы, что, несмотря на советское нашествие, он всячески уклонялся от сотрудничества с коммунистами, тот фальсифицирует историю и зачастую делает это ради сиюминутных политических интересов. Часто руководствуясь недалекновидностью текущей политики.

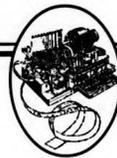
Правда такова, что в первом послевоенном десятилетии человек от сохи, от цепа, от вил и навоза, оказавшись у власти, бесцеремонно разваливался в салонах, тогда еще кое-где уцелевших в Польше. И вот тогда-то, не раньше и не позже, а именно в те годы изменилась наша духовность. Мне думается, что именно то, что с нами тогда случилось, во времена нашествия варваров, которые нагрянули не только с востока, но и полезли из нас самих, – стало важнейшим событием XX века в истории польского народа.

***

Польша тех времен была страшна не только потому, что тут и там крутились советские солдаты; да, они снимали часы и пили водку, но к ним относились со снисходительностью, чего нельзя сказать о немцах. Польша была страшна еще и потому, что судьбы образованных, умных людей, заслуживавших всеобщего уважения, зависели от неотесанных горластых представителей новой власти, в основном мужичьих детей, поскольку пролетариев в тогдашней Польше было немного. В каждом учреждении сидел новый функционер с замашками дикого сатрапа, который с коммунизмом имел столько же общего, сколько бифштекс с колокольней.

Мы слишком хорошо помним ту атмосферу пренебрежения, которая через пару лет стегнулась вокруг польского интеллигента.

Нельзя отрицать, что для интеллектуалов XX столетия марксизм был великим соблазном. Но тот, кто сегодня утверждает, что это философы перелицевали Польшу наизнанку, тот или лжет, или же, как старый склеротик, обо всем позабыл, потому что так

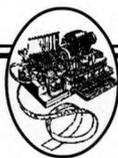

· „Я глубоко убежден, что дело не в том, что все вдруг полюбили НАТО, это прежде всего вопрос выбора цивилизованного общества. Поляков и чехов всегда привлекали западные структуры и сейчас происходит правовое увенчание этого процесса”. (Генерал Александр Лебедь в интервью газете „Жечпосполита”, 14-15 августа 1999 г.).

· „Польская демократия на наших глазах превращается в обычную, хамскую анархию”. (Вацлав Вильчинский, журнал „Впрост”, 15 августа 1999 г.).

· „ [П р е д в о д и т е л и крестьянских протестов] уже многие годы делают одно и то же, ни во что не ставя закон и законные учреждения. И никто им в этом не мешает. Им разрешается блокировать дороги, бить арендаторов, уничтожать купленное кем-то зерно, призывать к дебошам, издеваться над судами, оскорблять других [...] Их приглашают в Сейм, министерства, к президенту. Там они, кстати, ведут себя точно так же.” (Кишищоф Готтесман, газета „Жечпосполита”, 14-15 августа 1999 г.).

· „Польский политический класс потерял инстинкт самосохранения [...] Наши политики, говоря об интересе, имеют в виду конкретную, осязаемую частную выгоду – личную или групповую [...] взволнованно слушают выступления Иоанна Павла II о миссии политики, но не в состоянии заметить связи между его словами и своими поступками [...] преобладание частного интереса ведет к дегенерации политического строя”. (Антони З. Каминьский, газета „Жечпосполита”, 10 августа 1999 г.).

· *„Реализации реформ сопутствует еще одно явление: оказалось, что „наши”, избранные большинством голосов в выборах в органы местного самоуправления, так же исправно создают новую номенклатуру, как их предшественники. Все должности на уровне местного самоуправления, даже директора детского сада в районном городке - политические, то есть предназначены для своих, невзирая на их компетенции, квалификации и прежние общественные заслуги. Надежды на справедливость улетучились, уже, пожалуй, окончательно даже в широких профсоюзных кругах „Солидарности”, которая все еще является базой правящей коалиции” (Иренэуш Кшеминьский „Стратегия правления” - Ireneusz Krzemiński, „Strategia rządzenia”, газета „Rzeczpospolita”, 31 июля - 1 августа 1999 г.)*

· *В Польше вымирает 140 видов животных. 1300 видов обречено на гибель. Беловежская пуца на польской стороне - этот последний в Европе фрагмент первобытного дремучего леса - погибает от вырубки. На белорусской стороне Беловежская пуца подлежит полной охране.*

· *61 процент поляков не доверяет людям, ответственным за расходование публичных денег (по опросу газеты „Жечпосполита”).*

· *Транспаренсы Интернэйшнл („Transparency International”) считает, что Польша по коррупции стоит на таком же высоком месте, как Италия - в рейтинговом списке обе страны заняли одно и то же 39 место.*

· *Американский госдепартамент предупреждает туристов, направляющихся в Польшу, перед польскими дорогами, карманными ворами и расистами.*

ему удобнее жить. Но не все позабыли. И помнят, как все это было на самом деле.

А было так, что люди, получившие дипломы еще до войны, постоянно находились под неусыпным и жестким контролем людей необразованных и глупых. Интеллигенты практически никогда не имели права принимать решения. К ним относились свысока, по-хамски и грубо. Им приходилось вкалывать от зари до зари, за что получали жалкое вознаграждение. Их унижали и эксплуатировали. Заставляли выполнять идиотские приказы неучей и тупиц, в которые украдкой и не без риска для себя они вносили изменения, потому что неучи и тупицы не умели приводить в движение машины, строить дома, обучать детей, лечить больных, организовывать учреждения, не умели национализировать промышленность и проводить аграрную реформу. Потому-то они вынуждены были прибегать к услугам образованных людей, преисполненных духом гражданской жертвенности и преданности Польше.

***

А по прошествии нескольких десятилетий оказалось, что это интеллигенты перекроили Польшу на большевистский лад, и они отвечают за всю подлость той эпохи, в то время как простой рабоче-крестьянский люд был чист как слеза и окрылен возвышенной любовью к отчизне. Это была одна из наиболее коварных коммунистических уловок, поработивших наше сознание. Полвека тому назад на голову культурного полякаевропейца нахлобучили позорный шутовской колпак. И он носит его по сей день.

Само собой разумеется, что я появился на свет в совсем другой стране, нежели та, в которой мне придется умирать. И это очередное свидетельство того, что в Польше после войны почти без остатка искоренились старые навыки, обычаи и традиционный образ мышления, а популяризируется новая модель, лишь отчасти народная, а по существу скроенная на революционный, большевистский манер.

***

Полвека тому назад в среде просвещенных людей общественные интересы всегда брали верх над личными. Пилсудский говорил, что наша дипломатия должна создаваться из людей образованных и вместе с тем хорошо обеспеченных, так как государство бедное, и за честь представлять независимую Речь Посполитую послы должны доплачивать из собственного кармана. Так оно и было, потому что просвещенные слои были бескорыстны. Крестьяне же думали иначе, эгоистично, но осуждать их за это не стоит, потому что тогда они жили в условиях чудовищной нищеты, косности, ломали шапки перед каждым горожанином, мечтали о собственной полоске земли, которую имел далеко не каждый. Тот, кто сегодня разглагольствует о процветающей довоенной Польше, говорит глупости, потому что страна была бедной, отсталой, раздираемой классовыми

противоречиями. Однако тогда у нас был круг блестяще образованных людей, преданных общественному делу. Именно благодаря этим людям было сделано так много ценного в период межвоенного двадцатилетия.

Полвека тому назад образованные поляки, почти все без исключения, духовно принадлежали к западному миру, т.е. к культуре демократии и прав человека. Чего нельзя сказать о народных массах, для которых, снова же за малым исключением, категории демократии и прав человека не играли никакой роли. И никогда не могли сыграть по причине их тогдашней отсталости.

Следует напомнить о столь очевидных фактах, так как они помогают нам объяснить мнимую загадку – почему большевизация нашего менталитета после 1945 года оставила в нас такие большие и глубокие последствия. Деклассирование образованных людей было запланировано и легло в основу тогдашних перемен. После войны было провозглашено, что всякое зло бралось в Польше из-за того, что просвещенные круги были именно такими, какими были. „Не образование, а искреннее желание - для офицерских погон основание”, – таков был официальный девиз. Компрометируя просвещение, власти хотели скомпрометировать все, что уже более ста лет просвещенные круги провозглашали, представляли и распространяли в своей стране. Борьба с культурным и образованным поляком означала борьбу против идеалов демократии и толерантности. Однако без всеобщего участия широких народных масс, побуждаемых желанием взять реванш за былые обиды и быстро подняться по социальной лестнице, дабы качественно улучшить свой материальный статус, усилия коммунистов не привели бы к ожидаемым результатам.

Дело в том, что наши, якобы невинные, вольтеровские простачки отнюдь не были невинными.

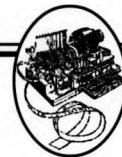
Таким образом, напрашивается вопрос: а может, следовало бы им простить, так как они не ведали, что творили?!

А ведь они творили страшные вещи. Шли в суды и на фабрики, в учреждения и в школы, на предприятия и в торговые организации. С поразительной ловкостью и настойчивостью они отвоевывали для себя пространство реальной власти, отгоняя на задворки людей компетентных и независимых в своих суждениях.

В новом слое народных сатрапов коренилась какая-то неистощимая разрушительная сила. Мы-то сегодня знаем, что к чему бы они ни прикоснулись, – все тотчас начинало ржаветь, ломаться, разваливаться, погрязать в бессилии, исчезать...

Мнение о том, что Польшу погубил коммунизм, вполне справедливо, но оно останется всего лишь пустой фразой, если мы не выясним, кто же претворял его в жизнь, кто его каждодневно созидал, кто без устали его улучшал и совершенствовал, кому он приносил максимальную выгоду.

До сих пор, как и полвека тому назад, образование часто является предметом пренебрежения, научное звание звучит как оскорбление. Просвещенные умы подозреваются в антипольских

· *Цыгане жалуются, что их все чаще обворовывают поляки (журнал „Впрост”).*

· *Оказалось, что стодолларовые купюры, подделанные преподавателем Медицинской академии в Щецине, по качеству лучше, чем оригиналы.*

· *Знания и умения польских хакеров достигли мирового уровня – отмечает Мирослав Май из Группы реагирования на случаи нарушения безопасности сети NASK. В 1998 году было почти 100 попыток серьезных взломов в компьютерные сети.*

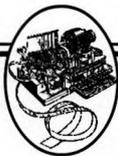
· *Поляки заняли третье место по количеству обвинений собственного государства, направленных в Европейский трибунал прав человека.*

· *Польша заняла предпоследнее 44 место среди 45 развитых стран. Показатель общественного развития учитывает: продолжительность жизни, умение читать и понимать текст, количество школ и объем валового национального продукта (ВВП).*

· *По сообщению Главного статистического управления, текущий год будет четвертым годом перепроизводства сельскохозяйственной продукции в Польше.*

· *Полиция была вынуждена применить водометы, слезоточивые газы и резиновые пули во время снятия блокады, установленной крестьянами на дороге в Бартошицах в связи с трудностями со сбытом зерна. Было ранено 5 гражданских лиц и 83 полицейских, 6 полицейских находятся в тяжелом состоянии. Уничтожено 20 полицейских автомобилей с радиоустановками.*

· *Правительство намеревается выплачивать повышенные пенсии крестьянам, владельцам участков площадью более 5 га, если они передадут их более крупным*

хозяйствам (крестьянские пенсии почти целиком финансируются из госбюджета). В 1988-1996 гг. количество хозяйств площадью более 20 га удвоилось, а их средняя площадь увеличилась с 25 га до 32,8 га. Несмотря на это, крестьянские хозяйства площадью 20 га и более по-прежнему составляют всего лишь 5,9 процентов их общего числа. Кооперативные хозяйства перестали существовать уже в 1956 году, а государственные – в 1990.

• 30-40% произведенного в Польше молока соответствует стандартам, принятым в Европейском союзе.

• Просроченные пищевые продукты продавались в 59% сельских магазинов, проконтролированных Торговой инспекцией.

• Наследники эрцгерцога Карла Ольбрахта Габсбурга требуют перед Окружным судом в г. Бельско-Бяла и в Верховном административном суде прекращения использования короны Габсбургов и даты 1856 в качестве символов традиции пивоваренного завода „Żywiec”, а также возврата этого завода, национализированного в результате реформы 1944-46 гг.

• Экспорт польских мясородуктов на восточные рынки упал на 17%, а свиных полутуш – на более 50% в результате российского кризиса, повышения экспортных сборов Европейским союзом и увеличения цен на внутреннем рынке.

• Ассоциация производителей стекла и Всепольская секция стекольной промышленности профобъединения „Солидарность” считают, что стекло, изготавливаемое польскими фирмами, вытесняется с рынка импортной продукцией из Беларуси, России и Украины. Крупнейший импортер советует польским стекольным заводам снизить производственные

грехах, а невежество служит патентом душевной чистоты души и преданности национальной идее. И так же, как тогда, величайшую для себя угрозу примитивный эгалитаризм усматривает в просвещенном либеральном западничестве.

***

В таком обществе никого не удивляет, что образованные люди, врачи, учителя зарабатывают меньше, чем мусорщики, продавцы или строительные рабочие. Ибо первые принадлежат к анахронической прослойке, распространяют какие-то гражданские иллюзии, в то время как вторые являются солью земли польской, остаются народом простым, чистым, не испорченным тлетворным влиянием интеллекта. За то, что они не получили образования, им полагается компенсация в виде общественного уважения.

В мире таких плебейских мерок и ценностей может произойти все, что угодно. И происходит, почти ежедневно. То, что считалось глупостью, компрометацией и подлостью, что не имело права на существование в Польше, созидавшейся людьми просвещенными и культурными, в сегодняшней Польше считается всеми или почти всеми нормой и не вызывает сомнений. Люди сплевывают на ковры, плюют друг другу в лицо – и это никого не волнует, все остается на своих местах, – важно лишь не потерять пару грошей. Примитивный ум не знает, что такое унижение, издевательство, грех, но зато умеет отлично считать даже во сне, а возможный, даже минимальный убыток может мгновенно превратить осла в волка или разъяренного быка.

Хотя нет уже рабочей партии, она вроде бы и есть. Нынче рассказывают сказки про посткоммунистов, что, мол, они угрожают Польше, хотя, по сути, страной управляют профсоюзные бонзы, представители старых структур промышленных комплексов, люди со старыми навыками и менталитетом.

В момент своего появления на свет, почти 20 лет тому назад, «Солидарность» пробудила надежду на то, что благодаря ей возродятся идейные ценности давней Польши. Так и случилось, и без этого события не было бы героической эпохи 80-х годов. Но тот период не длился долго. Правда о том, что под конец XX века в демократической стране власть должна находиться в руках образованных, высоко квалифицированных специалистов, культурных и умеющих вести себя в обществе людей, не укладывалась в сознании широких масс. Людей в Польше десятки лет приучали к тому, что властвуют у нас те, кто любит властвовать, кто настолько ловок, что пролезет куда надо. Знания, образование, культура никакой роли не играют.

***

Рухнул прежний строй, но сохранился прежний мир ценностей и критериев, в котором все вульгарное и сермяжное, легкое, дешевое и скроенное по мерке ограниченного ума, будет пользоваться большей популярностью, нежели то, что требует

размышлений, знаний, работы мысли. И, как полвека тому назад, невежество продолжает быть лучшим пропуском во власть.

Образованные люди часто удивляются, что наши политики, особенно правого толка, болтают столько глупостей. Но в этом нет ничего удивительного. Там, где невежество становится преградой для понимания действительности, зашоренное мышление лихорадочно выискивает идеологические параллели и аргументы.

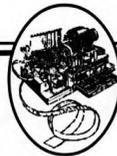
Человек, хорошо образованный, специалист своего дела с широким кругозором, отвечающий за свои слова, натура независимая и цельная, на нашей политической сцене становится фигурой подозрительной. Такой человек, по сути дела, нежелателен, поскольку он не нуждается в руководящем центре.

Это и есть та самая квадратура круга, которая много лет тому назад не дала управлять коммунистам. Сегодня в тех же тисках оказался политический класс независимой Польши.

Все, или же почти все, выражают согласие на порабощение страны стихией плебейской субкультуры, невежества и дилетантства. Все, или же почти все, ведут священную войну с интеллигентским этосом. Все, или же почти все, как и пятьдесят лет тому назад, считают, что место интеллигенции на свалке. Потому что некогда она мешала строительству социализма, а ныне мешает возводить светлое здание капитализма, в котором поселится наш новый средний класс.

Но ведь никакого среднего класса нет. Есть только новые наряды, новые шутовские костюмы. Национал-святоша, оплетенный четками, шагает плечом к плечу с крикливым левацким антиклерикалом, и оба высматривают общего врага – польского интеллигента. Алчный пройдоха льнет к велеречивому ксендзу, фашиствующий пролетарий кичится своей народной статьёй. Вчерашний аппаратчик и сегодняшний обыватель стоят в одном ряду, и даже предпринимают совместные вылазки, бросающие тень на доброе имя Польши. Все они повторяют ту же самую пошлость об одинаковых желудках, о любви к отчизне, о верности католической вере. И все хором восклицают, что польский интеллигент идет на поводу у Запада, что он масон, предатель национальных идеалов, враг религии, еврей или же в лучшем случае „шабесгой”, то есть еврейский прислужник.

И так, на обломках светлых чаяний польских просвещенных кругов торжествует - как и полвека тому назад - хам и невежда.

издержки вместо того, чтобы требовать усиления таможенных барьеров. Оптовые поставки из Беларуси, России и Украины осуществляются по ценам на 20% ниже, чем прошлогодние.

Дефицит Польских государственных железных дорог за первое полугодие текущего года составил 817 миллиардов злотых. Потери в 1998 году составили 1,3 миллиарда злотых.

„В 1998 году на оздоровление горнодобывающей промышленности было израсходовано более миллиарда злотых. В этом году намечается израсходовать 1,5 миллиарда злотых. А результат таков: тратим много, а результаты почти в три раза хуже”. (Лешек Бальцеревич, вице-премьер и министр финансов). В первом полугодии 1998 года потери в горнодобывающей промышленности составили уже 1,5 миллиарда. „Рухнула программа реформы горнодобывающей промышленности. Потери в два раза больше, чем предусматривалось [...] Никто не отвечает за последствия [...] Шахтеры уходят из шахт, а добыча растет”. (Барбара Чешевская в газете „Жечпосполита”, 12 августа 1999 г.).

Поощрением для шахтеров, увольняющихся с работы, являются высокие компенсации и возможность переквалифицироваться или уйти на досрочную пенсию, что вызвано необходимостью ограничить перепроизводство и закрыть нерентабельные шахты.

„Контракт с ОАО Газпром [заключенный в 1996 году] – это серьезная угроза для энергетической и сырьевой безопасности страны, и даже суверенитета РП”. (из доклада „О снабжении Польши природным газом”, разработанного специальной правительственной комиссией).

Адам Михник

ХАМЫ И АНГЕЛЫ

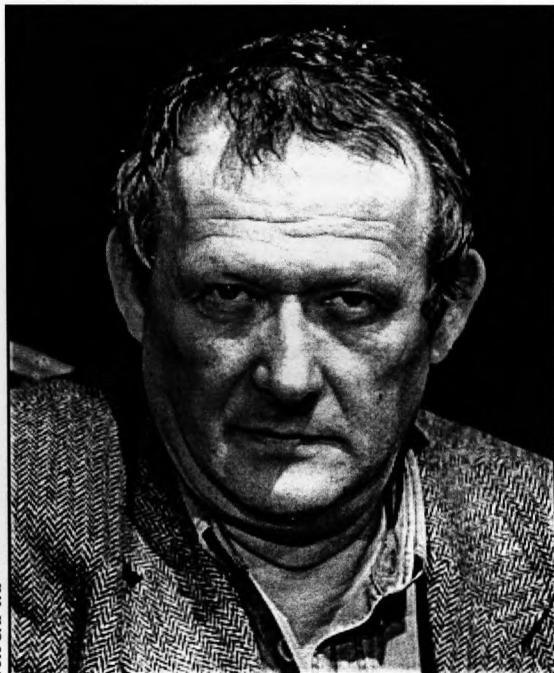

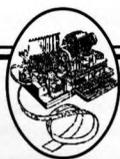
Фото САФ-РАР

Адам МИХНИК (1946), эссеист и публицист, общественный деятель. В прошлом многолетний узник. В семидесятые годы – член Комитета защиты рабочих и редактор подпольных журналов „Zapis” и „Кругука”. Выпустил несколько сборников, в том числе „Церковь, левые, диалог” (1987). После 1989 года – депутат Сейма РП, главный редактор ежедневной газеты „Gazeta Wyborcza”.

Я хорошо понимаю тех публицистов, которые с опаской наблюдают сегодня за очередным этапом нашествия хамства в польской публичной жизни. Однако, по-моему, недоразумением было бы связывать это просто с захватом власти коммунистами. Это неправда, что тогда взяли слово „необразованные, абсолютно невоспитанные люди, невежи, хамы и неучи”. Сетование, которое мы сегодня слышим, имеет долгую историю.

20 лет тому назад публицист Петр Вежбицкий написал „Трактат о гнидах”- резкий памфлет на оппортунизм и фальшивость польских культурных элит. Автор назвал их гнидами - трусливыми писателями, которые путано обосновывают свою службу у тоталитарной власти. Мне этот очерк представился опасно однобоким и грубым отражением мира. Я сам себя почувствовал „гнидой” и написал реплику, которую озаглавил „Гниды и ангелы”. И вот, спустя годы, я читаю очерк столь же великолепно написанный, но тоже однобокий по своей конструкции: памфлет против Хамов, написанный в честь „благородных и просвещенных”. Поэтому хочу заявить: „Я Хам”! Витольд Гомбрович, вспоминая межвоенное двадцатилетие, неоднозначно писал о своей боязни Хама. У этого страха большие глаза и длительная история. Он сохранился по сей день. Это страх не абсурдный.

Ортега-и-Гассет, автор известного трактата „Восстание масс”, считал, что уже в середине XIX века начался откат в сторону варварства, то есть „возврат к наивности и примитивности людей, у которых нет прошлого, либо они о нем забыли”. Большевизм и фашизм - по мнению Ортеги - это „типичные движения,

• Отставка премьер-министра Сергея Степашина не оказала большого влияния на котировку на бирже в Варшаве. Рынок казначейских бумаг проигнорировал московскую сенсацию.

(газета Жечпосполита, 10 августа 1999 г.).

• 1040 иностранцев находилось в польских тюрьмах в первой половине этого года, главным образом, за грабительские налеты, кражи со взломом и ввод в денежный оборот фальшивых денег. Среди них было 402

управляемые второсортными людьми, лишенными исторической памяти и исторического сознания”.

Дело в том, что большевизм и фашизм не были придуманы Хамом, а менее (Гобино) или более (Маркс) изощренными интеллектуалами. Хаму было отведено место громилы либо чиновника в низших эшелонах власти. Верхние ступени и салоны должны были быть предназначены для людей из новых элит, одурманенных наркотическим увлечением силой, бредом собственной идеологии.

Это не фашизм и не большевизм проложили Хаму путь в салоны - это сделал принцип общих парламентских выборов. Голос Хама стал важным, его мнение надо было уважать. От Хама мог зависеть результат голосования; это Хам бастовал на заводе или же покорно трудился. Хам организовал митинги и демонстрации; Хам требовал восьмичасового рабочего дня. Хам начал баллотироваться в парламент.

И, наконец, Хам заговорил собственным голосом.

Когда в 1912 году в галицийском сейме консервативные парламентарии вызвали призрак „нового Шели”¹, им ответил руководитель крестьянского движения Винценты Витос: „Я вынужден решительно выступить против пробуждения призраков 1848 года, против того, чтобы беречь эту зарубцевавшуюся рану и напоминать этот факт тем, кто в нем не участвовал и кто ни в чем не виноват. Правда, уже великий поэт К. Уейский полностью отпустил грехи бессознательным инструментам этой ужасающей расправы, обвиняя в ней „других дьяволов”, которые там активно участвовали, однако и сегодня, думаю, не помешает сказать, что со стороны народа было совершено это страшное деяние, в приступе бешенства и страсти, вызванных чувством обиды, причиняемой в течение многих веков. Вы же, со своей стороны, привели к этому путем многовекового пренебрежения воспитанием вверенного вам народа, путем самых ужасных обид и злоупотреблений. Ибо вы были господами жизни и смерти, вы учили, а крестьянин выдержал экзамен”.

Так звучал ответ Хама, который потребовал права на достоинство накануне XX века.

А затем была первая мировая война и прекрасный момент восстановления независимости. Однако эйфория не длилась долго. Уже в 1920 году судьба молоденькой Речи Посполитой повисла на волоске: в Польшу вторглась большевистская армия, которая провозгласила лозунг: „вся власть в руки Хамов”. Но Хам не послушал большевиков. Хам ушел в Польскую армию и защитил Речь Посполитую от красноармейских освободителей. Об этом писал глубоко взволнованный Стефан Жеромский:

„Кто в момент нашествия москалей на страну выходил защищать свой дворец, усадьбу, дом в городе, свое имение (...) -

¹ Якуб Шеля во главе галицийских крестьян утопил в крови половину национального восстания, начатого польскими демократами шляхетского происхождения. Австрийские власти подстрекали Шелю, распространяя слух, что польские паны бунтуют, чтобы восстановить барщину и крепостное право.

заклоченных из Украины, 161 из Беларуси, 103 из России, 45 из Румынии, 42 из Германии, 41 из Литвы, 37 из Армении. Заключенным мусульманам готовят блюда без мяса.

· 1214 поляков пребывало в тюрьмах за границей в 1998 году, в основном, за автомобильные катастрофы и скандалы в пьяном виде, кражи и подделки. 15% дел касалось наркотиков и убийств.

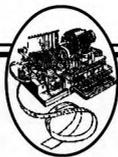
· За издевательства над политическими заключенными в сталинские времена отвечают перед судами: четыре бывших функционера Управлений по делам общественной безопасности в Белостоке, Колобжеге и Вроцлаве (в том числе, два будущих генерала: Владислав Частонь и Станислав Милевский, обвиненный в выдаче солдата Армии Крайовой в руки НКВД); бывший офицер Военной информации в Гдыне; бывший сотрудник милиции и бывшие партийные функционеры в Колобжеге.

· Апелляционный суд постановил, что Адам Хумер, бывший директор следственного департамента Министерства общественной безопасности, приговоренный к семи с половиной годам тюрьмы за попытки заключенных, не будет освобожден досрочно.

· Бывший комендант милиции и бывший начальник подследственного ареста в Радоме отвечают перед судом за незаконное лишение свободы и особую жестокость по отношению к около 400 радомским рабочим во время протеста в июне 1976 г.

· Конституционный трибунал постановил, что бывшие сотрудники аппарата власти давней Народной Польши, совершившие преступления против жизни, здоровья, свободы или правосудия, за которые угрожает тюремное наказание сроком более 3 лет, не подлежат ни амнистии, ни аболиции.

· Польская прокуратура утвердила проект прекращения

следствия по делу пропажи тайных документов, касающихся сотрудничества „Болека” (криптоним, приписываемый Леху Валенсе) со Службой безопасности в семидесятые годы. Досье „Болек” из архива Службы безопасности, хранящееся в Управлении по делам охраны государства, взял на какое-то время президент Лех Валенса. Впоследствии оказалось, что в возвращенной папке не хватало нескольких десятков документов, в частности, расписок о получении денег и обязательств о сохранении в тайне разговоров с сотрудниками Службы безопасности.

Военный суд постановил арестовать офицера высокого ранга, находящегося на действительной службе, за шпионаж, которым он занимался в прошлом для КГБ. Подобное следствие за шпионаж в пользу СССР ведется против двух офицеров на пенсии.

По приказу министра обороны от 19 июня 1999 г. польская армия и Министерство национальной обороны будут охраняться охранными фирмами, так как сами не в состоянии обеспечить свою безопасность.

„Ограниченная атомная война? А почему бы и нет [...] нужно использовать то, в чем мы всегда были лучше всех, а именно - ядерное оружие” – эти слова Павла Фельгенгауэра, „публициста, пользующегося славой неофициального представителя российского Генерального штаба”, процитировал Славомир Поповский в газете „Жечпосполита” от 7 июля 1999 г.

„Собственную безопасность мы рассматриваем, как часть безопасности континента (...) Поэтому мы будем добиваться дальнейшего расширения нашего

тот знал, что защищает, защищая Родину. Но тот, у кого не было совсем ничего, защищая Родину не знал, за что воюет. (...) Защищал чужие ценности, защищал неприкосновенность дворца, счастливого процветания помещичьего дома, право на квартиру в городском доме, защищал квартиры, которых никогда не видел и никогда не увидит, наконец, защищал власть, которая зачастую его самого топчет безжалостной пятой. (...) Если этот общественный навоз, который мы топтали, как топтали его наши предшественники, властвовавшие над ним, - москали и немцы - взял винтовку и вместе с панями, с мещанами, с интеллигенцией, с крестьянами и заводскими рабочими пошел бить врага, в бою кровью истекал и победу вместе с другими одержал, то этот его поступок делает нас обязанными перед ним. Ему полагаются не объедки с барского стола милости, не премия за пролитую кровь, а возврат всего что ни есть у него на родине. (...)

Неотразимыми доказательствами мы должны опровергнуть мнение, якобы мы - народ панов и шляхты, страна мракобесов. Якобы наша армия была „белой армией Пилсудского”. Мир трудящихся на Западе и на Востоке, в Англии, во Франции, в Италии, в Америке, в самой Германии и в самой России, должен знать, что неправда, якобы Польша была жандармом буржуазной Европы, несущим на своих штыках приговор прогрессу мира. Мы не можем разрешить то, чтобы победа над Красной Армией на бранном поле в защиту границ нашей Родины, в защиту нашего народа, объединенного в племя одноязычное, неразделимое, неразрывное, самовластное на века, в защиту нашей речи и свободы установления прав, стала триумфом слоя богачей, господ, имущих и поражением нищих людей, помехой на пути прогресса. Победив большевизм на бранном поле, мы должны сокрушить его идею. На место большевизма надо поставить принципы более высокие, чем он, более справедливые, мудрые и совершенные. Надо сдвинуть с места Польшу старую, омертвелую, гниющую в отраве, которой пропитали ее захватчики. (...)

Затем, в результате гитлеровской и советской оккупации, эмиграции и казней, Польша охамела. Вся Польша - как та коммунистическая, Польша коллаборации, так и та антикоммунистическая, антисоветская. Это Хам Польшу коллективизировал, атеизировал, советизировал. Но другой Хам сопротивлялся этому. Хам над Польшей надругался, и Хам Польшу защитил.

Я не обвиняю „благородных и просвещенных”. Они тоже были по обеим сторонам баррикады. Они понимали всю сложность мира, секреты диалектики, тайны геополитики, потребность защиты нации.

Хам бессмысленно служил коммунизму и столь же бессмысленно разжигал мятеж. В Познани в 1956 году, в марте 1968, в декабре 1970. И только в июле 1976 года мятежный Хам встретился со взбунтовавшимся „благородным и просвещенным”.

„Благородный и просвещенный” формулировал теории гражданского общества и гражданской обороны. Хам реагировал более чревом своим, нежели умом. Поэтому говорил: да, да - нет, нет. Чаще говорил „да”. Однако свое „нет” умел высказать настолько убедительно, чтобы сотрясти фундамент советской империи.

Странный был этот Хам - среди руководителей забастовок в 70-80-х годах предостаточно было членов ПОРП.

Попробуем это понять – коммунистическая Польша выдвигала Хама. Дала ему землю, позволила переехать из провинции в город. Наконец, дала ему чувство гордости, хотя и ложной.

Хама возвышали повсеместно: рабочий, крестьянин, стахановец, опер. Хам с умилением слушал о том, что „не образование, а искреннее желание - офицерских погон основание”. Хам радовался, когда его выдвигали в директора. Иначе говоря: Хам, рассеявшийся в салонах власти, был неотъемлемой частью коммунистической лжи об общественной справедливости. Но другой Хам разоблачил ложь коммунистов и салонов власти(...) Лех Валенса, Збигнев Буяк, Владислав Фрасынюк - это они, Хамы из „Солидарности”, свергли коммунизм.

Поэтому я был, есть и буду на стороне Хамов (...)

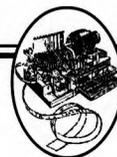
Но я знаю, что все это не так просто. Союз интеллигенции левого толка с простонародьем, то есть Хама с „благородными и просвещенными”, с самого начала строился на лжи и вел к очередной лжи.

Хам - напомним - одобрял коммунистический режим, ибо он не заставлял Хама ломать шапку перед барином и целовать ему руку; покончил с повседневным унижением. Левый, „благородный и просвещенный” бунтовал против условностей Старого Режима, неотъемлемым элементом которого было именно унижение.

„Кичающаяся интеллектуальная марионетка” порою бывала отважным и разумным интеллектуалом, способным совершать героические подвиги; однако Хам умеет превратиться в мудрого вождя - сперва Великой Забастовки, а потом всей нации. Этот Хам удивил и привел в восхищение весь мир. Это он сдвинул с места мировую глыбу.

Сложна новейшая история Польши. Одни и те же люди меняли маски, лица, позиции, обычаи и характеры, как герой романа Стивенсона: добрый и кроткий доктор Джекил становится мистером Хайдом, извергом и преступником.

Такая метаморфоза закодирована в каждом из нас. Сопляк может повести себя как государственный деятель, молокосос становится героем, защищая свободу и независимость. К сожалению, бывает наоборот: национальные герои нравственно опускаются, вовлекаясь в низкие интриги, мифические „неподкупные” оказываются в болоте коррупции; скромность и

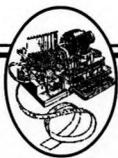

евроатлантического политического сообщества”. (из выступления Президента РП Александра Квасьневского во время праздника Войска Польского 15 августа с.г. по случаю 79 годовщины Варшавской битвы в 1920 году).

„Польский рынок туристических услуг для натуралистов будет развиваться очень медленно. Прежде всего потому, что туризм у нас все еще запретная тема, не пользующаяся общественным одобрением [...] В прошлом году тогдашний пресс-секретарь правительства сравнил даже топless на пляже с варварством, угрожающим прочности средиземноморской культуры”. (журнал „Впрост”, 15 августа 1999 года).

„Среди неверующих очень много людей, заслуженных для культуры и даже для церкви. Их нельзя считать ненормальными людьми и источником всяческого зла, которое происходит у нас в стране. Этический уровень неверующих иногда выше, чем так называемого образцового католика”. („Неверующие в приходе” - “Niewierzący w parafii”, Документ Комитета по делам диалога с неверующими Совета Конференции епископства Польши)

Во время прогулки Витольда С. с собакой породы американский стэффордтерьер кошка с газона перед домом на Хуральной улице в Лодзи спряталась на дереве. Витольд С. сбросил ее с дерева и дал команду собаке „Души!”. Кошка была разорвана на части. Жители дома, которые подкармливали кошку и ее котят, вручили коллективную петицию с требованием наказать Витольда С. „Обществу попечительства над животными», которое известило прокуратуру,

Витольд С. был приговорен к штрафу в размере 1 тысячи злотых, денежному взысканию в размере 500 злотых и уплате 200 злотых возмещения процессуальных расходов. (из газеты „Жечпосполита” - „Rzeczpospolita”, 24-25 июля 1999 г.).

· *Повесть „Мастер и Маргарита” Михаила Булгакова заняла первое место в плебисците читателей газеты „Rzeczpospolita” на „Канон конца века” - серию 25 наиболее важных книг двадцатого столетия. Второе, третье и четвертое места заняли по порядку: Джеймс Джойс („Улисс”), Марсель Пруст („В поисках утраченного времени”) и Франц Кафка („Процесс”). „Архипелаг Гулаг” Александра Солженицина занял 14 место, „Доктор Живаго” Бориса Пастернака - 22 и „Тихий Дон” Михаила Шолохова - 24 место. Читатели голосовали также за Бабеля, Платонова, Маяковского, Есенина, Паустовского, Трифонова, Бунина, Зоценко.*

· *30 тысяч паломников из Польши и 3 тысячи из Украины и Словакии, в том числе католики, греко-католики и православные, прибыло в Кальварию Пацлавскую в Подкарпатье. Как сказал один из паломников из Варшавы, они прибыли туда, чтобы „поблагодарить Бога за то, что в Украине дождались свободы вероисповедания и могут молиться без ограничений и паломничать без паспортов в Польшу”. (газета „Жечпосполита”, 13 августа 1999 года).*

· *Поддержка избирателей Избирательной акции „Солидарность” снизилась до 16%. Союз демократических левых сил получил 34%, Польская крестьянская партия*

толерантность превращаются в высокомерие и фанатизм. Это касается как Хамов, так „благородных и просвещенных”.

Почему же я чувствую себя более Хамом, нежели „благородным и просвещенным”? Потому что мы, Хамы, не умеем столь хорошо лгать - нас выдают примитивные манеры, вульгарные слова и подсознательная откровенность.

Мы, Хамы, знаем, что наша вульгарность и наша жестокость в общественной жизни рождаются либо - как революция - вследствие нищеты и унижения, либо вследствие приближенности к деспотической власти, которая позволяет унижать других. Мы более жестоки и хамоваты, но - по крайней мере - не рассказываем сказок про исконные традиции, национальные ценности и историческую необходимость.

И мы, Хамы, смотря на манифестации наших братьев, коллег с шахт и верфей, металлургических заводов, на их отчаянные лица и их бессмысленные лозунги, понимаем о чем идет речь. Это они выбили забастовками свободу - и это они стали ее жертвами. Они верили, что своими забастовками отвоюют спокойную жизнь и благосостояние, а после торжества свободы им в лицо заглянула безработица. Это у них появилось чувство проигрыша, проигрыша не по своей вине.

Мы, Хамы, понимаем, что рыночная экономика руководствуется своими законами, но помним, что у страха и боли тоже есть свои законы.

Мы, Хамы, знаем, что торжествующий неуч и дипломированный невежда ничуть не лучше Хама из бывшей номенклатуры. Он только еще более лицемерен.

Не думаю, что здесь решающим является мое образование или профессия. Решающим является самоопределение: быть хамского толка - это значит стать на сторону обиженных, униженных, проигравших и чувствовать себя частью их мира.

Над прекрасной польской землей слышен Великий Плач. Это ангелы оплакивают грешное поведение поляков. Десять лет тому назад начался плач по поводу того, что польские интеллектуалы - это гниды, трусливые, лицемерные оппортунисты и коллаборационисты. Во время военного положения мы слышали плач, что в Польше царит пагубный дух антигосударственного радикализма. Теперь вновь мы отовсюду слышим, что Польша погибает то из-за тайной власти коммунистов, обернувшихся либералами, то из-за всевластия распоясавшихся Хамов.

Каждый раз в этом плаче слышны и ложь, и правда: ложь, когда огульно охаивается все, правда, когда мы узнаем, что не все у нас ладится.

Анджей Щипиорский

ДИКТАТУРА НЕВЕЖД

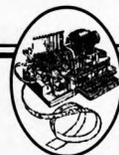
С упоением и восторгом я прочитал очерк Адама Михника „Хамы и ангелы”. Михник - превосходный, блистательный эрудит, но он не умеет стрелять. И промахнулся. Трудно уловить связь его полемики с моей статьей „Народная революция продолжается”. Ибо я писал про хама, то есть об образе мышления и обычаях, а Михник пишет о Хаме, то есть об исторической справедливости, а также истории эксплуатируемых классов.

К сожалению, за неимением аргументов Михник в своем очерке проделывает и более рискованные процедуры. В то время, как я пишу о довольно пренебрежительном в народе отношении к просвещенным умам, он ругает меня, называя „его сиятельством”.

Когда я говорю, что уже многие десятилетия у нас господствует антиинтеллигентский стиль, он заявляет: „мы, Хамы, знаем, что наше невежество и жестокость обусловлены нищетой и унижением”.

Однако эта полемика безусловно полезна. Уже несколько лет правые, в основном национал-католики, пытаются убедить общество, что после войны в Польше произошел случай из репертуара истории заговоров, а именно: небольшая группка коммунистических агентов, опираясь на советское военное присутствие, поработила наш народ. Я же написал банальную правду, что вместе со ста продажными интеллектуалами, среди которых восемьдесят было якобы еврейского происхождения, в тех послевоенных переменах участвовал также народ, который до этого у себя на родине чувствовал себя обездоленным.

Так вот, в этом вопросе Михник со мной соглашается, и даже косвенно пытается меня рьяно убедить, что я прав. Благодарствую хоть за это, Адам!

– 11%, Союз свободы – 9%, Союз труда – 5%. Одновременно этим переизбрания Президента Александра Квасьневского достигло 60%. Готовность голосовать за Леха Валенсу выразили 8% избирателей. (опросы Центра изучения общественного мнения в августе и июне с.г.).

Жалоба на применение монополистической практики на кладбище поступила к Представителю гражданских прав после безуспешного обращения в Управление по охране конкуренции и потребителей. По мнению Представителя гражданских прав, владелец и администратор кладбища, в том числе и религиозного, не может иметь исключительных прав. Жалобу внес владелец похоронной фирмы, которому был ограничен доступ к кладбищенским услугам.

Приготовил
Виктор Кулерский

Тадеуш Соболевский

У ОХОЙСКОЙ

Фото САФ-РАР

Мне посчастливилось

На варшавской улице Новы Свят, в двух комнатах с кухней, размещается Польская гуманитарная акция (РАН). Янина Охойская, основоположница фонда, еще в Кракове – приходит в себя после автомобильной катастрофы. Вскоре она вернется на Новы Свят.

Коридор заполнен ожидающими. Каждый из них – человек-история, будь он черный, желтый или белый. Каждый беженец – это готовая тема для репортажа, фильма. Но здесь непригодна роль однодневного свидетеля. Чтобы все это понять, охватить, надо принимать в этом участие, приходиться сюда (лучше всего – регулярно) и, в конце концов, стать добровольцем. Путь типичен.

Человечность

На стенах карты – Казахстан, Босния, Польша. Широко известные открытки, издаваемые во время войны сараевской студией Трио Дизайн: „Enjoy Sarajevo” (аналогично „Enjoy Coca-cola”). Банка супа Кампбелла - „Sarajevo Chicken Soup”. Плакат: „Покупая открытку на почте, ты помогаешь тем, кто страдает”. Подписано: Охойская.

Пять лет

Разговор в варшавской галерее Захента, полгода тому назад, на выставке по случаю пятилетия Польской гуманитарной акции:

- После свободных выборов 1989 года, когда создалась возможность учреждать частные фонды, мы с Богданом и Малгосей создали отдел EquiLibre. Мы решились на EquiLibre потому, что познакомились с ним во время военного положения, при случае общения с участниками французских конвоев. Тогда впервые я столкнулась с неправительственной организацией гуманитарной помощи, которая использовала поддержку СМИ. Я прекрасно помню свое изумление – эту помощь оказывали отнюдь не богатые! И было совсем не так, как часто у нас поговаривали, что источником помощи являются главным образом залежавшиеся складские резервы. Это была заслуга простых людей, и организаторам пришлось здорово потрудиться. Например, проводилась такая акция: „Remplissons biberons polonais” – наполним бутылки с соской. Вот и собирали...

Охойская уходит на минутку, ее просят дать интервью для телевидения. Она приближается к телекамере, я слышу ее низкий голос с хрипотцой: „Все то, что мы сделали, стало возможным благодаря тысячам людей, фирмам, которые давали нам деньги. Мы только собирали это, занимались организацией и посылали...”

Она немедленно возвращается к прерванной мысли: - Мы начинали с простых мероприятий. Специальная школа для детей в Торуне нуждалась в ксероксе. Нас осенило, что деньги можно добыть по разному. Организовали празднество, матери испекли пироги... Важно было создать структуру взаимопомощи.

В 1995 г. мы переименовали нашу организацию, назвав ее Польской гуманитарной акцией (РАН).

Раньше я побывала в Боснии с французским коллективом EquiLibre, видела лагерь беженцев, увидела Сараево и подумала: пришло время, чтобы кто-то в Польше организовал конвой. Те, с которыми я там побывала, оказались теми же людьми, которые в 80-е годы приезжали с помощью в Польшу. Тогда про меня еще никто не знал. Помню, что в конце первого интервью журналист попросил: „Дай какой-нибудь номер телефона”. Я назвала номер Магды, с которой познакомилась в этот же день. После окончания программы я собиралась ее предупредить, но позвониться уже было невозможно – такое множество людей хотело помочь.

Килограмм риса

- В 1993 нам пришла в голову идея, что детский ансамбль „Гавенда” споет, а дети принесут по пакету риса или вермишели в качестве билета. Стояли разноцветные картонные коробки – красная для риса, желтая для сахара и так далее. В Боснию поехали три тонны продовольственных продуктов. Посмотрите, – говорили мы, – у каждого из вас есть в этом своя толика.

Мы не искали одного могучего спонсора. Это слишком просто: миллиард на один конвой, миллиард на другой. Мы старались привлечь людей. Детей. На этой фотокарточке собрание первого Детского парламента – они обсуждают помощь для Боснии. Мы помогли всем, несмотря на то, на чьей стороне был участник конфликта. Помню, когда второй конвой ехал через Пале в Сараево, сербы предъявляли нам претензии, что, мол, мы направляемся к мусульманам. Сербский пограничник ударил меня. В Сараево нам устроили весьма неприятный обыск...

Моменты отчаяния? Представь себе, что у меня их нет. Если бы я думала, что это всего лишь капля в море необходимости, я бы ничего не сделала. Это все равно, что сказать себе: пусть погибают люди.

Сверхурочные Господа Бога

- Вот здесь факс с информацией, что конвой обстреляли. Март 1993. Тогда погибла Шанталь. Болек Сурувка был тяжело ранен, правая рука у него до сих пор частично не действует. Первый раз мы столкнулись с тем, чего опасались. Но это только усилило в нас уверенность, что надо отправить следующий конвой, игнорировать законы тех, кто стреляет.

В ноябре 1994 г. мы возвращались из Сараево через Игман, где на протяжении двух километров надо было ехать в кромешной тьме, с выключенными фарами, так как с близлежащей Ильидзы эту дорогу обстреливали сербы, зная, что это единственный путь в Сараево. Понятно, они стреляли вслепую либо на слух – ведь двигатель невозможно полностью заглушить. Снаряд взорвался прямо перед нашей машиной. Ударная волна спихнула машину в пропасть. Один из журналистов, ныне мой муж, видел, как это происходило. Потом он дал такое заглавие своему репортажу: „Сверхурочные Господа Бога”, ибо действительно это было так, как будто у Господа Бога именно там были сверхурочные, и он положил на склоне горы такой маленький каменный обломок, на котором задержалась наша машина.

Шоу-бизнес в фонде

Весна 98. В штаб-квартире собрание. Я не успеваю записывать. Охойская со своей компьютерной памятью помнит буквально все: начиная с главной проблемы, – куда отправить конвой, кончая тем, что въезд в лодзинский склад опасен.

- Послушайте, возникла проблема восстановления школы в Сараево. Мы подали заявки в 700 фирм. Помните, что это не обязательно должны быть наличные. Нужны инициативы, которые можно показать по телевидению. У меня есть спонсор, который готов дать 50 тысяч злотых и даже больше и есть возможность показать его по 2-й программе. Если даст 100 тысяч, может выступить в популярной передаче „Ток шок”. Надеюсь, его примеру последуют другие.

- Мне надо встретиться с женой композитора Пендерецкого! Есть картина Дуды-Грача, получим за нее 40 тысяч.

- А может кто предложит больше.

- Есть еще золотая цепочка...
- А теперь: кому диплом, кому медаль? У нас есть серьезные спонсоры, сделаем из этого шоу.
- Можем давать медали, можем и продавать. Тот, кто покупает, платит наличными.

Странно звучит жаргон шоу-бизнеса в этой комнате.

- Иногда мне кажется, что я заведу фирмой по маркетингу, – смеется Янина. – Но если мы хотим попасть в средства массовой информации, мы должны изъясняться на их языке. Мы должны присутствовать в СМИ непрерывно. Таким образом, люди узнают, кому надо помочь, и на что мы тратим их деньги.

Казахстан

- Мы хотели распространить помощь и на другие страны. Выбрали Казахстан, так как он далеко. Но и из-за сырьевых поляков. Только начали не с них. Оказалось, что в Казахстане огромные проблемы с медикаментами, и мы решили помочь детской больнице в Кокчетаве, которой заведует доктор Тадеуш Янковский, прекрасный человек, причем не знающий польского языка.

В Караганде мы взяли шефство над двумя детскими домами и двумя больницами. Поляки считали, что это неправильно с нашей стороны, – не давать эти лекарства обществам поляков, католическим общинам. Но мы решили, что медицинская помощь не может разделять людей, – помогая Казахстану, мы помогаем также полякам. И это сработало.

Фотоснимки

- Спим в степи. Не живем в гостиницах, кочуем по степи, степь прекрасна.

А вот как разгружаем посылки в Караганде: 3 тысячи посылок. Жуткий буран, снег. Разгружаем праздничные посылки для польских семей. В обратный путь самолет забирает паломников. Здесь полковнику Чижевскому пани Розалия вручает „куруцу” – такой чехол для чайника.

- Вот снова Сараево. Печка-буржуйка. Наша идея. Мы отправили свыше 600 таких „буржоек”. Совместное мероприятие с „Радио Зет”. Помню, как в 1994 году пришел ко мне ксендз с рождественскими пожеланиями и вручил мне деньги. После рождества у меня было денег на три буржуйки.

- Здесь мы в Чечне, начинаем разгрузку даров для больницы в Шали. С нами Дарек Платек – это благодаря ему мы тогда в целостности и сохранности выбрались из Чечни. Россияне задержали нас на границе. Обвинили в контрабанде оружия, что было ложью. Шесть дней нас держали в селе Герзель. За это время фронт подошел к селу, мы оказались почти на линии огня. Как-то нас разбудили выстрелы, – поблизости взорвался мост. В таких случаях рядом должен быть кто-то доверенный, с кем не вступаешь в споры. До сих пор таким шефом была я, но там, в Герзели, мой опыт оказался недостаточным. Дареку, который был десантником, мы обязаны спокойствием, отсутствием паники, – никто не бросился бежать, куда глаза глядят.

- Это именно тот драматический момент, когда нашим грузовикам предстоит эвакуация. Стоим в воде, посередине реки Аксал, отделяющей Чечню от Дагестана. В такие минуты думаешь исключительно о дисциплине, иначе конвой разваливается.

- На этих снимках люди из нашего фонда: Мариола, наша первая настоящая секретарша, Дяденька – адвокат Сарна, наш юрист, доброволец, с нами с самого начала. Марта и Вероника, тоже добровольцы. Ежик (наступил на морского ежа в Адриатическом море), то есть Анджей Венгжинович, и Дариуш Платек, без которого не сдвинется с места ни один конвой. В общей сложности, в Боснию отправилось 18 конвоев.

- Их отправкой занимается полтора человека. Оля и я. Говорю «полтора», так как на мне еще и другие обязанности. Кроме того, два человека проводят гуманитарные акции. Довольно много людей в Центре помощи беженцам, но они на учете Высокого комиссара по делам беженцев в ООН, который оплачивает их работу. Их столько, сколько необходимо, – то есть пять.

- Это нештатная работа с семи до трех. Можно звонить нам в субботу, в воскресенье. В субботу вечером, люди звонят, считают, что это нормально. Про нас знают: приходят беженцы с измятой запиской,

на которой наш адрес: получили от кого-то на границе или где-то на Украине, куда их перебросили контрабандой.

- Программа помощи для беженцев началась с момента, когда мы занялись беженцами из Боснии. Тогда мы осознали, с какими проблемами сталкивается беженец у нас в Польше. Их отождествляют с преступниками, а тем временем это чаще всего люди, покинувшие свой дом из-за преследований, иногда пыток. Надо помочь им избавиться от страха, создать обстановку, в которой они не будут чувствовать себя гражданами второго сорта. Их будет все больше и больше, поэтому такая работа очень нужна. Необходимо создать структуры помощи. В нашем доме в Бялоленке эти люди ожидают статуса беженца, учат язык. Они все разные – из Пакистана, Афганистана, Сомали, Шри Ланки, Румынии и Китая. После получения статуса им надо помочь устроиться, найти работу, квартиру. Мне хотелось бы, наконец, получить для них свой собственный дом.

Мне надо делать больше

- Первый конвой в Сараево или в Чечню, или какой-то несчастный случай – как правило возбуждают интерес СМИ. Я всегда соглашаюсь давать интервью, разве что журналист слишком заинтересован подробностями моей личной жизни. Я понимаю, что их интерес может вызывать, между прочим, факт моей хромоты. Ведь своей работой я занимаюсь не потому, что я хромаю, и не потому, что я женщина, – но как раз об этом они и хотели бы со мной беседовать. Мне посчастливилось, ведь работа сама пришла ко мне. По профессии я астроном, занималась научной работой. Но так уж сложилась моя жизнь, что я всегда нуждалась в помощи других. И могла на нее рассчитывать. Меня воспитали в убеждении, что мне надо делать и давать больше, чем другие, ведь добро сторицею воздаст. После первого конвоя я уже знала, что не вернусь к астрономии, и всегда буду делать то, что делаю теперь.

- Это часть нашей помощи Польше. Добавочное питание для детей в Бещадах. Здесь – добавочное питание для Литвы. Мечтаю о том, чтобы попасть в Беларусь. В Литву не отправляем конвоев с продовольствием, только деньги на школьные обеды. У нас есть список детей из окружного отдела просвещения, от школьной учительницы, посылаем им деньги. В Дивнишках подтверждают: такие-то дети пообедали. Помогаем детдомам и даем им средства на то, что не может финансировать государство: ролики, плееры. А вот наш красный уголок для детей из патологических семей в Лодзи. Это такое простое средство сделать их счастливыми. И меня тоже. Письмо: „Спасибо за доброту и ласку, за то, что помните про нас”.

Мой день

- Семь утра – бассейн. Потом фонд. В девять вечера я дома. Только таким образом я в состоянии поддерживать форму. Я должна помнить о своем здоровье. В фонде пани Иза или пани Мария всегда принесут мне поесть что-нибудь горячее. Мне всегда кто-то помогает.

- Я разделяю свою жизнь между Варшавой, Краковом, Торунем. Вышла замуж. Михал работает в еженедельнике „Тыгодник Повшехны”, и поэтому субботу-воскресенье я провожу в Кракове, а он старается на неделе приезжать в Варшаву. Я прекрасно знала, что так будет – не всегда возможно устроить свою жизнь, как этого хочется. Поэтому, если уж я решилась на такую ответственную работу, надо примириться с тем, что личная жизнь станет, так сказать, несколько нерегулярной. Я прекрасно сознаю, что на мою долю выпало так много важного и что это такое счастье, что я мечтаю делать это как можно дольше.

Радость посвящения

Как сегодня справляются в РАН без пани Янины, с тех пор, как она очутилась в больнице? Что со школой в Сараево? Что с Беларусью, Болгарией, Литвой?

- Меня называют – доброволец full time, – говорит Александра Резунова. Я человек, которого в фонде можно застать всегда, в любое время. Меня здесь зовут „тетей”, хотя разница в возрасте невелика.

Что бы вам хотелось о нас узнать? Я много знаю, но не высказываюсь публично, потому что если начинаю, меня не удержать – слишком много хочется сказать сразу.

- Кто занимается всем этим, ведь вас здесь раз, два и обчелся?

- У нас только несколько штатных сотрудников. Наша основная сила - это десятки добровольцев, находящихся в постоянном контакте с нами. Есть такие, которые приходят помогать при крупномасштабной акции, подготовке посылок. Опять же, если надо что-то ввести в компьютеры, приходят ребята, которые хотят поработать на компютерах, так как собственных у них дома нет.

- Как я сюда попала? Когда организовался конвой в Боснию в 93-м, я смотрела репортажи и думала, что я смогла бы сделать. Собрала пожертвования, села в свою машину и поехала. Дети взрослые, муж занят своей фирмой и я могу сама распоряжаться своим свободным временем, могу научиться чему-то новому. Я доброволец и нахожусь в том комфортном положении, что мне не надо зарабатывать на жизнь...

- В бюро помощи беженцам, по другую сторону коридора, тоже свои добровольцы. Они необходимы, так как мы не в состоянии оплачивать штатных сотрудников, но, кроме того, работа на добровольческих началах имеет глубокий смысл. Как при настоящей демократии, каждый настоящий гражданин сознает, что благотворительная деятельность – это его обязанность. Более того, не принимать в ней участия считается дурным тоном. Я знаю английских чиновников, которые почитают своим долгом еженедельно приходить в дом для престарелых. Однако в Польше это еще не все понимают. Да, мы готовы жертвовать собой, но лишь в порывах, а не из простого чувства долга. Не верен также принцип: сначала себе, потом другим. Надо одновременно помогать и себе, и другим. Не должно быть никакого „потом”. Все должно быть только „сейчас”.

Работа не остановилась. Устройство действует, питаемое энергией жертвователей, сотрудников, добровольцев. Вроде все, как всегда. Но трудно не заметить другой тон голосов работающих здесь людей; несколько месяцев назад я слышал от них, что надо увеличить общественную помощь. Сегодня слышна нота опасения, может преждевременного, как справиться без помощи Янки?

Охойская все еще в больнице после автомобильной катастрофы, произошедшей в июле этого года во время конвоя в Афганистан. Для реабилитации нужно время. Она держится стойко. На улице Новы Свят говорят, что ее состояние улучшается. Однако мне кажется, что это особого рода спокойная энергия, присущая людям фонда, вливается в них из одного источника, каким является она. Это своего рода сообщающиеся сосуды.

- Я не могу себе простить, что меня не было в этом конвое, – говорит „тетя” Резунова. – Им не пришлось бы так долго ждать на российской границе, платить пошлину, а потом ехать по бездорожьям Казахстана. Ведь я говорю по-русски, знаю, когда надо возмущаться, а когда держать руки по швам. Это я сидела бы вместо нее в кабине „Рено” сменщиком! Но она выдержит все. Это 25 операция в ее жизни.

От редакции:

Статья была опубликована в октябре 1998 года. После лечения в краковской больнице Охойская перенесла еще несколько операций. Она сказала нам, что особенно благодарна врачам и медсестрам больницы в Тамбове. Несмотря на травмы, она по-прежнему активна. Руководит многими акциями помощи, в частности в Косово, где помогала как албанцам, так и сербам, а в последнее время пострадавшим от землетрясения в Турции.

Сергей Ларин

ПЕРСТ СУДЬБЫ

Сергей Иванович Ларин - (1925), журналист, публицист, литературный критик. Член редколлегии журнала „Новый мир“. Автор переводов с польского и критических очерков о современной польской литературе.

Фото Ежи Помяновский

Говорят, что когда сороконожку спросили, как она ухитряется бегать столь быстро, не путаясь в своих многочисленных конечностях, она невольно стала спотыкаться, так как подумала об этом впервые.

Когда мне задали вопрос: почему, за что я люблю польскую литературу, я тоже оказался в растерянности. Ведь если любишь что-то или кого-то, всегда трудно дать на это четкий и ясный ответ. Да, люблю! Но почему? Как возникла эта любовь? Надо мысленно порыться в своем прошлом.

Интерес к польской литературе возник у меня как-то стихийно, сам собою, где-то в середине 50-х годов, когда у нас временно наступил период относительной оттепели, а в Польше к власти пришел Гомулка.

В Польше началась новая, либеральная эпоха, все идеологические запреты и табу, которые еще продолжали тяготеть над нашей литературой, кино, искусством, там были отброшены. Страшно вымолвить: Союз польских писателей на своем очередном съезде официально отверг метод социалистического реализма, который был навязан польской литературе Москвой. В Польше стали появляться смелые, яркие талантливые вещи, на слуху были новые имена молодых прозаиков, поэтов, кинематографистов, драматургов.

Вспоминается, какие страсти кипели во время Международного фестиваля молодежи и студентов, проходившего в Москве летом 1957 года. К этому событию приурочили выставку искусства соцстран, которая открылась в Манеже. Основная сшибка полярных мнений происходила как раз в „польском отсеке“ выставки. Крайнее возмущение ортодоксов вызвали несколько работ старейшего польского скульптора Ксаверия Дуниковского, который в годы фашистской оккупации оказался в Освенциме. Воспоминания о лагере смерти мастер запечатлел на своих полотнах в виде нескольких удлинённых, скелетообразных фигур, чем-то отдаленно напоминающих огородные пугала, колеблемые ветром. Картины, насколько мне помнится, были выполнены преимущественно в блекло голубовато-зеленых тонах, отчего изображения узников смахивали на призраков. Эта непривычная цветовая гамма и схематично обозначенные, поникшие фигуры больше всего и раздражали зрителей, адептов академической живописи - А.Герасимова, Иогансона, Лактионова. Они возмущались тем, что Дуниковский не отразил сам дух борьбы, сопротивления, который должен был быть, по их мнению, обязательно присущ жертвам Освенцима. Я привел этот пример для того, чтобы понятнее было, как новое современное ис-

куство, с его поисками смелых художественных решений, пусть даже не всегда удачных, раздражало всех тех посетителей выставки, которые остались закоренелыми догматиками, сходу отменяя всякие новации в живописи. Любое отклонение от догм и эталонов соцреализма воспринималось тогда как сотрясение основ, как подрыв советской власти.

Те же шаблоны господствовали и в области художественной литературы. И все-таки новое польское искусство, литература, кино разными путями проникали в Москву, Питер и другие крупные российские города, будоражили ум, особенно молодых людей, к которым тогда принадлежал и я. Произведения польских авторов будили мысль, развивали воображение, помогали освободиться от шор, увидеть окружающий мир как бы свежим взглядом. Словом, интерес к Польше, к современной польской культуре был в ту пору колоссальный, особенно в творческой среде. Недаром многие известные наши поэты бросились переводить поляков: Б.Слуцкий, Д.Самойлов, А.Тарковский, молодые - И.Бродский, В.Британишский, В.Корнилов, Н.Горбаневская, В.Бурич и многие другие. Все они обратились к поэзии Галчинского, Ружевича, Харасымовича, Гроховяка, Херберта. У них наши поэты как бы черпали вдохновение, находили ответы на те жизненные проблемы, что волновали и их. Думаю, что тогдашнее увлечение нашей интеллигенции Польшей - это особая тема, еще ждущая своего исследователя. Одно несомненно: тогдашние наши контакты с польским искусством, литературой, кино раскрепостили наши души, подготовили почву для будущей перестройки...

Естественно, что волна эта подхватила и меня. Подобно другим, я бегал по всякого рода просмотрам новых польских фильмов, выписывал иллюстрированные польские журналы „Фильм” и „Экран”, которые отличало минимальное количество текста, так что можно было что-то в них понять, усвоив десяток-другой польских слов.

Возможно, более глубокий интерес к польской литературе у меня так и не пробудился бы, не попади я с диагнозом „туберкулез легких” в больницу, где мне и пришлось пролежать

несколько месяцев. В больнице меня, естественно, навещали друзья, в том числе Валентин Оскоцкий, молодой полонист - в ту пору мой главный источник информации по польским новостям в области культуры.

Как-то Валентин принес мне две вещи из нашумевших польских литературных новинок: сборник рассказов Марека Хласко „Первый шаг в облаках” и роман Казимежа Брандыса „Мать Крулей”.

Эти две книги и оказались той азбукой, по которой я начал постигать польскую литературу. Должен признаться, что у меня нет особых способностей к языкам. В школе без большого успеха я мусолил немецкий, в университете с таким же результатом - английский. Поэтому при изучении польского я избрал иную методу - прямо с ходу начал читать рассказы Хласко, не заглядывая в словарь (хотя он и имелся у меня под рукой). Первые 30-40 страниц читал, смутно улавливая смысл, казалось, что вижу изображение сквозь плохо промытое оконное стекло. Дальше пошло лучше.

Так я прочел свою первую книгу по-польски, затем уже перешел к роману Брандыса.

Думаю, что тогдашнее мое приобщение к польской литературе во многом предопределило мою дальнейшую судьбу. Журналист и литературный критик по профессии, я постепенно переквалифицировался в переводчика-полониста. Увлечшись однажды современной польской прозой, я все глубже «влезал» в нее, я не только переводил, но и писал о польских литературных новинках, что появлялись у нас в русском переводе.

Трудно в двух словах выразить, почему я полюбил польскую литературу. Возможно потому, что, как я уже заметил выше, на людей моего поколения польская литература и кинематограф 50-60 годов оказали огромное влияние. „Польская школа кино”, как называли отечественные фильмы в самой Польше, явилась для нас тем глотком свободы, тем голосом оголенной правды, которых нам так не доставало в собственных кинолентах. Вот почему, думаю, ни один наш кинорежиссер не оказал такого воздействия на сознание наших „шестидесятников”, как Анджей Вайда.

Став переводчиком, пребывая в постоянном общении с польской литературой, я открывал в ней все новых, не знакомых мне прежде авторов, иногда сразу же становившихся мне близкими, которых хотелось быстрее перевести, сделав их доступными русскому читателю. При этом я ощущал себя невольным участником литературного процесса, понимая что от того, насколько удачно сумею перевести полюбившегося мне автора, зависит подчас его дальнейшая судьба у нас. Конечно, далеко не всегда удавалось перевести и напечатать приглянувшуюся тебе литературную новинку. Ведь над некоторыми польскими писателями в застойные времена годами тяготел запрет на публикацию их произведений в России.

Достаточно напомнить в этой связи, что один из лучших романов послевоенной польской литературы - „Пепел и алмаз” Ежи Анджеевского смог появиться в русском переводе через двадцать с лишним лет после выхода в свет польского его издания. „Кураторов” со Старой площади, бдительно контролировавших появление польских литературных произведений на русском языке, не устраивала как проблематика Армии Крайовой, затронутая в романе, так и сама фигура писателя, который с их точки зрения, вел себя непредсказуемо: подписывал всякого рода протесты, выступал в защиту рабочих и т.п.

Впрочем, сейчас культурные контакты между нашими странами ослабли совсем не потому, что кто-то и где-то у нас препятствует изданию книг того или иного польского автора. Наши двусторонние связи „обесточились”, на мой взгляд, из-за какого-то взаимного равнодушия, утраты обоюдного притяжения, которое существовало раньше. В результате мы лишились многих приобретений в сфере культуры, без которых дальнейшее наше сближение крайне затруднительно. Особенно много теряют при этом те, кто продолжает любить польскую литературу, кто занимается ею профессионально.

Раньше в магазине „Дружба” в центре Москвы (а филиалы его существовали во всех крупных городах страны) можно было приобрести почти любую польскую литературную новинку. Не составляла труда и подписка на польскую периодику - газеты

журналы. Ныне вся эта система рухнула, и обе стороны не делают никаких попыток, чтобы как-то исправить положение. Как-то недавно на площади Пушкина я подошел к газетному киоску, где лет десять назад частенько покупал „Политику”, „Жице Варшавы”. Теперь их место на витрине занимают газеты „Нью-Йорк Таймс”, „Ди Цайт”, „Республика” и т.д. Столь широкая география зарубежной прессы, представленная на прилавке, разумеется, только радует. Не могу поверить одному: будто нынешнее плачевное положение с польской печатью в России заключалось в том, что обе стороны не могут договориться, как им производить взаиморасчеты, дабы не оказаться в накладе. В результате за последние два-три года мне не довелось держать в руках ни одной польской газеты. Вряд ли такой откат двух соседних славянских стран к „нулевому варианту” в области культуры можно считать нормальным.

И все-таки возвращаясь к тому, с чего начал: за что я люблю польскую литературу?

Ответить на этот вопрос (вынужден я повториться) мне трудно. Может быть, потому, что любовь, как принято говорить, слепа.

Но в том, что тогда, давно я, лежа в больнице, прочел сборник рассказов Марека Хласко, который мне чрезвычайно понравился, вижу некий перст Судьбы. Ведь именно после этого я по-настоящему увлекся польской литературой. Поэтому, возможно, я продолжаю любить Хласко - новеллиста, поскольку первая любовь не забывается. Одним словом, считаю, что тогда мне крупно повезло. Ныне трудно даже представить, что я мог так и не узнать никогда сатиру С.Мрожека, романы Дыгата, прозу Я.Гловацкого, поэзию Херберга, фантастику Ст.Лема, ставшего классикой XX века „Императора” Р.Капусцынского. Насколько я оказался бы беднее без этих книг!

Перевела с польского
Наталья Горбаневская
Примечания
и послесловие Переводчика

Чеслав Милош

ПОЭТИЧЕСКИЙ ТРАКТАТ

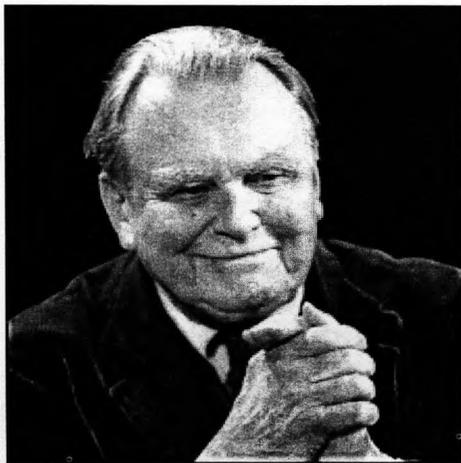

Фото САФ-РАР

Чеслав Милош — один из самых выдающихся польских поэтов XX века, лауреат Нобелевской премии в области литературы за 1980 год. Родился в 1911 году в Литве. Выпускник Университета в Вильнюсе в 1934 году. Дебютировал книгой поэзии „Три зимы” в том же году. Во время немецкой оккупации жил в Варшаве, издавая в подполье свои стихи. В 1951 эмигрировал из Польши во Францию, а затем в США, где преподавал современную литературу, в частности в Гарвардском университете.

ВСТУПЛЕНИЕ

Пускай родная речь простою будет.
Пускай любой, едва услышит слово,
Увидит реку, яблоню, тропинку,
Как видишь в полыхании зарниц.

Однако речь не может быть картиной
И только. Издавна ее прельщает
Мелодия и рифмы колыбельность.
Неладно ей в сухом, шершавом мире.

Сегодня часто спрашивают, что за
Смущение, с каким стихи читаешь,
Как будто автор с умыслом неясным
В них обращался к худшему себе,
Изгнавши мысль и обманувши мысль.

С приправой шутки, шутовства, сатиры
Поэзия ценителей находит,
Такой она понравится способна.
Но те баталии, где ставка — жизнь,
Ведутся в прозе. Не всегда так было.

И до сих пор не высказана горечь.
Роман, трактат служебен, но не вечен.
Одно хорошее четверостишье
Томов трудолюбивых тяжелей.

I. ПРЕКРАСНАЯ ЭПОХА

Дремали дрожки у Марьяцкой башни.
Уютный Краков в зелени лежал
Пасхальным свежескрашенным яичком.
В плащах широких важно шли поэты.
Никто не помнит нынче их имен.
Но руки их, они реальны были.
Над столиками запонки, манжеты.
На палке нес газету вместе с кофе
Официант — и канул безымянным.
Рахили в длиннохвостых шалях¹, Музы,
Пригубивши, закалывали косу
Той шпилькой, что лежит сегодня в пепле
Их дочерей или в комодке подле
Умолкшей раковины. Ангелы модерна
В домах отцовских, по уборным темным,
Обдумывали связь души и пола,
Печали и мигрень лечили в Вене
(Сам доктор Фрейд, слышал я, галичанин).
У Анны Чилаг² отрасли кудри,
Блистали позументами гусары.
В горах носился слух, что Франц-Иосиф
Внизу, в долине, проезжал в карете.

Там наш исток. Напрасно отрицать,
На Золотой далекий век ссылаться.
Не лучше ли принять, признать своими
Усы колечком, набок котелок,
Побрякивание дутого брелока.

Признать и песню над пивною кружкой
В суконно-черных заводских предместьях.
Ухляят, чиркнув спичкой, на полсуток
Творить в дыму богатство и прогресс.

Рыдай, Европа, жди себе шифкарты³.
Под Рождество на рейде Роттердама
В молчаньи станет судно эмигрантов.
К обмерзлым матчам, словно к снежным елям,
Трюм вознесет молитву на мужицком
— Словенском или польском — диалекте.

Простреленная пулей, пианола
Играет. Пары буйствуют в кадрили.
Рыжа, толста, оттянутой подвязкой
Пощелкивая, развалясь на троне,
В пуховых туфлях тайна ожидает
Торговцев сальварсаном и резинкой.

Там наш исток. Иллюзион мигает:
Макс Линдер — плох, с короной в поводу.
В садах сквозь зелень светят лампионы.
И оркестрантки в трубы, трубы дуют.

Свиваясь из сигарного дымка,
Из рук, колец, сиреневых корсажей,
Через поля, долины, горы вьется
Команда: „Vorwärts! En avant! Alle!“
То наше сердце залито известкой
В пустых полях, распаханых огнем.
Никто не знает, почему скончались
— Всё под кадрили — богатство и прогресс.

Как ни печально, там наш стиль родится.
Под утро лира смиренная бряцает
В мансарде над шантанной погребушкой.
Как звездный хруст — эфирные напевы,
Ненужные купцам и их супругам,
Ненужные и в деревушках горных.
Они чисты, наперекор земному.
Они чисты и слов таких не знают:
Вагон, билеты, задница и деньги.

Учись читать, мечтательная Муза,
В домах отцовских, по уборным темным,
И знай отныне, что не поэтично.
Поэзия же — тайное волнение
И легкий вздох, укрытый в многоточьях.

Течет, струится непередаваемо,
Эрзац молитвы. Так и станет впрямь
Простой порядок слов недопустимым.
„Фи, публицист. Уж говорил бы прозой“.
Пока открытием авангардистов
Не станет износившийся запрет.

Есть в Кракове короткий переулок.
Два мальчика там жили по соседству.
Когда один из школы возвращался,
Видал другого на песке с лопаткой.
Несхожи судьбы их, несхожа слава.

Огромный океан, чужие страны,
Коралловые отмели за рифом,
Где в раковину голый вождь трубит,
Познал моряк. И живо то мгновенье,
Когда в жаре безлюдного Брюсселя
Он тихо шел по мраморным ступенькам
И возле „К“ компании звонок
Нажал и долго вслушивался в тишь.
Вошел. Две женщины на спицах нитку
Сучили — он подумал: словно Парки.
На дверь кивнули, скручивая пасмо.
Директор анонимно подал руку.
Вот так стал Джозеф Конрад капитаном
На Конго, по решению судьбы.
И Конго — место действия рассказа⁴,
Где слышащим давалось прорицанье:
Цивилизатор, очумелый Курц,
Владел слоновой костью в пятнах крови,
Кончал отчет о просвещении негров
Призывом к истреблению, вступая
В двадцатый век.

Обту же, впрочем, пору
Подковки, ленты, пляски до утра
В подкраковской деревне, под волынку,
И сотни лет игравшийся вертеп.

Неодолимой воли был Выспанский,
Хотел театра, как у древних греков.
Но не преодолел противоречья,
Что преломляет нам и речь, и зренье,
В неволю нас эпохе отдавая,
И мы уже не лица, а следы,
Не личности, а отпечатки стиля.
Подмоги нам Выспанский не оставил.

Наследье наше — памятник иной,
Воздвигнутый шутя, а не во славу.
Для языка по мерке, как частушка,
А для бесплотной мысли в поученье.
Остроты, чепуха, „Словечки” Боя⁵.

День угасает. Зажигают свечи.
Винтовочный затвор на Олеандрах
Не щелкает. Лужайки опустели.
Ушли эстетсы в скатках пехотинцев.
Их кудри смел цырюльный подмастерье.
Стоит в полях туман и запах дыма.
Наполнит рюмки доктор. А она
У фортепьяно, при свечах, в лиловой
Вуали, напеваает эту песню,
Что нам звучит, как весть из ниоткуда.

Отголоски далекой кофейни
Оседали на мертвый висок.

II. СТОЛИЦА

Чужой ты город на песках сыпучих,
Под православным куполом Собора,
Твоя погудка — ротная побудка,
Кавалергард, солдат всех выше⁶,
Тебе из дрожжек ржет „Аллаверды”.
Так надо оду начинать, Варшава,
Твоей печали, нищете, разврату.
Окоченелою рукой лотошник
Отмеривает семечки стаканом.
Увозит прапорщик у стрелочника дочку,
Чтобы ей княжить в Елисаветграде.

На Черняковской, Гурной и на Воле
Уже шуршат оборки Черной Маньки⁷,
Уже она в парадном подмигнула.

Тобою, город, Цитадель владеет.
Прядет ушами кабардинский конь,
Едва послышится: „Смерть вам, тираны!”

О луна-парк привислинского края,
С губернией тебе бы управляться.
Но стать теперь столицей государства,
Теперь, в толкучке беженцев с Украины,
Распродающих уцелевший скарб?
Палаш да ржавый карабин французский —
Вооруженье для твоих баталий.
Против тебя, смешная, все бастуют:
И в Златой Праге, и в английских доках.

В отделах пропаганды добровольцы
Строчат ночами о грозе с востока,
Не зная, что над гробом им сыграют
На хриплых трубах „Интернационал”.

И все-таки ты есть. И с черным гетто,
И со слезами женщин в довоенных
Платках, и с сонным гневом безработных.

Шагая взад-вперед по Бельведеру,
Пилсудский не уверует в стабильность.
„Они на нас, — твердит он, — нападут”.
Кто? И покажет на восток, на запад.
„Я бег истории чуть-чуть затормозил”.

Вьюнок взойдет из заскорузлой крови.
Где полегли хлеба, пройдут бульвары.
Как это было? — спросит поколение.

А после не останется ни камня
В том месте, где ты был когда-то, город.
Огонь пожрет истории прикрасы⁸,
Как грошик из раскопок, станет память.
Но поражения твои вознагралятся.
Как знак того, что только речь — отчизна,
Вал крепостной тебе — твои поэты.

Такой плеяды не было вовеки.
Но в речи их поблескивала порча.
Гармония у них пошла от мэтров.
В их обработках не было помину
О гомоне сыром простых вещей.

Кто белою рукою в этом веке
Усеивает строчками бумагу,
Тот слышит плач и стук несчастных духов,
Закрытых в ящике, в стене, в кувшине
И тщющихся дать знать, что их рукой
Любой предмет из хаоса был добыт,
Часы тоски, отчаянья, муки
В нем поселились и уж не исчезнут.
Тогда пугается перо держащий,
Неясное питает отвращенье,
Былую ищет обрести невинность,
Но ни к чему рецепты и заклатья.
Вот отчего младое поколение
Умеренно любило тех поэтов,
Им почести воздав, но не без гнева.
Оно с тех пор программно заикалось:
Заика-де высказывает смысл.

Авангардисты, в общем, заблуждались,
По краковскому старому обряду
Приписывая слову ту серьезность,
Что не снесет оно, не став смешным.
Но, челюсти сжимая, замечали,
Что говорят они натужным басом
И что мечта их о народной силе —
Уловка устрешенного искусства.

А глубже — то была пора раскола.
„Бог и Отчизна” больше не пленяли.
Сильней, чем встарь филистера богема,
Поэт улана ненавидел, флаги
Осмеивал и презирал мундиры,
Плевал, когда со стэками юнцы
Визжа гнались за купчиком в ермолке.

Финал заранее был уготован
Не за нехваткой пушек или танков.
Авангардисты, рационалисты,
А все поэты в Польше — как барометр.
Соборная распалась, скажем, ценность,
И вера общая людей не единила.

Кто сознавал — в иронию скрывался
И жил на островке, среди своих.
Кто сознавал острей — внашал себе же,
Что если чтит кумиров, то с народом.

Так не напрасно ссохлась кровь улана
Для муравьев подарком под березой?
Не так уж, значит, стоит осужденья
Заботившийся только о границах
Пилсудский? Он купил нам двадцать лет,
Тянул он шлейф грехов и обвинений,
Чтобы прекрасное созреть успело.
Прекрасное — такая, скажут, малость.

Читатель, ты не заживешь по-райски.
Страна эта прекрасна и обильна,
Да непрочна, как брезжущий рассвет.
Мы что ни день ее воссоздаем
И больше уважаем, что реально,
Чем что застыло в звуке и в названьи.
И силой — она вырвана у мира,
А без усилия — не существует.
Прощай, прошедшее. Стихает эхо.
И нашей речи быть кривой, корявой.

Последние стихи эпохи шли
В печать. Их автор, Владислав Себыла,
Под вечер вынимал из шкафа скрипку,
На полке с Норвидом футляра оставив,
И железнодорожного мундира
Тогда он не застегивал петлицы.
В своих стихах, подобных завещанью,
Отчизну он сравнил со Святовидом.
Все ближе, ближе барабанный рокот
С равнин восточных, с западных равнин,
А ей все снится пчел ее жужжанье
В полдневный зной, в садах у Гесперид.
За это ли Себылу под Смоленском
В лесу зарюют, прострелив затылок?⁹

Прекрасна ночь. Высокая луна
Переполняет небо тем сияньем
Особенным, сентябрьским. Скоро утро.
И воздух тих над городом Варшавой,
И серебристые аэростаты
Стоят недвижно в побледневшем небе.

Процокают у Тамки каблочки,
Призывный полусшепот, и в бурьянник
Уходит парочка. В тени незримый,
Молчит дежурный, только ухо ловит
Их слабый смех в густой постели мрака.

Ни жалость одолеть он не умеет,
Ни выразить их общую судьбу.
Рабочий и простая поблядушка
Перед ужасным восходящим солнцем.

И, может, поразмыслит он позднее,
Что стало с ними в днях или веках.

III. ДУХ ИСТОРИИ

Когда со статуй краска опадает,
Когда законов буква опадает,
Сознание голо, как зеница ока.

Когда на сталь, на съёженные листья
Летят огнем из книг сухие листья,
Добра и зла ничем не скрыто древо.

Когда на грядках гаснет крыл холстина,
Когда трещит железо, как холстина,
Солома остается да навоз.

Где дым от крематория клубится
И где по деревьям звонят к вечерне,
Гуляет Дух Истории довольный.
Милены после потопа страны,
Готовые принять любую форму.
Мелькает на задворках та же юбка
В Аравии, и в Индии, и в Польше.

Поэт его узнал уже, увидел,
Злобога, у которого во власти
И время, и судьба поденок-царств.
Его лицо размером в десять лун,
На шее бусы из голов кровящих.
Кто не признал его — жезлом задетый,
Заговорится и утратит разум.
Кто поклонился — будет лишь слугою,
Ему презреньем господин отплатит.

Венки лавровые, лужайки, лютни!
Куда вы делись, дамы и князья!
Вас можно было распотешить лестью,
В припрыжке ловкой кошелек словить.
Он жаждет большего — души и плоти.

Кто ты, властитель? Долги эти ночи.
Не ты ли ведом нам как Дух Земли,
Что сбрасывает гусеницу с груши
На прокормленье черному дрозду?
Что дохлыми жуками устилает
Постельку луковицы гиацинта?

Губитель, ты и он — одно и то же ль?
Он, неотступный, он, товарищ верный.
Как часто нашей он водил рукою
По гладкой шее и спине девичьей,
Когда бредут в июльский вечер пары
Лугами к озеру под запах сосен,
Гармоника наигрывает небыль
Про острова влюбленных в океане.
Теперь мотив забыт, и вспомнить страшно.
Как часто он же нам, краса и слава,
Ликующий тетеревиный клич,
Иронией умел скривить улыбку,
Нашептывая, что весенний воздух,
Трель соловья и наше вдохновенье —
Всего лишь его щедрая наживка,

Чтоб совершалось продолженье рода,
Что кровь остынет и, покрыты ржою,
В гниющем пурпуре мы погрузимся
В тот прах, что миллионы лет копился,
Где нас заждался прадед-питекантроп.

Скажи, в разумном гегелевском фраке
Любитель диких ветреных сторонки,
Ты что же, имя поменял — и только?

В наш век есть то, чего не увидели
Двадцатилетние варшавские поэты, —

Те юноши растерянно касались
Стола и стула утром, словно в ливень
Нетронутый находишь одуванчик.
Для них дробились в радугу предметы,
Размытые, как в отошедшем прошлом.
Возможность славы, мудрости, покоя
Они своей молитвой отвергали.
Все их стихи — о мужестве молебен:
«Когда мы будем изгнаны из жизни,
Наш дом златой, в постель из малахита
Ты на ночь нас — на вечную — прими».
И ни один герой у древних греков
Не шел на битву так лишен надежды,
Воображая свой бесцветный череп,
Откинутый ботинком равнодушным.

Когда обмотают мне шею веревкой,
Когда мне дыханье отнимут веревкой,
Качнусь я по кругу, и кем же я буду?

Когда меня в ребра уколут фенолом,
Когда я шагнуть не смогу под уколом,
Какую ж я мудрость пророков добуду?

Когда разорвут наши руки навеки,
Когда разорвут наши зори навеки,
Никто их на небе не свяжет обратно.

А я, кроме сердца, что вот-вот умолкнет,
А я, кроме слова, что вот-вот умолкнет,
Не знаю ни дома, ни сына, ни брата.

Поэт облакам угрожал в нашем гетто,
Бросал я монетки в ладони поэта,
Чтоб песня до смерти осталась со мною.

На камерной стенке долбил я ночами
То слово любви, чтоб до века скончанья
Оно вокруг солнца кружило с тюрьюмою.

В жестянку, в жестянку в такт песенке бил я,
И нет меня, нету, а там еще был я,
Где наша дорога свернула к застенку.

И в день покаяния, в день ли прощенья,
Быть может, откроют, отроют в защельи
Мой след, мой дневник, замурованный в стенку.

Земля истребленья, погибели, злобы,
Она не очистится силою слова,
Не уродить ей такого поэта.

А если б один и нашелся единый,
Мы вместе за проволку с ним уходили,
Избранником было бы детище гетто.

Зима пройдет

Единственная мстительная радость
Еврейских девушек на тяжком марше.
Да, скоро ночью журавли промчатся,
Лежалый снег не будет ранить руки.
Да, у ручья на гравии стопа
Розовощекой галькой захрустит.

Весна придет

Да, буйным соком набегут тюльпаны,
В окно жужжа ударит майский жук.
Да, юноша сплетет своей невесте
Венок из молодых дубовых листьев.

Тогда из нас

Из нас — ведь мы теперь одно и то же.
Кость, мясо, нервы — наши, не мои.
А имена Рахиль, Мирьям и Соня
Угаснут и остынут на ветру.

*Трава взойдет*¹⁰

Трава, побитая иронией напева.

Нам многое, да, многое припомнят.
Отвергли мы спокойствие молчанья,
Достойных уваженья размышлений
О мировых структурах. Вечной теме
И чистоте мы были неверны.
И хуже — пыль событий и имен
Мы что ни день словами ворошили,
Тревожась мало, что она угаснет
Мильоном искр, и вместе с нею мы.

Даже бесславье, принятое нами,
Как будто было умысла не чуждо,
И нехотя, но мы платили цену.

Когда себя ты знаешь — признаёшься,
Что был как тот, кто слышит голоса,
Не разбирая слов. Отсюда злость,
Подошва, выжимающая скорость,
Как будто можно от галлюцинаций
Бежать. Свою незримую веревку
Влачили мы, гарпун спиною чуя.

И всё же обвинители ошиблись,
Печальники о зле эпохи нашей,
Принявши нас за ангелов, что в бездну
Низвергнуты и там, из этой бездны,
Грозятся кулаком делам Господним.
Да, многие сошли на нет бесславно,
Открывши относительность и время,
Как химию неграмотный открыл бы.
Другим — одна обкатанная галька,
Подобранная около реки,
Дала урок. Достаточно мгновенья,
Набухших кровью окунковых жабр,
Пропаханной бобровой борозды
По спящей тоне, под безлунным небом.
Ведь созерцанье без отпора гаснет —
Его и сам отвергнет созерцатель.
А мы — наверно, были мы счастливей,
Чем те, кто в Шопенгауэра книгах
Печали черпал, слушая в мансарде
Назойливые отзвуки шантана.
И философия, поэзия, деянье
Нам не были, как им, разделены,
В одну сливаясь — волно? иль неволно?
Подчас горька, а все-таки награда.

1956, Бри-Конт-Робер

ПРИМЕЧАНИЯ ПЕРЕВОДЧИКА

¹ „Рахили в длиннохвостых шалях” — отсылка к героине драмы Станислава Выспянского „Свадьба” (те, кто видел фильм Вайды, помнят Майю Коморовскую в роли Рахили). Переводчику приходится признаться, что первый, поверхностный (и ошибочный вариант) был „Рашели”: автоматически сработало «ложноклассическая шаль» и «Так, негодующая Федра, / Стояла некогда Рашель».

² Анна Чилаг (правильно: Чиллаг) — героиня рекламы средств для рращения волос перед 1-й Мировой войной в Австро-Венгрии. Она уже появлялась в польской поэзии — в стихотворении Юзефа Виттлина „A la recherche du temps perdu” (1933):

Я, Анна Чилаг, с длинными кудрями,
Все та, все в той улыбке сладко тая,
Стою между газетными столбцами
Вот уже тридцать лет, как бы святая.

.....
Моих кудрей шумящий водопад
Ковром пушистым стелется до пят,
До пят босых волосяной богини.

.....
Я, Анна Чилаг, даже в те года,
Как кровь была дешевле, чем вода,
И литеры набора заливала,
И рядом со столбцов ко мне зывала, —
Не поседела ни на волосок,
Не оскудела ни на волосок.

³ Немецкое слово *Schiffkarte* в форме „шифкарта” вошло в польский язык в начале XX в., во времена массовой эмиграции, — ныне ощущается как устаревшее. „Шифкарта” была для эмигрантов даровым билетом на проезд в трюме трансатлантического парохода — билет оплачивали и высылали заокеанские родственники.

⁴ Речь идет о повести Джозефа Конрада „Сердце тьмы”.

⁵ „Словечки” Тадеуша Желенского, более известного под псевдонимом Бой, — сборник „фрашек” (стихотворных острот или, попросту говоря, эпиграмм).

⁶ „Кавалергард, солдат всех выше” — по-русски в тексте. Строка из русской армейской песни.

⁷ „На Черняковской, Гурной, на Воле” — начало припева популярной в варшавских предместьях баллады о Черной Маньке, проститутке, отравившейся после того, как ее бросил возлюбленный (ср. „Маруся отравилась...”).

⁸ Строка из „Конрада Валленрода” Мицкевича. Здесь приводится по кн.: Адам Мицкевич. Стихотворения. Поэмы. М., 1968, — в пер. Н.Асеева.

⁹ Владислав Себыла был расстрелян в Катинском лесу. В Нобелевской лекции Милош сказал:

„В антологиях польской поэзии есть имена моих друзей: Леха Пивовара и Владислава Себылы — и дата их

смерти — 1940. Абсурдно, что нельзя написать, как они погибли, хотя в Польше каждый знает правду: они разделили судьбу многих тысяч польских офицеров, разоруженных и интернированных тогдашним пособником Гитлера, и похоронены в массовой могиле”.

Отметим, однако, что в двухтомной антологии „Польская поэзия” (сост. С.Гроховяк и Я.Мацеевский. Варшава, 1973) годы жизни Себылы указаны: 1902-1941, с фальсифицированной датой смерти. Те же даты были повторены и в первом и единственном (на 1982 г., когда я переводила „Трактат” и составляла примечания. — Прим. 1999) издании стихов Себылы, вышедшем в Варшаве в 1981. Упомянутое Милошем стихотворение — „И снова топот ног солдатских...” — было напечатано в 1938 в сборнике „Образы мысли”.

¹⁰ Эти четыре строки — подлинная песня, возникшая в гетто во время оккупации.

Читатель заметит, что в сравнении с числом упоминаемых в „Поэтическом трактате” имен и реалий примечания не исчерпываются. Задача комментария — разъяснить главным образом те места, где понимание текста русским читателем — без дополнительных сведений — осталось бы заведомо обедненным или неясным. В задачу переводчика не входило ни дать полный академический комментарий, ни разъяснить, почему Милош так, а не иначе оценивает лица и события (ни, тем более, толковать историософские и натурфилософские концепции „Трактата”).

Переводчик благодарен автору, внимательнейшим образом прочитавшему перевод и сделавшему целый ряд ценнейших замечаний, а затем нашедшему время обсудить со мной внесенные поправки. Переводчик также благодарит своих польских и русских друзей: Владимира Аллоя, Александра Бондарева, Станислава Баранчака, Иосифа Бродского, Ренату Горчинскую, Хенрика Гринберга, Наташу Дюжесу, Якуба Карпинского, Ирену Лясоту, Владимира Максимова, Хелену Шмунес, — которые были первыми читателями или слушателями поочередных вариантов бесконечно перерабатывавшегося перевода, — за советы и замечания. И Мирослава Хоецкого, поддержка которого была решающей на трудной стадии, предшествовавшей изданию.

(1982)

Готовя переиздание «Поэтического трактата», впервые вышедшего крохотным тиражом в 1982 г. в изд. „Ардис” (Анн-Арбор, США), я еще раз пересмотрела и в нескольких местах слегка поправила перевод, чуть-чуть подправила и примечания.

(1999)

Интервью с

Натальей Горбаневской

в связи с выходом в свет
русского перевода поэмы

Чеслава Милоша „Поэтический трактат”

„РЕЧЬ — ОТЧИЗНА...”

Наталья ГОРБАНЕВСКАЯ, поэт и известный переводчик польской литературы, сотрудник журналов „Русская мысль” и „Новая Польша”. В семидесятые годы печаталась в польском самиздате, в восьмидесятые и девяностые годы в своих статьях о положении в Польше давала глубокий анализ перемен, происходивших в политической и культурной жизни страны. В 1992 и 1997 году краковское издательство Oficyna Literacka выпустило сборники избранных стихотворений в переводе Виктора Ворошильского.

Фото Г. Жегож Пшебинда

— Мы публикуем в этом номере газеты отрывки из поэмы Чеслава Милоша „Поэтический трактат”. Не могли бы вы прежде всего дать для наших читателей общую характеристику поэмы?

— Я думаю, что характеристику „Трактата” следует начать с его композиции. Его четыре части — после краткого основополагающего вступления — это как бы четыре концентрические окружности, из которых каждая следующая шире предыдущей. Первая часть, „Прекрасная эпоха”, — это „крохотный Краков”, австрийская Галиция, манерная младопольская поэзия: „...тайное волнение / И легкий вздох, укрытый в многоточьях”. Это времена накануне 1-й Мировой войны, когда, по выражению Ахматовой, лишь „приближался не легендарный, настоящий двадцатый век”. Вторая часть, „Столица”, — Варшава, независимая Польша, славное и противоречивое в истории как Польши, так и ее поэзии «межвоенного двадцатилетия»; история раздвигается, набирает масштабность. Третья, „Дух истории”, — уже в высшей степени „настоящий двадцатый век”. Историко-хронологически — это Польша времен 2-й Мировой войны и гитлеровской оккупации. Историко-литературно — это главным образом возврат к Мицкевичу (как всегда в тяжкие минуты возвращаешься мыслью к вершинам национальной культуры, чтобы и опираться на них, и отвергать, опровергать их). Но, может быть, главный аспект этой части — значительно более широкий, историософский: спор с Духом Истории, с торжествующей гегелевской диалектикой. И, наконец, четвертая часть — „Природа”, заглавие, казалось бы, говорит само за себя: мы ожидаем бегства в природу от истории, но находим иное — встречу, сложный сплав природы и истории в человеке, который живет на рубеже обоих миров, принадлежит им обоим. „Ты скажешь — царство? Мы в него не входим, / Хоть и не можем выйти из него”, — говорит Милош о животном царстве, о „саде природы”. Призывая на помощь „историчность”, „музу седого Геродота”, он одновременно взывает к возможности (скорее, мечте) поселиться „в природе, пламенистой, как неон”, где, „не разрезан, Геродот пылится”. Историософия, которая в третьей части была скорее лишь спором, ожесточенным и почти безнадежным, с представлением о свободе как „осознанной необходимости”, здесь, обвенчавшись с натурфилософией, не победив ее, но и не уступив, находит свою полноту. Но, прошу прощения, я, кажется, занялась ровно тем, чего не хотела делать в своих примечаниях к переводу.

— Действительно в книге, после восьми страниц довольно подробных примечаний, вы, в частности, пишете: „В задачу переводчика не входило ни дать полный академический комментарий, ни разъяснять, почему Милош так, а не иначе оценивает лица и события (ни, тем более, толковать историофилософские и натурфилософские концепции „Трактата”)”. Чему же в таком случае вы посвятили эти восемь страниц?

— А вы думаете, восемь страниц — это много? На самом деле полагалось бы дать краткие сведения, хоть даты жизни, о каждом из упоминаемых в „Трактате” поэтов. Я же остановилась на самом-самом минимуме. В одних случаях я считала, что русский читатель знает имена таких поэтов, как, скажем, Стафф и Лесьмян, Броневский и Галчинский. В других — что даты жизни ничего не прибавят и пусть читатель узнает о неизвестном ему польском поэте ровно столько, сколько сказал о нем Милош. В некоторых случаях комментарии были необходимы. Если, например, имена Тувима, Ивашкевича и Слонимского русскому читателю так или иначе известны, то о группе „Скамандер” в целом, куда входили также поэты, ставшие после войны эмигрантами, он знает мало или ничего. Это о „скамандритах”, и поныне олицетворяющих для русского читателя всю польскую поэзию межвоенного двадцатилетия, Милош говорит: „Такой плеяды не было вовеки, / Но в речи их поблескивала порча...” Конечно, мне пришлось чуть подробнее сказать о Юзефе Чеховиче, ибо этот поэт, самый близкий автору поэмы и, возможно, самый прекрасный польский поэт 30-х годов, в России практически неизвестен. Или о Владиславе Себыле, мало известном и у себя на родине, где долго не решались переиздавать поэта, погибшего от пули НКВД в Катынском лесу. А в третьей части надо было выловить все рассыпанные по тексту цитаты из Мицкевича, найти их более или менее „канонические” переводы или перевести заново и указать, откуда они взяты, из какого контекста, ясного для поляков, но вовсе не очевидного для русского читателя.

— Вернемся к поэме и к переводу. Как мы знаем из объявления о вашем вечере, русский перевод „Поэтического трактата” — это вообще первый перевод поэмы на иностранный язык. Между тем, стихи Милоша много переводились — и на английский, и на французский, и на другие языки. В чем тут дело?

— Я думаю, что тому есть две причины. „Трактат” написан давно, в 56-м году. В тот момент поэзия эмигранта с Востока, беженца от коммунизма, одним словом — „отщепенца”, не слишком притягивала переводчиков. Позднее же, когда Милоша принялись переводить, выбирали прежде всего, разумеется, более поздние вещи. Те же, кто в конце концов взялся представить полный образ поэта, включая его раннее творчество начиная от довоенных стихов, те, вероятно (тут начинает действовать вторая причина), останавливались перед трудностями перевода „Поэтического трактата”. Поэма настолько плотно „набита” содержательностью всякого рода: реалиями, оценками, размышлениями, — что переводчик, видимо, чувствует необходимость чрезвычайных затрат времени и сил на то, чтобы все осмыслить, обдумать, осознать. Возможно, это отпугивает. Сейчас, правда, насколько я знаю, в Америке готовится перевод „Трактата” на английский — под присмотром автора, и, если я не ошибаюсь, Кот Еленский, постоянный переводчик Милоша на французский, также готовит перевод поэмы. Пока же, как это ни парадоксально, мой перевод может оказаться временной заменой для тех иностранцев, которые не читают по-польски, но владеют русским.

— А вы, значит, все осмыслили, обдумали, осознали?

— Нет. Я думаю, что, примись я первоначально за труд осмысления, я, наверное, и застряла бы на этом этапе. Я просто взялась переводить, полупонимая, что я делаю и на что решилась. Это была отвага, граничащая с наглостью и легкомыслием. Я „осмысляла” в ходе перевода. При этом происходили странные вещи. Каждый знает, что стихотворный переводчик всегда вынужден — ради „благозвучия”, т.е. ради передачи фактуры оригинала, — что-то менять в смысловых деталях текста: опускать, присочинять. Первый вариант перевода вышел у меня невероятно хромым — в нем лишь просвечивал намек на гениальную поэму. Первые слушатели и читатели ощутили, однако, и этот намек и поддержали меня, одновременно указав мне ряд неловких мест (я их потом нашла куда больше). Без такой поддержки у меня, наверно, опустились бы руки и я бы все бросила. Я принялась переделывать. Содержательное богатство Милоша не вмещалось в мои хромящие ямбы — русский текст был и беднее, и корявее оригинала. Тогда я поставила себе только одну, чисто техническую задачу: привести в порядок ямб. Чтобы не было лишних слогов, провисающих посреди строки. Чтобы стихи звучали стихами, а не ковыляющими виршами. Вот тут-то и начали твориться чудеса: каждый раз, как я поправляла строку „ради благозвучия”, строка сама возвращалась от опущенного и присочиненного мною — к тому, что было у Милоша в оригинале.

— На своем недавнем вечере вы сказали, что считаете удачу своего перевода как бы чудом, подарком судьбы...

— Отчасти — да. Я, в общем, не очень люблю переводить стихи — я люблю переводить прозу. Перевод стихов для меня всегда труд несколько мозольный. А тут хоть труда вложено и много, но сам труд был постоянной немислимой радостью. Первый вариант я делала ночами, вместо того чтобы лечь или заняться чем-то более срочным (работы у меня всегда по горло). Ночами, почти до утра, и не могла оторваться. Отрывалась, когда какое-то место „заколдобило”, ложилась и не могла уснуть, все крутила в голове строчки, которые не выходили, и вскакивала вновь записать, когда что-то выходило. И потом, много месяцев внося поправки, я с наслаждением, почти со стороны, смотрела, как строка сама выправляется, распрямляется, становится стройной, как милошевский стих начинает звучать по-русски. Моя заслуга — лишь тот первоначальный импульс, который загнал меня за машинку и рядом с машинкой положил раскрытый на „Трактате” том Милоша, а уж дальше все пошло-поехало само.

— Говорят, автор доволен переводом?

— Да, хотя я еще не знаю его реакции на самый-самый окончательный текст. В июне прошлого года, когда он возвращался из своей триумфальной поездки в Польшу и заехал в Париж отпраздновать свое 70-летие, я вручила ему перевод. Это был один из промежуточных вариантов — третий или четвертый. Он прислал мне его с многочисленными пометками и замечаниями, но тогда же, еще до внесения поправок, уже показывал его в Америке своим студентам-славистам: вот-де как надо переводить. Затем мы встретились осенью в Гарварде. Я показала ему все переделанные места, даже объяснила, в чем я с некоторыми его замечаниями не согласна, и сказала, что перевод частично уже просмотрен Бродским. Мы еще раз просмотрели вместе ту часть текста, которую не успел прочитать Бродский, ибо то, что он успел, Милош решил даже не смотреть, заявив, что Иосифу он доверяет полностью. В общем, затем мне оставалось лишь получить остаток замечаний от Бродского. Их было не так много (новых, последних поправок я внесла больше), и при их посылке Иосиф написал: „Чеславу повезло. Тебе — тоже”. Ну я не знаю, как Чеславу, а что мне повезло — это точно.

— Будем надеяться, что прежде всего повезло русским любителям поэзии. Равно на родине и в эмиграции, ибо для поэзии, по выражению Милоша, „только речь — отчизна”.

(„Русская мысль” № 3442, 9 дек. 1982)

НЕ ТРАКТАТ, А ТРАКТАТ В СТИХАХ...

...дьявольская разница, неправда ли? Перечитав давнее интервью, сама удивляюсь, почему это я употребляла термин „поэма”. По инерции, наверное: длинное и в стихах — значит, поэма. „Трактат” — конечно, не поэма, но и не просто трактат. Одним словом, см. заголовок.

Впервые я прочла „Поэтический трактат” (а есть еще и „Моральный трактат”, блестяще переведенный И. Калугиным и напечатанный в книге: Чеслав Милош. „Так мало” и другие стихотворения. М., „Вахазар”, 1993), так вот, впервые я его прочла в томе избранных стихов Милоша, который получила в подарок еще в Москве. Прислал мне этот том — с надписью автора: „Коллеге Горбаневской дружески. 20. II. 1973. Чеслав Милош” — приятель, женившийся на американке и приземлившийся в Калифорнийском университете в Беркли, где преподавал Милош. Это был, конечно, царский подарок. И, помню, я читала-читала увлеченно и... загнулась на „Трактате”, подумала: „Как бы мне хотелось *это* перевести”, — и сама себе горестно вздохнула: не перевести. (С этого же тома я, кстати, и переводила „Трактат”: чудом увезла книгу с собой в эмиграцию, и сейчас она у меня стоит с целой батареей других книг Милоша.)

С самим Милошем я познакомилась, разумеется, только в Париже, мы сразу расположились друг к другу, он и по сей день ужасно любит говорить со мной по-русски, даже когда я обращаюсь к нему польски. Но как на „предмет” потенциального перевода я на него не смотрела: с Москвы застряло во мне это „не перевести”. Помогла, стыдно признаться, Нобелевская премия. Никита Струве попросил перевести несколько стихотворений для „Вестника РХД”, и мой собственный главный редактор Влади-

мир Емельянович Максимов потребовал от меня Милоша для „Континента”. Пожалуй, не стихи в „Вестнике” (довольно обычные верлибры), а именно „Особая тетрадь: Звезда Полюнь”, только что тогда опубликованная по-польски в парижской „Культуре”, стала для меня тем трамплином, взяв который я и подумала: а может, теперь и „Трактат” одолею?

Что такое „Особая тетрадь: Звезда Полюнь”? Вот опять вопрос жанра: „поэма”? Может, и поэма, но зато не „в стихах”. По крайней мере, не в том, что мы, русские, воспитанные на метре и рифме, привыкли считать стихами. И даже не в том, что привыкли считать стихами народы (включая поляков), в последние этак девяносто лет усердно воспитывающиеся на верлибре. Кроме заключающего поэму „добротного” стихотворения, написанного рифмованными четверостишиями, остальные части „Особой тетради” — скорее „стихотворения в прозе”, только, разумеется, не в единственной знаменитой у нас приторной тургеневской традиции. В них есть свой ритм, летящий, бегущий, задыхающийся, который мне, кажется, удалось передать.

Жанр — вообще очень темный вопрос в поздней поэзии Милоша. В последние лет двадцать ему нередко случается то перемежать стихи и отрывки исторических документов — иногда на том древне-белорусском языке, который был языком Великого Княжества Литовского и который, замечу, нам, русским, легче понять, чем соотечественникам поэта; то стихи и переводы, скорее переложения, американских или восточных поэтов, то опять-таки стихи и... Нет, не скажу прозу: прозу Милоша, и художественную, и эссеистику, в которой он особенно блистателен, я знаю хорошо, переводила немало, и разницу чувствую, потому что *переводится совсем по-другому*. Поверьте, что вообще в любой текст переводчик вникает глубже всякого читателя: видит и слабости (говорю не о Милоше), которые порой надо затушевать, а порой оставить в неприкосновенности, и акценты, которые надо не потерять при переводе, и ритм... Да, конечно, у прозы есть свой ритм, свой тип ритмико-синтаксических конструкций, но не тот, не тот, что в стихах, будь они верлибры или „стихи в прозе”.

Не помню где, давно уже Милош писал, что в молодости он отталкивался от русской поэзии, противился ее влиянию, весьма тогда сильному в Польше: чересчур завораживала она своей мелодикой, как будто обманывала. (Так в нашей юности одна моя подруга читала свои стихи по телефону, и слушатель, которому они неожиданно понравились, сказал: „Не может быть. Ты меня голосом обманываешь”.) У меня складывается впечатление, что в последние десятилетия странным путем: через верлибры, „стихи в прозе”, перемешивание стихов, документов, переложений и мимолетных заметок — Милош пришел к тому же мелодическому завораживанию, которого когда-то так боялся. И напрасно боялся: оно не обязательно обманывает, и даже чаще всего не обманывает, а, наоборот, торит дорогу к истине, несказуемой „простыми словами”.

„Поэтический трактат”, конечно, еще не такой: он строже, дисциплинированней, хотя если сравнить его, например, с более ранним, более виртуозным и, я бы сказала, более „маршевым” „Моральным трактатом», то в нем куда больше простору, куда шире дыхание — недаром он срывается то в оду, то в песенку, пусть лишь цитируемую (припевки Чижевского, песня девушек из гетто), то прямо в пение-рыдание („Когда обматывают мне шею веревкой...”). Так, может быть, „Поэтический трактат» — все-таки поэма?..

Париж, 17 июня 1999

Ежи Фицовский

Перевел с польского
Святослав Свяцкий

Я РАССКАЖУ ТЕБЕ ИСТОРИЮ

Я расскажу тебе историю
пока она не вынырнула очищенная от нас
точней от песка
она хорошо сохранилась
как скелет плезиозавра
под пустыней гоби

Расскажу еще не остывшую
от освенцимских печей
еще морозную
от колымских снегов
историю грязных рук
историю отрезанных рук

не поместили ее в учебники
чтоб не запачкать
белых пятен
на карте времени и времен

Я расскажу тебе историю
эту неописанную
она изредка приезжает
на эксгумацию снов
мое доказательство это молчание
простреленное навылет
и потому я расскажу шепотом
тебе историю
Ты же ее не повторяй никому

5/VIII 1942

Памяти Януша Корчака

Чем занят был Старый Доктор
в теплушке
по дороге в треблинку 5 августа
в те часы кровообращения
в грязной реке времени

я не знаю

что делал добровольный Харон
перевозчик без весел
роздал ли он тогда детям рваные

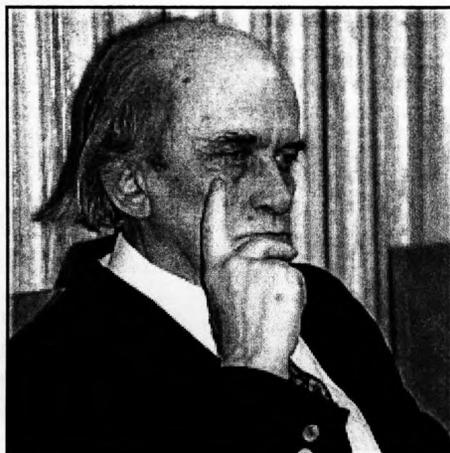

фото САФ-РАР

свои вздохи
а себе оставил всего лишь
дрожь гулявшую по спине

я не знаю

скармливал ли детям ложь
в микроскопических дозах
обезболивания ради
вытряхивал ли из потных головок
пугливых вшей страха
не знаю

но зато там зато после
в треблинке
весь их ужас весь плач без остатка
обратился против него
ах длилось это всего лишь
мгновение или точнее всю жизнь
мало ли это много ли
не скажу меня там не было не знаю

заметил Старый Доктор дети
вдруг постарели
стали как он сам
стали старше
слились с сединой пепла

Ежи Фицовский – поэт, эссеист, переводчик, издатель, родился в 1924 году в Варшаве. Во время Второй мировой войны был солдатом Армии Крайовой и участником Варшавского восстания. В своем творчестве с самого начала проявлял особый интерес к культуре и фольклору польских цыган (что, в частности, обратило на него внимание Юлиана Тувима). Им он посвятил много очерков („Цыгане на польских дорогах” и др.). Не менее глубоко представлена в его творчестве трагедия польских евреев (сборник стихотворений „Прочитанный пепел”). Восхищаясь так называемой культурой пограничья, Фицовский высоко ценил творчество одного из самых ярких ее представителей – великого визионера Бруно Шульца, польского писателя еврейского происхождения, погибшего в годы войны в Дрогобыче. Переводил стихи и песни еврейских поэтов. Его поэмой „Письмо Марку Шагалу” заинтересовался в свое время сам художник. Был автором послесловия к переводам русских стихотворений Болеслава Лесьмяна. Писал тексты песен, исполнявшихся такими известными рок-певцами, как Марья Родович („Разноцветные кибитки”). Писатель много раз подчеркивал, что сокровищница польской культуры приумножается благо-даря ее сосуществованию и духов-ному общению со всем, что состав-ляло и составляет ее красочное, творчески обога-щающее „пограничье”.

Рышард Матушевский

и когда его ударил
то ли капо то ли эсэсовец
они увидели что Доктор
стал маленьким как они
что таял и таял
пока не родился с обратным знаком

с тех пор они вместе со Старым Доктором
всюду они и нигде
знаю

МОЙ НЕСПАСЕННЫЙ

Памяти Бруно Шульца

Вот уж не первый год
за досками моих антресолей
между потолком и коридором внизу
за баррикадами из макулатуры
мерцает засиженная мухами
электрическая лампадка в 25 ватт

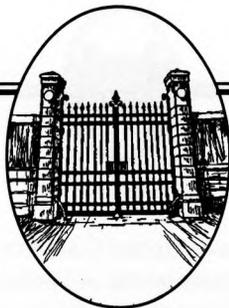
Он там и заводит часы
пауков не гонит он спит

Передумал наверно не доструганное
тень не дрогнет зарастая штукатуркой
и нету его порою
с наступлением комендантского часа
он пребывает в Хайдарабаде
размыкает годичные кольца
входит в дерево по древним-древним ходам

в некрашеную доску
мой сон стукнул к нему сегодня

Бруно Бруно уже можно
спускайтесь

а он ждет неожиданного
ему мой сон не слышен
он никто
он трезвей всякого
Знает нету антресолей
Нету лампадки
Меня нету

Мариуш Вильк

Перевела с польского
Наталья Горбаневская

ВОЛЧИЙ БЛОКНОТ

Отрывки из книги

На Соловках Россию видно, как море в капле воды. Ибо Соловецкие острова — это одновременно суть России и ее предвосхищение; это многовековой центр православия и могущественный форпост русской государственности на Севере. Здесь, в Соловецком монастыре, в его кельях и казематах, столетиями записывали историю России: на пергаменте летописей и на страницах истории, меняя облик края и ломая характеры инакомыслящих, приучая растения к полярным условиям, а людей — к труду на привязи. Здесь испытывали технические новинки и воплощали в жизнь новые социальные утопии, здесь построили первую в России гидроэлектростанцию и монументальные каменные стены потолще стен московского Кремля. Не случайно Василий Ключевский, прежде чем начать свой фундаментальный „Курс русской истории“, основанный на мотиве *колонизации* — главного мотора русской истории, сначала защитил диссертацию „Древнерусские жития святых как исторический источник“, где показал значение Соловецкого монастыря в колонизации северо-восточной Руси. Здесь, в Анзерском скиту, назрел раскол Русской Православной Церкви, то есть произошло событие, о котором Солженицын писал, что оно принесло России больше последствий, чем большевистская революция. До сих пор на Соловки совершают паломничество старообрядцы — как мусульмане в Мекку. Именно здесь, в монастырских застенках, помещалась старейшая на Руси политическая *тюрьма*, а потом, после революции, возник СЛОН, первый в Советском Союзе *лагерь* — полигон ГУЛАГа. Да и сегодня Соловки для многих остаются тюрьмой, так как экономические реформы последних лет привели к тому, что люди не могут заработать на билет, чтобы вырваться отсюда.

* * *

На Соловках обе России не раз встречались, здесь Империи с Русью-Матушкой вместе случалось сживать за одним столом или в одной и той же келье. Здесь цари гостили, князья и московские бояре, декабристы, скопцы и купцы, сюда писатели приезжали, художники и узурпаторы, путешественники, ученые и франты, сюда, наконец, несло всяческую чернь, человеческие выжимки и накипь из самых дальних уголков „шестой части света“. О Соловках писали Ломоносов, Максимов, Немирович-Данченко, Пришвин, Горький, Казаков и Кублановский, их писали художники Верещагин, Борисов, Нестеров, Баженов, Крестовская, Петров-Спиридонов и Черный. Великие мира сего приносили дары Соловецкому монастырю: Петр Великий заложил церковь на За-

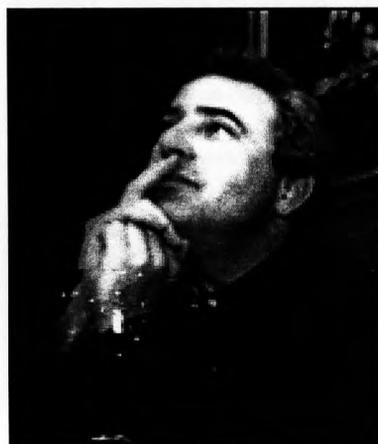

Фото - Адам Варшава (Dziennik Bałtycki)

Лешек Шаруга

ДИСТАНЦИЯ

Мариуш Вильк — журналист, который вполне овладел тайнами профессии в ходе работы — вместе со своими двумя соавторами — над книгой репортажей „Незаконные“ (рус. пер.: Лондон, „Оверсиз“, 1987. — Ред.). Эта книга, бестселлер середины 80-х, описывая образ жизни подпольных лидеров „Солидарности“, была попыткой реконструкции программы общественного движения, центром которого были

*Фамилия Вильк (Wilk) по-русски означает „волк“

подпольщики, его организационных и нравственных принципов, его будней и целей. Именно это смещение уровней наблюдения, множественность точек зрения позволили достичь поставленную цель книги: сделать читателю близкими и привлекательными горстку укрывающихся от режима людей, борющихся за новую Польшу, — а чтение ее вызвало на страницах подпольной печати бурную дискуссию о будущем страны и смысле подпольной работы.

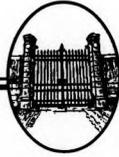
Дискуссию и даже резкий обмен мнениями вызвала и новая книга Мариуша Вилька „Волчий блокнот“, состоящая из двух частей: первая, „Соловецкие записки“, написана в 1996-1998 гг., вторая, „Канин Нос“, — в 1995-м. Уже этот прием — обратный порядок повествования, а следовательно, и обратный порядок пережитого — представляется заслуживающим внимания, ибо в финале книги мы получаем описание того опыта, который заставил автора продолжить свои поиски.

Репортажи об этих дальнейших поисках Мариуш Вильк печатал на страницах парижской „Культуры“, корреспондентом которой в России стал с 1995 года. Тем самым он хорошо вписался в программу журнала, который с самого начала своей деятельности, отвергая советскую систему господства, был и остается настроенным на возможно более живую связь с Россией, с традициями ее

ячем острове, Солженицын дал доллары на корабль для перевозки паломников, а Гребенщиков, лидер рок-группы „Аквариум“, подарил православную икону, сам же обратился в буддизм. В прошлом году на Соловках промелькнули: Его императорское высочество вел. кн. Георгий Михайлович, наследник главы Российской императорского дома, со своей матерью вел. кн. Марией Владимировной и бабушкой, Ее имп. высочеством вдовствующей вел. кн. Леонидой Георгиевной, министр иностранных дел России, четыре посла, два консула, командование Северного флота, несколько бонз военного бизнеса, один митрополит, один архиепископ и дюжина православных священников, несколько телевизионных групп, в том числе французская, несколько киносьемочных групп, в том числе польская, несколько заправил русской мафии, блюзовая группа из Одессы, секта кришнаитов из-под Вологды, несколько потомков советских эзков из „Мемориала“, коммуна хиппи из Омска, участники международного джазового фестиваля из Архангельска, сатанисты из Куйбышева, община Богородицы из Киева, банкир из Тель-Авива, фотограф из варшавской «Политики», ксендз — профессор Люблинского католического университета и тысячи паломников, полоумников, неофитов и туристов.

* * *

Окна нашего дома выходят на залив Благополучия, море продолжает стол, за которым я пишу. Зимой лист бумаги сливается с белизной льда за окном, а следы чернил так внезапно переходят в лыжную тропу, что я часто не знаю, сижу ли еще за столом или меня уже носит по морю. Зимой ветры ваяют снег, каждый день по-иному, завоевая тропу. А летом вода плещется на краю зеленой столешницы, и можно часами наблюдать то отлив, то прилив, переменчивый рисунок волн на песке, соли на камнях. Летом можно и утонуть (взглядом) в морской бездне, не вставая со стула. И, может быть, именно здесь, на границе моря и стола — стихии и вещи, — легче понять мой замысел: попытку уловить действительность, придать ей форму, запечатлеть словами. Ибо российская действительность, особенно на Севере, аморфна: пространства тут безграничны, болота бездонны, селения бесформенны; что-то вроде „горохового киселя“ (по выражению Достоевского), из которого вылазят разные предметы: тут православный крест, рядом колючая проволока, там саамский курган и осколок человеческого черепа с пулевым отверстием, а в другом месте — часть ракеты или подводной лодки. Короче говоря, ландшафт на Севере напоминает доску, на которой всё новые поколения „богомазов“ трудолюбиво увековечивали своего бога, жирными мазками перекрывая образ своих предшественников, а потом какой-то кислотный дождь, ядовитый и разъедающий, все смыл, хотя и не до конца, оставляя обрывки рисунка, пятна краски. Можно ли это отреставрировать?

* * *

Кажется, Бердяев заметил, что пейзаж, в котором живет нация, — символ ее души, а плоская безмерность северных равнин создает человеку трудности с самоопределением. Топкая грязь (пятая стихия Руси!), которую русский мужик ежедневно месит ногами, и расстояния, которые приходится преодолевать, поглощают всю его энергию, и на культуру (форму) уже не хватает сил. С другой стороны, вязкость севера извечно пробуждала страх в пришельцах и вызывала у них потребность освоения, обживания пространства. Тем более что о языческих племенах: самоедах, карелах, лопарях, — сидевших на северных рубежах империи, у русских бытовало мнение, что якобы они управляют нечистой силой, способной деформировать пространство. Лопарских шаманов обвиняли в чарах „оборачивания глаза”, т.е. в искусстве выворачивать мир наизнанку. Поэтому в паре с колонизацией шла сакрализация географии — православное упорядочивание территории. Разрушали языческие *святимища*, выкорчевывали священные рощи, жгли идолов и тотемы, а на их месте возводили скиты, часовни и храмы; озерам и горам давали библейские названия (Фавор, Голгофа, Иордань); страны света поделили на святые (восток) и нечистые (запад), а кресты ставили так, чтобы нижняя, косяя перекладина всегда указывала на север. Постепенно из географического хаоса Севера выплыл сакральный космос Святой Руси, и русский человек почувствовал себя дома. Потом наступила революция, следы православия тщательно изглаживали, как некогда следы язычества. Меняли названия, карты, предназначения. В храмы сажали людей, в скитах держали коней, Святое озеро назвали Рабочим. Еще позже было объявлено, что революция была исторической ошибкой, и некоторые снова взялись уничтожать следы, другие двинулись вспять, оживлять былые времена, третьи задумали все наново и пробуют в России Америку построить. Мир вернулся к хаосу, на этот раз семиотическому. Пейзаж размазался, вокруг маразм, энтропия. Продолжая мысль Бердяева и образ Достоевского, можно сказать, что сегодняшний ландшафт русского Севера — символ «горохового киселя» в головах.

* * *

С развитием масс-медиа в России появился новый тип пишущих о ней иностранцев — заграничные корреспонденты. К сожалению, их сочинениям в большинстве случаев можно поставить в укор то, в чем Ключевский упрекал их предшественников. В начале 90-х я работал в Москве для одной польской газеты и мог вблизи приглядеться к работе коллег-корреспондентов. Особенно один мне запомнился, не буду уж называть фамилию, — он писал для трех газет одновременно, а из всех событий текущего дня самым важным для него были сегодняшние „Известия”, откуда он брал „новости”, обрабатывал и вечером передавал — как свое собственное. Другие, не так легко отделявавшиеся, бегали на всевозможные пресс-конференции, сходки и банкеты, где старатель-

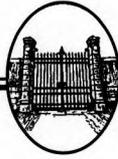

культуры и свободолюбивыми чаяниями. Эта связь, ранее возможная лишь с помощью чтения да общения с немногочисленными диссидентами, появившимися на Западе в прошлые десятилетия, сейчас может быть расширена за счет прямого свидетельства, даже своего рода участия в российской жизни.

Рис. Войтех Колпашко

„Волчий блокнот” и есть такое свидетельство, открывающееся следующим признанием: «Читатель спросит, почему я Соловки выбрал? Что заставило меня осесть на островах, как на наблюдательной вышке, и глядеть отсюда на Россию, на мир? Что же, я попробую ответить, хотя в нескольких абзацах трудно изложить все — самое большее, можно набросать, как когда-то писали, абрис. Ибо Соловки напоминают драгоценный камень:

как бы долго ты на него ни смотрел, он все меняется... грань «играет». Разумеется, сразу возникают вопросы, которые со всей резкостью принялись задавать рецензенты книги Вилька: действительно ли эта точка зрения больше всего подходит для описания России? Не затуманивают ли специфика Соловецких островов, их экзотика, их многослойная история остроту видения современной повседневности? Не чересчур ли „литературен“ избранный пункт наблюдения?

Вильк сознаёт грозящие ему опасности. Он приехал на Соловки, привлеченный их легендой, а она — хотя бы частично — как раз легенда литературная. Он приехал сюда, вооруженный прежде всего „книжным знанием“. Но он привез с собой и знание о том, что если где-то вообще ему предстоит прикоснуться к истине о России (а это понятие, „истина о России“, тоже имеет за собой литературную легенду), то должен искать ее скорее в провинции, чем в центре. Трудно судить, правильно ли он выбрал, но нет сомнения, что книга, которую мы получили, написана со страстью, пробуждает интерес к России и, наконец, свидетельствует об открытом подходе и желании понять, в том числе и найти взаимопонимание. Именно это придает ей главную ценность. Конечно, мы найдем здесь и литературную „дистанцию“, но она направлена не на какую-то объективизацию опыта, — это дистанция по отношению к своим собственным наблюдениям и особенно к попыткам их толкования. Дистанция познавательной скромности.

но глотали подаваемую там чепуху. Надо признать, что в России чепуху подают мастерски, в чем мог убедиться не один иностранец, хоть бы и маркиз де Кюстин. Некоторые еще смотрели российское телевидение и черпали вдохновение оттуда. Следует также прибавить спецлавочку на Беговой, где каждый корреспондент мог купить продукты, которых в Москве тогда не было, и многие другие привилегии, словно матовым стеклом отделявшие нас от действительности, и тогда поймешь, что образ России в заграничных масс-медиа и Россия как таковая — две разные вещи. Кроме человеческого фактора: лени, невежества (вышеупомянутый коллега Гоголя не читал, а „Повесть временных лет“ считал сочинением Пушкина!), — существенны и общие недостатки прессы: спешка (надо успеть к выходу номера), не позволяющая сосредоточиться и увидеть более глубинные явления, которые часто важнее для правильного диагноза, чем эффектная, хотя и поверхностная „новость“; стадный инстинкт журналистики, в силу которого корреспонденты валом валят на место события, будь то война, или путч, или пресс-конференция, и пишут, комментируют все одно и то же; погоня за сенсацией, скандалом и кровью, при пренебрежении к будням, непривлекательным с точки зрения массового читателя; концентрация внимания на большой политике при замалчивании окраин и провинции. Все это приводит к тому, что огромная часть журналистских сообщений о сегодняшней России не выходит за рамки банальностей, стереотипов или легенд.

* * *

Вот хоть бы вьюшка — заслонка в русской печи. У Розанова в „Опавших листьях“ можно найти такой фрагмент: „Теперь в новых печах повернул ручку в одну сторону — труба открыта, повернул в другую сторону — труба закрыта. Это не благочестиво. Потому что нет разума и заботы. Прежде, возьмешь маленькую вьюшку — и надо ее не склонить ни вправо, ни влево — и она ляжет разом и приятно. Потом большую вьюшку, — и она покроет ее, как шапка“. Какой же иностранец поймет „благочестие“ Василия Васильевича в этом фрагменте? Ведь в европейских домах — ни русских печей, ни вьюшек. Читая первый раз „Опавшие листья“, я жил в московской башне вблизи Измайловского парка и не обратил внимания на тонкость рассуждений автора о вьюшках и благочестии. Опыта не было, воображение дремало. Второй раз я читал это на Соловках, в доме бывшей биостанции на Сельдяном мысе, просиживая долгие зимние вечера у открытой дверцы нашей печки. Трещал огонь, пламя бросало тени на стены, в окнах стлались отблески, как в волшебном фонаре, а на ночь я закрывал трубу, кладя сначала маленькую вьюшку, старательно, чтобы не перекосить ее ни влево, ни вправо, а потом большой прикрывал маленькую как шапкой. И я сразу, вплотную ощутил точность мысли Розанова. Можно сказать, сам ее испробовал.

Письмо с севера Збигневу Жакевичу, другу из Гданьска

1. Прости, друг из Гданьска, меня за то, что я столь долго не отвечал. Выезжая летом с Островов, я не предполагал, что вернусь сюда только в декабре. Поэтому, мне надо было сначала подготовиться к зиме: дом утеплить, водопровод укрыть, двадцать кубов дров наколоть, несколько мешков картошки закопать, бочку капусты намочить, и селедку насолить и грибы... А еще старую корреспонденцию в порядок привести. И прийти в себя после долгого отсутствия. Это все, что касается оправдания.

2. Для начала одно, но важное, уточнение. На Островах я живу уже седьмую зиму, а не три года, как ты пишешь. На Севере годы считают по зимам: одну зиму за два года здесь принимают. Короче, я живу на Островах достаточно долго, чтобы и людей узнать, и жизни похлебать, и по краю света побродить.

3. Начнем с людей. На Островах живут не только русские. Немало здесь украинцев и белорусов, есть армяне и молдоване, несколько цыган и один эстонец, и литовцы и евреи... Как видишь, соловецкая община многонациональна (как Российская Федерация), здесь скрещиваются разные традиции, разные языки и разные вероисповедания. Поэтому ограничивать мои контакты к польско-русским связям не имеет особого смысла (и, поэтому, я не стану заниматься биографическим мотивом). Тем более, что эти связи являются родником разных стереотипов на тему России, от которых не свободно и твое письмо, мой друг из Гданьска.

4. Хотя бы там, где ты приводишь Чаадаева и за Бжозовским повторяешь, что россиянин „безисторичен, как трава”. Я, правда, хотя и люблю Чаадаева, то и Нестора читаю. И имею смелость утверждать, что ни одна другая литература в мире не обладает столь богатой традицией летописи. А плеяда российских историков, с Карамзина по Геллера? А русский крен в философии истории: Бердяев, Франк или Федотов? Не говоря уже о тысячах простых людей, которые спасали память о прошлом во времена и при условиях, когда трудно было спасти жизнь. Возьми, например, зеков, которые организуют музей в соловецком лагере.

5. Или там, где повсеместное ужесточение жизни, взаимное хамство, триумф сильных над слабыми, и кроткость обиженных ты связываешь ... с „характерной чертой российского характера”. Это ш т а м п! Ибо и хамство, и грязь, и уродливость в Польше были и будут. Многие авторы об этом писали, так как и Достоевский о русских в „Селе Степанчиково”. Ты утверждаешь, что россиянин очень доверчив, но не до конца, что лезет в душу, но по-настоящему не дружит. И добавляешь, что все это ты сам пережил. Ну что ж, примеры пережитого мной с россиянами я описал в „Волчьей блокноте”. Вот, Вася из *Канин Носа*, - там условия мореплавания (несколько недель на хрупкой шаланде за Полярным Кругом) были - поверь мне - хорошей проверкой дружбы.

6. Для того, чтобы избежать штампа, когда пишешь про Россию, с Россией надо ужиться - деля парафраз Тютчева. Не неделю, либо две здесь побывать, даже не месяц, другой - будь это стипендия, или экспедиция, или командировка - но кусок своей жизни надо здесь оставить... навсегда. Российские друзья де Кустина советовали ему, как минимум, года два пожить в России, чтобы выработать для себя мнение про нее. Маркиз не послушал, спустя три месяца четыре тома сотворил, полные ярких, но банальных, утверждений. Сегодня эти банальные утверждения стали классикой - как и множество других книг о России, начиная с Кампенсиса и Пайпсом заканчивая.

7. Россию лучше всего переживать с Севера - вдали от Москвы и от Петербурга, вдали от *Суеты и молвы*. Во-первых, потому, что Русь здесь сохранилась лучшим образом, ибо ни татарское иго сюда не дошло, ни крепостное право, а некоторые шутят, что и коммунизм никогда сюда не дошел. Во-вторых, здесь у тебя есть время и уединение, необходимое для того, чтобы нырнуть вглубь - под мерцающую поверхность сиюминутных событий. И, в-третьих, здесь действительность сам для себя измеряешь, каждый куб дров, каждый невод рыб, и каждую зиму по пальцам считаешь наедине с самим собой.

8. Жизнь на Севере - суровая и трудная, и здесь как на ладони видно, кто чего стоит, все равно - будь он русским, поляком или евреем. Здесь природа одинаково относится к людям: то морозом травит, то с ума сводит, то опять-таки восхищает северным сиянием. В „Соловецких записках” ты можешь прочитать о моем „... увлечении этими людьми с ободранной кожей, живущими между бытием и небытием, пьющими насмерть”. Если бы „кожу” заменить русским словом *мишура*, то ты был бы прав - это увлечение жизнью. Между бытием и небытием. На грани.

9. И так, я дошел до края. Далее уже только лед, снег и вечная мерзлота. Ни следов человека, никаких раскопок, никаких руин... И до космоса отсюда ближе, ибо не природа, а небо здесь диктует ритм: цикл солнца, полярная ночь, северное сияние. И последний рубеж... ведь острова, по поверьям саамов, лежат на полпути в тот мир - как келья монаха, как зона.

10. И еще одно. Ты пишешь, что для россиян я всегда буду *иностранцем*. Но я и в Польше на стороне - или я не Волк. Ибо: „не уйти от самого себя, и следует только понять кто ты”. Вот именно.

11. Гомбрович когда-то написал: „Я один. Поэтому я более есть” - подчеркнуто мною.

12. Привет тебе, мой друг из Гданьска.

Мариуш Вильк, январь 1999 года.

PRZEGLĄD
POLITYCZNY

Стефан Хвин

„НЕ ПРИКИПЕЛА”

Стефан Хвин (1949), прозаик, эссеист, литературовед.

Автор романов „Краткая история одной шутки”, „Ханнеман” и др. Лауреат Главной немецкой премии им. Андреаса Грифиуса, присуждаемой авторам, внесшим особый вклад в дело взаимопонимания между немцами и восточными соседями. Настоящий очерк написан в ответ на вопрос об отношении польского писателя к славянским языкам, с каким к автору обратился немецкий институт Literatur Werkstatt Berlin, организатор международного проекта „Europa Erzahlt.” (Европа рассказывает).

С давних времен поляки, в силу исторических обстоятельств, неприязненно относились к русскому языку, мой отец, кстати, говорил с „восточным, русским” акцентом, — так во всяком случае казалось моим товарищам. Возможно, по причине этой неприязни и произошло в послевоенной Польше истинное педагогическое чудо: битых одиннадцать лет учили нас русскому языку, и почти никто не мог составить по-русски мало-мальски грамотное предложение. „Не прикипела” польская душа к русскому языку, и все. А „не прикипела”, наверно, еще и потому, что внесли в это дело свою бесславную лепту советские коммунисты: от их нескончаемых речей, которые усердно перепечатывали польские газеты, веяло такой удручающей мертвечиной, пустословием и скукой, что ужаснулись бы, наверняка, не только Пушкин и Лермонтов, но даже сам Борис Полевой. Русский язык был суконным языком пропаганды и в этом смысле мало чем отличался от языка польской пропаганды, так что на этом фронте общность славянских языков была не только полной, но и простирала свои братские объятия на отнюдь не славянский язык ГДР.

Во времена моей юности в Польше демонстрировалось великое множество советских фильмов, на которые почти никто не ходил. Среди этих «почти» были и мы, то есть я да двое моих товарищей по прославленному художественному училищу в Гдыне-Орлове, куда я поступил в шестидесятые годы. Никто не ходил на русские фильмы, а мы ходили на Тарковского. И какие это были культпоходы! По правилам тех времен, сеанс не отменялся, если в зале присутствовало по крайней мере восемь зрителей. Мы, не мелочась,

закупали в кассе восемь билетов, так что зрительный зал на двести тридцать мест оказывался в нашем распоряжении. Втроем мы располагались в четвертом ряду, напротив экрана, киномеханик запускал фильм, а из его рубки в конце зала все явственнее начинали доноситься звуки крепнущего застолья, ритм которого отмеривали хлопки пробок, вылетающих из коричневых стеклянных бутылок, шипело светлое пиво, а мы, жадно всматриваясь в экран и откинув головы назад, точно в креслах взмывающего ввысь Ту-104, упоенные запахом пылеуловителя и запыленного плюшевого занавеса пурпурного цвета, наслаждались красотой киноповествования Тарковского об Андрее Рублеве, величайшем русском иконописце.

Через какое-то время в зал, где мы сидели в трех метрах от огромного экрана, заглядывала билетерша и вежливо спрашивала, не наскучил ли нам фильм, потому как киномеханик хочет идти „к такой-то матери”, то есть домой, на что мы дружно отвечали, что нет, как же такой фильм может наскучить, напротив, мы смотрим его с растущим интересом. Билетерша доводила наше мнение до сведения киномеханика, после чего рубка оглашалась многоэтажным матом с четко различимыми русскими вкраплениями (впрочем, и сегодня поляки моего поколения любят „отвести душу” по-русски, а в минуты веселья затягивают „Волга, Волга, мать родная» или „Вставай, страна огромная, вставай на смертный бой!”). Итак, картина шла дальше вплоть до благополучного для нас завершения.

Тогда-то, на этих сеансах, я и услышал впервые настоящее звучание русской речи. И обязан я этим Андрею Тарковскому! Вторым человеком, пробившим еще одну брешь (хотя и гораздо позже), был Иосиф Бродский. Как замороженный слушал я его чтение в Кракове, — великий поэт приехал туда в ореоле нобелевского триумфа. До сих пор я твердо стою на том, что ни на одном другом языке поэзия не звучит прекраснее, чем на русском. И что русский наделен особой поэтической выразительностью. Впоследствии я узнал, что такое мнение высказывал Чеслав Милош, полагаю, не без некоторой зависти.

Эти откровения подтолкнули меня к чтению русских писателей, благодаря чему мне открылись два крыла славянского мира: северо-восточное и юго-западное.

Родина чудес

Интервью Веслава Кота с Павлом Спевак

Павел Спевак (1949), социолог, эссеист, научный работник Варшавского университета. Автор нескольких книг, посвященных социальным переменам в Польше. Связан с либерально-консервативными кругами, сотрудник журналов „Res Publica Nowa” и „Przegląd Polityczny”.

Веслав Кот: Польша, которую в 1999 году посетил Папа Римский, переживает процесс бурных социальных преобразований. Однако глубокие различия и конфликты, связанные с построением демократии и свободного рынка, явились следствием того перелома, который совершила „Солидарность” в известном смысле откликаясь на призыв Папы Римского обновить облик „этой земли”, прозвучавший в 1979 г.

Павел Спевак: - И поэтому тот призыв Папа дополнил ныне заповедью: „Нет солидарности без любви”. Тем самым он хочет подчеркнуть, что самая важная проблема после десяти лет жизни в свободной Польше – восстановление общественной солидарности. Это прежде всего солидарность с бедными, а не солидарность бедных против власти. „Любить” значит повернуться лицом к слабым. Социальная структура современной Польши в значительной мере несправедлива и Папа указывает, что ее недостатки не обусловлены рыночными механизмами.

- *Можно, пожалуй, сказать, что ныне Папа стал наиболее авторитетным выразителем левых взглядов в их наиболее благородной ипостаси.*

- В своих высказываниях на социальные темы Папа целенаправленно и сознательно пользуется таким понятием, как отчуждение, почерпнутым из марксистского арсенала. Однако он напоминает, что сегодняшнее отчуждение не сводится к эксплуатации одной социальной группы другой, а к созданию таких рыночных механизмов, благодаря которым одни постоянно выигрывают, а другие неминуемо проигрывают. Поэтому Папа призывает нас делиться, но не посредством филантропии, а путем выравнивания шансов всех участников рыночной игры.

- *Казалось бы, подобные призывы падают в Польше на исключительно благоприятную почву. Большинство политиков, находящихся у власти после 1989 года, заявляет о своей приверженности социальной доктрине католической церкви.*

- Есть нечто шизофреническое в ссылках политиков на социальную доктрину церкви, особенно когда они хотят подтвердить легитимность своих властных полномочий; к сожалению, это не влечет за собой никаких практических шагов, к примеру, в законодательной сфере. А между тем они правят обществом, элементарные реакции которого по-прежнему тесно связаны с социалистическими идеями.

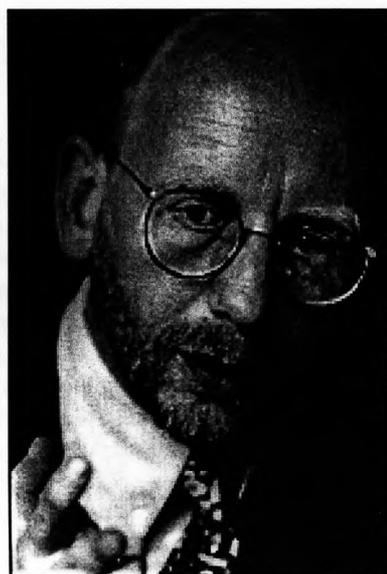

Фото - Ежендельник Wprost

Самая сильная социальная группа – это те, кто голосует за левых, они считают, что демократическое государство существует для того, чтобы заниматься перераспределением благ, созданных совместными усилиями. Одновременно польские политики с католической родословной часто прибегают к риторике энциклик Папы Римского, но этим и ограничиваются, за одним, пожалуй, исключением – проблемой многодетных семей. Драматизм положения в том, что бедность в Польше непосредственно связана с многодетностью семей, она не зависит ни от образования, ни от места проживания. Папа напоминает нам, что верующие должны рассматривать свою собственность как нечто данное им на время и, пользуясь ею, они не должны забывать о бедных.

- Как и все общество, сегодняшняя католическая церковь в Польше разделена и ищет свое место между группами фундаменталистской ориентации и теми, кто стремится сблизиться с либеральным обществом.

- Во время первого приезда Папы в Польшу католическая церковь была бастионом католицизма в мировой масштабе. Сейчас эта эпоха подходит к концу и появляется неотложная необходимость выработать новую формулу католической церкви в Польше. Иоанн Павел II пытается создать в нашей стране модель углубленного, рефлектирующего католицизма, который отвечал бы запросам обмирщенного общества, подвергающегося к тому же стремительной модернизации. Социологические исследования, касающиеся роли женщины в общественной жизни или вопросов секса, показывают, что декларируемая вера никак не связана со взглядами на основные сферы частной и общественной жизни. Например, сегодня никого не волнует сожителство до заключения брака, более того, оно считается нормой. Это касается людей, которые действительно заявляют о своей принадлежности к католической церкви и активном участии в религиозных обрядах. Польский католицизм теряет свою принципиальность, размывается. Эта принципиальность не должна быть связана с осуждением кого-либо, к чему мы весьма склонны. Принципиальность означает требовательность к самому себе, что продиктовано верой.

- В такой ситуации многие католики ищут духовных единомышленников в кругах, связанных с „Радио Мария”¹, которые зачастую представляют мир в черно-белых тонах.

- „Радио Мария” и близким ему группам я не придаю такого большого значения, какое им обычно приписывается. Радиостанция находит отклик прежде всего у слушателей преклонного возраста, чаще это пожилые женщины, проживающие в малых городах. Не будь „Радио Мария”, эти люди все равно думали бы точно также. „Радио Мария” людей не обедняет и не обогащает, в крайнем случае оно их объединяет, мобилизует, удовлетворяет их потребность в общении. Тем не менее, оно может оказаться для церкви опасным, поскольку это движение возникло по инициативе „снизу” и зачастую не подконтрольно епископам, а, следовательно, постоянно находится на грани схизмы. Парадоксально, но, чем сильнее в Польше церковная иерархия, тем меньше шансов у организаций, которые сочетают религиозный радикализм с радикализмом политическим.

- Иоанн Павел II прежде всего подчеркивает необходимость связи верующих с церковной иерархией. Означает ли это, что он пытается вернуть духовное равновесие католической церкви в своем отечестве, церкви, в которой ведутся горячие дискуссии и подчас возникают конфликты?

- В своих проповедях и энцикликах Папа подчеркивает важную роль категории послушания. Свободу человека он также рассматривает в категориях ответственности и послушания Церкви. К тому же Папа является главой организации, родословная которой насчитывает два тысячелетия. Подчеркивая значение этой организации в Польше, Папа дал понять, что в ней он хотел бы видеть гаранта польской религиозной жизни. Свои слова он адресует немногочисленным самозванным группам, которые охотно, хотя и без

¹ „Радио Мария” – католическая радиостанция

всяких на то оснований, ссылаются на авторитет Папы Римского. При этом не похоже, чтобы Иоанн Павел II поощрял попытки восстановить интегральность католицизма. Иначе было во время его визита в начале 90-х годов. Папа Римский не встретился с политиками, которые называют себя католическими. А это значит, что церковь, стремящаяся войти во властные структуры, желающая править и господствовать, ему совершенно чужда.

- Папа решительно избегает в своих высказываниях порицаний и даже замечаний. Его педагогика сводится к тому, чтобы давать советы и поощрять.

- Более всего восхищает нас в риторике Папы то, что он избегает слов осуждения. Иоанн Павел II взывает и призывает. Его выступления ободряют, вдохновляют и возвышают людей. Папа говорит на языке, который помогает верующим найти себя и осознать, что они способны на большее.

- Не приводит ли это к тому, что в повседневной жизни мы говорим на языке грубых политических разборок и базарных склок, но торжественным случаям, каким был визит Папы Римского тотчас обращаемся к высокопарной риторике, чтобы после отъезда высокого гостя снова заговорить на языке конфронтации?

- Мы живем в двух измерениях: человеческом, которое характеризуется жесткой борьбой за лучшую жизнь, власть и славу, и религиозном, которое напоминает нам о том, что кроме бренного мира есть мир иной. Ничего не поделаешь, два этих плана нашего бытия невозможно примирить. Приезд Папы заставил нас углубиться в себя и ответить на вопрос: что, сверх земных дел, предстоит нам свершить. Выражаясь языком Платона, скажу: нет на земле такого греховного города, в котором не мечтали бы об идеальном граде. И потому Папа напоминает нам о том, что существует такой идеальный град – Царство Божие, куда верующие будут призваны; он помогает нам осознать, что самый страшный момент в нашей жизни – не тот, когда мы грешим, а когда забываем, что существует некая вневременная система оценки наших деяний.

- В чем, по мнению социолога, заключается загадка столь сильного и непосредственного влияния Папы на массы?

- Можно сказать, что Папа выступает в классической роли идола, популяризируемого средствами массовой информации. Его появление в общественных местах настраивает людей на интенсивное воодушевляющее общение с ним. Но это не исчерпывает сути дела. Феномен общения Иоанна Павла II с верующими носит куда более захватывающий и загадочный характер. В общении Иоанна Павла II с верующими исчезает все, что можно было бы назвать фальшью, условностью и игрой, с чем мы обычно сталкиваемся на публичных встречах. По-моему, верующие твердо убеждены в том, что от Папы они услышат только правду. Более того, то, что он говорит им, проистекает из личного, непосредственного опыта познания истины. Этот приезд является как бы завершением первого паломничества и благодарением за свершившиеся чудеса. Еще раз оказалось, что история Польши есть история чудес, начиная с „чуда над Вислой”², чуда избрания римским первосвященником поляка и чуда 1989 года.

² Так в Польше называют победу польской армии над Красной Армией в 1920 году

Антони Кучинский

БРОНИСЛАВ ПИЛСУДСКИЙ - - ИССЛЕДОВАТЕЛЬ САХАЛИНА

Фото - архив редакции

Этим очерком мы открываем нашу постоянную рубрику о польских ученых, путешественниках и исследователях, внесших важный вклад в развитие российской науки.

объективно освещались в российской печати. Географические названия на карте Сибири, такие как хребет Черского, хребет Чекановского, гора Дыбовского или гора Пилсудского, являются красноречивым подтверждением вышесказанного.

Гора Пилсудского находится на далеком Сахалине и названа в честь Бронислава Пилсудского (1866 - 1918) - родного брата Маршала Польши Юзефа Пилсудского. В Южно-Сахалинске в 1991 году Брониславу Пилсудскому был открыт памятник - в знак благодарности российской науки за его исследования культуры коренных народностей Сахалина и Амурского Приморья. Памятник открылся за два месяца до распада Советского Союза, когда на территории огромной страны шел процесс свержения с пьедесталов идолов большевистского пантеона. Каждому ясно, коль скоро памятник воздвигнут, значит трудно переоценить заслуги ученого перед российской и мировой этнографией. Так оно и есть. Начиная с 1997 года, в Южно-Сахалинске работает Институт научного наследия Бронислава Пилсудского, издающий серьезный периодический журнал „Известия института наследия Бронислава Пилсудского”. Исследовательские планы Института базируются, с одной стороны, на трудах, комплектующих научные достижения Пилсудского, а с другой - непосредственно обращаются к его этнологическим исследованиям. Это как бы продолжение исследований в измененных условиях, когда

Судьбы поляков, попавших в свое время за Урал, - это прежде всего каторга, арестантские роты, “кибиток длинные шеренги” (как писал Мицкевич в третьей части драматической поэмы “Дзяды”), ссылки и депортации. Одним словом, планида мрачная и грустная. Так, в сущности, оно и было, и этот стереотип довольно часто заслоняет нам достижения поляков, сосланных на эти земли. А достижения касались многих областей, но прежде всего географии и этнографии, особенно на территории Якутии, Камчатки и Восточной Сибири. О них все чаще пишут в современных российских научных трудах, хотя и ранее подобные факты неоднократно

отчетливо обозначился процесс культурного вырождения местных аборигенов. Этот процесс обусловлен политическим переустройством советских времен, когда аборигены Сибири и Дальнего Востока оказались как бы замкнуты рамками этнографического скансена. С именем Бронислава Пилсудского связаны открытия культурного наследия коренного населения Сахалина, его экономического и цивилизационного развития. Судьба распорядилась так, что прибыл он на Сахалин в 1887 году в качестве ссыльного.

Бронислав Пилсудский родился в 1866 году в Зулове близ Вильны. Был на год старше своего брата Юзефа. Детство и юность провел в своем родовом имении и в Вильне, а затем отправился в Петербург, где поступил на юридический факультет Петербургского университета. Вскоре был арестован за участие в подготовке покушения на жизнь царя Александра III. Покушение организовывала „Террористическая фракция“ партии „Народная воля“, в которой состояла молодежь с радикальными взглядами, провозгласившая своей целью свержение самодержавия. Радикалы-народовольцы считали, что политические преобразования в России возможны лишь с применением террора. Покушение, одним из организаторов которого был старший брат Ленина Александр Ульянов, закончилось крахом. Пятеро заговорщиков были казнены. Пилсудского также ждала смертная казнь, однако ее заменили многолетней ссылкой на Сахалин.

Он оказался на острове каторжников в августе 1887 года. Работал на лесоповале, в столярной мастерской и на других тяжелых физических работах. Со временем стал „чиновником“ в тюремной канцелярии. Поскольку образованных людей в те времена там очень не хватало, местные администраторы не только следили за ним, но и давали различного рода поручения. Выполнением были весьма довольны. Пилсудский даже учил их детей; безусловно были замечены его выдающиеся интеллектуальные возможности. Сахалину были нужны такие люди. В те времена Россия предприняла ряд мер, направленных на обустройство острова. Возникла необходимость изучения его климатических условий. И вот

Пилсудский наблюдает за погодой, изучает ее влияние на акклиматизацию растений. Ему поручается строительство метеорологических станций. Он - один из организаторов музея в Александровске-на-Амуре, инициатор строительства школ для аборигенов, в которых сам вел занятия. Со временем его полностью поглощает исследовательская работа, изучение быта и культуры коренного населения острова. Этому во многом способствовали контакты со Львом Штернбергом, евреем из Житомира, также отбывавшим ссылку на Сахалине, а потом поселившимся в Петербурге. Оказалось, что петербургские научные учреждения очень заинтересованы в получении научных материалов и этнографических коллекций - свидетельств быта и культуры аборигенов острова Сахалин. Пилсудский оказался для них настоящей кладью знаний. Благодаря усилиям петербургских покровителей, ему в 1899 году было разрешено переселиться во Владивосток.*

Там он прожил несколько лет. Работал в местном музее, где выставил собственную этнографическую коллекцию. Был инициатором целого ряда научных мероприятий музея, занимался публицистикой, читал лекции, организовал обмен научными изданиями, заведовал библиотекой. Следы деятельности Пилсудского можно найти и в сегодняшнем Владивостоке, в музее или в Географическом обществе. Это материалы о его жизни и научной деятельности, которые, увы, еще далеко не полностью изучены наукой. Идет кропотливый процесс их обработки.

В 1902 году благодаря усилиям научных кругов Петербурга Пилсудскому предоставляется возможность продолжить этнографические исследования на Сахалине, с особым учетом народа айны. Он отправляется в научное путешествие на остров Хоккайдо, где совместно с Вацлавом Серошевским

* Как удалось установить, А.П.Чехов перед своим путешествием на Сахалин ознакомился со статьей Б.Пилсудского, напечатанной в „Сахалинском календаре“ за 1896 год. Общество изучения Амурского края попросило Чехова прислать экземпляр его книги „Остров Сахалин“. Просьбу подписал „библиотекарь Бронислав Пилсудский“. Чехов книгу прислал и получил за это благодарность от библиотекаря. (Ред.).

приступает к выполнению своей научной миссии. Исследовательской деятельности он был предан умом и сердцем. Собрал сотни этнографических экспонатов, записал фольклор айнов и нивхов, изучил их нравы и обычаи, верования, общественные отношения. Завоевал любовь и доверие аборигенов. Неоднократно был представителем и защитником их интересов перед российскими властями, заботился об этническом выживании коренных сахалинцев, вставал на защиту их самобытности. Был автором правительственного проекта, формулирующего принципы административного управления островом. Работа над проектом давала ему чувство глубокого удовлетворения, он признавал себя нужным людям. За это они платили ему любовью и благодарностью, что было так важно в его положении - "человека под специальным надзором". Именно в то время в личной жизни Пилсудского происходит важное событие: он женится, а его избранница - представительница народа айны. От этого брака родилось двое детей. Их потомки, осознающие свою связь с далекой Польшей, в настоящее время живут в Японии. В последней, третьей международной конференции, посвященной научным достижениям Бронислава Пилсудского, проходившей в Польше в 1999 году, участвовал Казуясу Кимура, один из потомков Пилсудского. Из Польши он поехал в Париж, на могилу своего деда Бронислава Пилсудского, о котором, к сожалению, его родители знали очень мало.

Добавим, что в 1905 году по неизвестной нам причине Пилсудский покинул Сахалин. Некоторое время он жил в Японии, затем через Соединенные Штаты прибыл в Европу, а осенью 1906 года в Кракове встретился с братом Юзефом, целиком и полностью поглощенным деятельностью по обретению Польшей независимости. Период пребывания в Кракове, находившемся тогда под владычеством Австро-Венгрии, оказался для него нелегким, ибо здесь он не мог найти постоянной работы. Однако он активно включился в этнографические исследования Подгалья. Стал инициатором многочисленных мероприятий, связанных с этнографией польских Татр. Много путешествовал по Европе. Предпринял

неудавшуюся попытку закончить высшее учебное заведение. С началом первой мировой войны, Пилсудский перебирается в Вену. Потом до 1917 года живет в Швейцарии, откуда едет в Париж, где работает в бюро Польского национального комитета. Тогда, будучи свидетелем распри в среде польской эмиграции, бесплодно спорившей о путях обретения Польшей независимости, он глубоко переживает происходящее. Отдавшись до конца делу и не имея возможности влиять на него, Пилсудский чувствует себя лишним и смертельно уставшим. В мае 1918 года он покончил жизнь самоубийством, бросившись в Сену.

Оценивая сегодня научные достижения Бронислава Пилсудского как исследователя культуры айнов, нивхов и ороков, нельзя не подчеркнуть, что они носят особый характер. По убеждению многих зарубежных ученых с мировым именем, представляющих различные дисциплины, труды Пилсудского равноценны достижениям таких польских исследователей культуры неевропейских народов, как Бронислав Малиновский (народы Океании) и Вацлав Серошевский (культура якутов).

Подчеркнем еще раз: Бронислав Пилсудский оставил после себя добротные обработанные материалы, документирующие быт и культуру аборигенов Сахалина. Об этом свидетельствуют многочисленные ссылки на его труды в этнографических работах ученых всего мира. Уж кто, как не он, понимал насколько длительным и кропотливым был процесс формирования культуры сахалинских аборигенов, на протяжении столетий создававших свои верования, места культа. Над мольбищами возносились их песнопения, совершались ритуальные обряды. Он описывал их обряды и ритуалы, связанные с культом медведя, записывал молитвы, сказки и легенды. Их фольклор был чрезвычайно богат сюжетами. Эта жизнь с ее многоплановой сюжетностью давала материал для размышлений, пробуждала желание ее запечатлеть, указывала цель и путь. Итак, год за годом этнографический опыт Пилсудского все более обогащался. От наблюдений и восхищения культурой аборигенов он перешел к ее научному документированию. Еще будучи в ссылке,

Пилсудский публикует первые результаты своих исследований. Первоначально разрозненные этнические зарисовки постепенно систематизируются, вводятся новые формы документации. Здесь, кстати, заметить, что Пилсудский был хорошим фотографом. Он сделал сотни снимков, представляющих сложный мир туземной культуры. Более того, он одним из первых воспользовался фонографом для записи местного фольклора. Сегодня эти материалы дают нам представление о всем многообразии культуры и быта туземных народов, помогают понять символику их верований, обычаи и нравы. Ибо только на первый взгляд может казаться, что мир туземной культуры лишен монолитности, подобен бесформенной массе.

И это, как никто более, осознал и доказал в своих трудах Бронислав Пилсудский, понимавший, что части этой культуры, вычлененные из контекста, из реального пространства и реального времени, лишают исследователя возможности научной интерпретации. Поэтому он не только описывал культуру сахалинских автохтонов, но и старался дать более полную картину ее взаимосвязей.

Ему не удалось полностью использовать весь собранный материал. На его основе он написал всего лишь одну книгу и множество статей, напечатанных на английском, французском, японском, немецком, русском и польском языках. Многие материалы разрознены, оказались в разных местах, часть пропала. В настоящее время идет кропотливый процесс их поиска и укомплектовки. С 1981 года действует Международный комитет по спасению и оценке научного наследия Бронислава Пилсудского. Работу Комитета

координируют прежде всего японские и польские ученые. В 1985 году в университете в г. Саппоро (о. Хоккайдо) состоялась международная конференция, посвященная оценке проведенной Б. Пилсудским документации айноского фольклора. В том же университете изучением наследия Б. Пилсудского занимается профессор Коичи Иноу. В 1991 году в Южно-Сахалинске прошла очередная конференция, посвященная оценке его вклада в исследование культуры сахалинских аборигенов. Следующая, т.е. третья, проходила с 30 августа по 4 сентября с.г. в Кракове и Закопане. В 1998 году вышли первые два тома его "Избранных трудов" (*The Collected Works of Bronislaw Pilsudski*) под редакцией Альфреда Маевича. Их выпустило известное издательство "Mouton de Gruyter - Berlin/New York". Опубликованные тома войдут в десяти томное издание, которое в настоящее время находится на стадии редакторской правки. В 1998 году по инициативе Центра восточных исследований при Вроцлавском университете вышел в свет сборник под названием "Сибирь в истории и культуре польского народа" под редакцией Антони Кучинского. Публикация приурочена к восьмидесятой годовщине смерти ученого. Все это говорит о повышенном интересе к научному наследию Бронислава Пилсудского и о том, что приходит время для современного и углубленного осмысления его вклада в мировую сокровищницу этнографии и антропологии культуры.

Антони Кучинский - (1938) доктор исторических наук, этнолог. Автор книг о польских исследователях истории и этнографии африканских и сибирских народов. Директор Центра исследования Востока Вроцлавского университета.

Фото - архив редакции

Янина Куманецкая

ЛЕТОПИСЬ КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ

• В июне Государственное научное издательство (PWN) выпустило новый „Словарь нормативного польского языка” („*Słownik poprawnej polszczyzny*”), в котором учтены многочисленные изменения, происшедшие за последние годы в области синтаксиса и словообразования. „Язык – это живой организм. Именно мы, языковеды, должны поспевать за ним, а не он приспосабливаться к установленным нами нормам”, – считает проф. Марковский. Однако о том, что не все с ним согласны, свидетельствует принятый Сеймом перед каникулами „Закон об охране польского языка”, в котором депутаты определили нормативы языковой правильности и даже установили высокие штрафы за их несоблюдение. Создается впечатление, что от небывалой жары сознание участников высочайшего собрания несколько притупилось, и они напрочь забыли о другой опасности, какой может стать введение НДС на книги. Подобное предложение не так давно провалилось, однако Министерство финансов его упорно форсирует. В защиту польской издательской продукции выступили с открытым письмом в печати живущие в Кракове польские лауреаты Нобелевской премии по литературе Вислава Шимборская и Чеслав Милош.

• Нельзя не упомянуть о такой замечательной книге, как „Словарь событий, понятий и легенд XX века” („*Słownik wydarzeń, pojęć i legend XX wieku*” *Władysław Kopaliński*) Владислава Копалинского. Он стал, как и другие словари этого автора, в том числе „Словарь иностранных слов” („*Słownik wyrazów obcych*”), одной из тех книг, без которых не может обойтись ни один культурный дом. „Выбор статей, вошедших в словарь, отражает характер, атмосферу, верования и суеверия, менталитет, колорит и своеобразие нашего столетия”, – пишет автор в предисловии. „Словарь” Копалинского – это не только компендиум знаний, его можно читать, как занимательный детектив.

• Книга „Оксана” Владзимежа Одоевского (*Włodzimirz Odojewski „Oksana”*) уже успела завоевать сердца критики. Ее выпустил в свет издательский дом „Твой Стиль” – сегодня это одно из немногих издательств, которые публикуют

современную польскую литературу. „Оксана” – это роман о любви, типичная классическая мелодрама. Герои этой любовной истории, поляк и украинка, за плечами у каждого из них багаж жуткого прошлого, воздвигающего барьеры между двумя народами. Они встречаются в Германии, переживают любовное влечение в Италии, что придает книге Одоевского несколько нереальный и призрачный характер. „Оксана” как бы вскользь упоминает о щекотливых проблемах, о которых до сих пор не совсем уместно говорить по обеим сторонам восточной границы Польши. Может быть, поэтому столь важная миссия возложена на общество „Пограничье” в Сейнах, которое призвано действовать во имя взаимопонимания, пропагандировать поликультурную среду и людей, оказывающих влияние на ее развитие. Лауреатом ежегодной награды „Человек Пограничья” стал Ежи Фицовский, замечательный поэт, переводчик, эссеист, знаток цыганской культуры.

• В первой десятке литературных бестселлеров „Пан Тадеуш” А.Мицкевича и две книги Г.Сенкевича, однако ведущее место неизменно занимает – хорошо известная и в России – Иоанна Хмелевская (*Joanna Chmielewska*), автор нескольких пародийных детективных романов и полицейских комедий, пожалуй, самая популярная, а к тому же и чрезвычайно плодovitая, польская писательница, пользующаяся огромным успехом у читателей. На первом месте в июньском списке – ее „Старшая правнучка” („*Najstarsza prawnuczka*”), на втором – „Тигр и роза” Малгожаты Мусерович (*Malgorzata Musierowicz „Tygrys i róża”*), превосходная книжка из очень популярной молодежной серии, повествующей о семье Борейко и о таких непреходящих ценностях, как гуманность, правдолюбие, терпимость и прежде всего семейная любовь. Следует также упомянуть о дебюте Антона Либеры – повести „Мадам” (*Antoni Libera „Madame”*); автор тонко анализирует любовь подростка к немолодой учительнице, показывая происходящие события на фоне конкретной исторической действительности. Одинаково интересны оба плана книги. В июне были изданы „Приключения Робинзона” Казимежа Брандыса (*Kazimierz Brandyś „Przygody Robinsona”*) – книга интересна хотя

бы благодаря личности самого автора, который пронизательно передает мироощущение своих героев. Его последнее произведение – автобиографическая повесть об умирании, рассказывающая о переживаниях в состоянии клинической смерти, в котором автор находился почти два месяца. В прошлом Брандыс был любимцем маститых критиков и „тренировочной грушей” для молодых и сердитых. Будем надеяться, что ныне страсти улеглись, ведь пишет он замечательно. И, наконец, „Долгое жите соватрительницы” Агаты Тушиньской (*Agata Tu-szyńska „Długi żywot gorszycielki”*), документальная повесть, в которой сопоставлены мнения различных людей об Ирене Кшивицкой. Умершая недавно в весьма преклонном возрасте (ей было за девяносто), известная в свое время писательница и журналистка, борющаяся за права женщин, была героиней многочисленных скандалов в довоенной и послевоенной Варшаве. Книга вызвала горячие споры, так как по мнению некоторых, автор слишком бесцеремонно вторгается в частную жизнь описываемых людей.

• Уличное гулянье напоминал девятый по счету Фестиваль еврейской культуры, проходивший в неповторимой обстановке краковского Казимежа – полностью разрушенного в годы войны, а ныне восстановленного бывшего еврейского квартала. Состоялись театральные спектакли, лекции, музыкальные встречи, а 3 июля прошел заключительный концерт, в котором участвовали польские и зарубежные хоры и солисты, исполнившие еврейскую музыку. На фестиваль приехало много гостей со всего мира и на улице Широкой собралось действительно международное общество. Молодые евреи, в поисках своих корней, часто приезжают в Краков, а молодые поляки знакомятся с культурой, которая была неотъемлемой частью многовековой польской традиции. И, пожалуй, все остаются довольны.

• Когда в Кракове на улице Широкой пели и играли клезмеры, а гой учились петь песню радости перед наступающим шаббатом, в Варшаве начинался театральный фестиваль „Искусство улицы” Уже седьмой раз театры из Польши, Италии и Франции показали свои спектакли на фоне городского пейзажа. На фестиваль приехало 13 театральных трупп. Уличные спектакли показывают прежде всего студенческие театры, которые когда-то будоражили и отвергали официальный реализм, а сегодня эпатируют фантастмагорическим видением будущего и поэтической интерпретацией

повседневной жизни. Зато в польском профессиональном театре в последнее время идет спор поколений. В наступление пошли воинственные тридцатилетние, которых иногда чрезмерно хвалят такие же молодые, как они, критики. Гжегож Яжина (*Grzegorz Jarzyna*) признан самым выдающимся режиссером молодого поколения. Он поставил несколько пользующихся успехом спектаклей: в прошлом году „Тропический бзик” по С.И. Виткевичу (*„Bzik tropikalny” wg Witkacego*); в этом году самым большим хитом минувшего сезона стал „Магнетизм сердца” (*„Magnetyzm serca”*) – авторская версия Яжины пьесы „Девичьи обеты” классика польской комедии Александра Фредро. К числу выдающихся режиссеров поколения Гжегожа Яжины относятся Кшиштоф Варликовский (*Krzysztof Warlikowski*), Петр Чепляк (*Piotr Cieplak*), Анна Аугустынович (*Anna Augustynowicz*), Збигнев Бжоза (*Zbigniew Brzoza*). У нас еще будет возможность поговорить о них. Их мэтром провозгласил сам себя Адам Ханушкевич, который когда-то восхищал публику своими находками* сначала, как ведущий режиссер польского Телевизионного театра, а потом как мастер большой сцены, постановки которого вызывали жаркие споры. В этом году Ханушкевичу исполнилось 75 лет, и верные поклонники устроили ему необыкновенное юбилейное представление „Собаки, Хонды и стремянка”. Несмотря на почтенный возраст сам Ханушкевич вовсе не отказывается от дальнейшей творческой деятельности и пообещал показать осенью спектакль, посвященный Шопену.

• Тем временем впервые за многие*годы самым интересным сезоном может похвастаться варшавский Национальный театр под художественным руководством Ежи Гжегожевского. Наряду с прошлогодними спектаклями – „Свадьбой” Витольда Гомбровича (*Witold Gombrowicz „Ślub”*) и „Судьями” Станислава Выспянского (*Stanisław Wyspiański „Sędziowie”*) самыми интересными театральными событиями текущего года были: „Картотека” Тадеуша Ружевица (*Tadeusz Różewicz „Kartoteka”*) (в постановке режиссера Казимежа Кутца), прекрасный спектакль о страстях Христовых режиссера Казимежа Деймека „Dialogus de passione” и „Трактат о марионетках” по Генриху Клейсту, поставленный на сцене Национального театра мастером польской пантомимы Генрихом Томашевским. Это был действительно удачный сезон.

• Особо следует отметить театры, которые обращаются к народному творчеству и религиозным традициям. Обычно они работают на совершенно других началах, чем театры в крупных городах, имеющие штатных сотрудников; в них все основано на личной инициативе и индивидуальности их создателей, но и они пользуются помощью государства и местных властей. Такие театры находятся в городках, назовем главные: „Гардзенице” („*Gardzienice*”), ищущий истоки театральности в украинском фольклоре, „Венгайты” („*Wengajty*”) (в Ольштыне), который обращается к музыке и религиозным традициям католической церкви, „Театр Вершаллин-Студия” („*Teatr Wierszalin-Studio*”) в Супрасле, использующий белорусскую православную культуру и польские традиции восточных пограничных областей. Его руководитель и один из создателей Петр Томашук борется с серьезными финансовыми трудностями и неизвестно, как в дальнейшем сложится судьба этой сцены.

• Давно известно, что финансовые затруднения отражаются на культурной жизни страны. Различные культурные организации справляются с ними по-разному. В Варшавском Уздовском замке, где находится Центр современного искусства, решили отблагодарить своих меценатов. Уже четыре спонсора получили выполненную Марекон Киевским красивую статуэтку ангела-хранителя. Может, это привлечет и других?

• Выставочный сезон этого года можно считать удачным, несмотря на финансовые сложности. В настоящее время ретроспективную выставку работ Артура Нахта-Самборского (*Artur Nacht-Samborski*) из собрания Национального музея в Познани могут увидеть краковские любители живописи; раньше выставка побывала также в других городах, а в 2000 году ее, возможно, увидят в Иерусалиме. Этот один из крупнейших польских художников - „капистов”, член созданного в 1923 г. „Комитета Парижского” (отсюда название „капизм”, „каписты”), замечательный колорист, который писал прежде всего натюрморты, цветы, пейзажи и портреты. А так как он всегда стремился к совершенству, то никогда не был готов выставить свои работы, как сказал один из его друзей. Может быть, именно поэтому он стал известен лишь после смерти. Следует упомянуть также выставку еще одного „каписта”, Зигмунта Валишевского (*Zygmunt Waliszewski*), в Национальном музее в Варшаве, и организованную впервые в Польше Краковским центром культуры ретроспективную выставку

картин Яна Лебенштейна (*Jan Lebenstein*) недавно скончавшегося выдающегося, всемирно известного художника-символиста.

• Обычно именно личность художника привлекает посетителей, придает выставке значимость. Однако сейчас большой интерес снова вызывают тематические экспозиции. В организации подобных презентаций лидирует в последнее время Варшавский Королевский замок. В этом году прошли прекрасные выставки, посвященные паркам и польскому сакральному искусству; они пользовались огромным успехом, как экспозиции, продемонстрировавшие в первую очередь... выставочные, оформительские таланты музейных работников. Аналогичную по замыслу выставку живописи устроил варшавский Национальный музей (совместно с другими польскими музеями) в честь выдающегося польского искусствоведа проф. Яна Бялостоцкого, скончавшегося в 1988 году. Выставка взяла название от его самой известной книги „Искусство ценнее золота”. На ней были представлены самые ценные картины из собраний польских музеев, в первую очередь „Страшный суд” Ганса Мемлинга (постоянно находится в Гданьске) и „Дама с горностаем” Леонардо да Винчи (Музей Чарторьских в Кракове). На выставке „Искусство ценнее золота” показана красота классической живописи. Но чем стала сегодня не только живопись, но и изобразительное искусство вообще? Об этом всерьез задумались обозреватели венецианского Бьеннале, которые предупреждают, что „безвозвратно уходит в прошлое искусство живописи, скульптуры, графики. Пора сжечь подрамники, поламать кисти, выбросить резцы и штихели.” (Петр Сажинский в журнале „Политика”). В этом году героиней Бьеннале стала полька Катажина Козыра (*Katarzyna Kozyra*), лауреат одной из семи премий фестиваля, которая показала в Венеции видеонинсценировку „Мужская баня”, а сенсацию вызвала тем, что сама появилась в бане..., переодетая мужчиной. Не до конца известно, отмечают некоторые критики, что в произведении Козыры искусство, а что продукт большого воображения. Тут стоит напомнить, что эту границу не так-то легко определить и совсем неизвестно, всегда ли во вред искусству. Искусством долго не считали также творчество Владислава Хасиора (*Wladyslaw Hasior*), который создавал свои памятники из огня, ветра и воздуха. Хасиор скончался 14 июля в Закопане, но остался в памяти как один из самых выдающихся польских скульпторов эпохи, хотя в последние годы ему пытались приклеить ярлык „баловня коммунизма”. К счастью, пути искусства прокладывают не

политические пуристы. Во всяком случае, будем надеяться, что это так.

- Наиболее интересные музыкальные события произойдут во второй половине года. Октябрь станет кульминационным пунктом многочисленных торжеств, посвященных 150-годовщине смерти Шопена. Следует отметить появление на польской концертной эстраде Польского фестивального оркестра. Этот еще совсем новый коллектив молодых музыкантов планирует гастроли по Польше и по всему миру с целью пропаганды польской музыки. Его организатором стал Кристиан Цимерман - известнейший польский пианист. Оркестр дебютировал на музыкальном фестивале в Зальцбурге. Кристиан Цимерман исполнил два фортепьянных концерта Фредерика Шопена, одновременно выступая в роли пианиста и дирижера. Впереди - выступления на самых престижных концертных подмостках мира. Турне закончится 19 ноября в Варшаве. В августе прошел очередной Шопеновский фестиваль в Душниках-Здрое. Этот музыкальный фестиваль имеет многолетнюю традицию, а нынешнее мероприятие стало важнейшим событием Шопеновского года. Художественный руководитель фестиваля в Душниках - Петр Палечный, как и Цимерман, пианист и лауреат конкурсов Шопена. Как оказалось, выдающиеся пианисты обладают недюжинными менеджерскими способностями.

- Просим извинить нас, что на этот раз мы уделили мало внимания музыке. А пока отметим, как всегда, превосходный летний цикл, посвященный творчеству Моцарта, в Варшавском камерном оперном театре. Это единственное место в мире, где летом можно увидеть и услышать все оперные произведения маэстро из Зальцбурга. В этом году Камерный оперный театр подготовил также дополнительный спектакль, посвященный памяти композитора.

- Исключительно оригинальным явлением в польском шоу-бизнесе стал Юрек Овсяк с его музыкальными инициативами. В зимний период он организует так называемый „Большой оркестр праздничной помощи”, отдающий свои концертные сборы на помощь больным детям. Летом, в августе, состоялся самый большой рок-фестиваль 1999 года „Остановка Вудсток”. Он был организован на летном поле в Жарах, вблизи Зеленой Гуры, куда съехалось около 250.000 человек, в основном молодежь. По свидетельству полиции все было спокойно. В отличие от американских примеров для подражания, о чем по части

свидетельствует название фестиваля, на польской „остановке” не было случаев происшествий. Зато было много отличной музыки, хотя Овсяк артистов не приглашал. Они сами вызвались выступить на эстраде в Жарах и подчинились условиям организаторов. Овсяк организует свои встречи под девизом „Насилию – стоп! Наркотикам – стоп!”. И удивительно то, что ему удается держать в узде толпы необузданной молодежи. Этот феномен массовой культуры достоин удивленья...

- „Остановку Вудсток” Юрека Овсяка можно сравнить разве что с ежегодным походом паломников в Ченстохову. Это еще один польской феномен массовой культуры. Наверное, данное явление следует рассматривать именно в таких категориях. Туда идут не только набожные старушки (хотя и такие встречаются тоже). В основном все польские дороги ведут в Ченстохову молодежь и людей среднего возраста. Они паломничают в поисках духовного единства и, по-видимому, подлинной свободы, не связанной путями ежедневных забот. Машины везут багаж, ксендзы следят за моральным духом в группе. Для многих паломников это не только исполнение религиозного обета (надо успеть прийти на место 15 августа, то есть к празднику Успения Богородицы), но и искупление грехов, а также хорошая оказия для отдыха. Походы паломников в Ченстохову еще ждут своих исследователей-социологов...

- Вспомним и о проходившем в Варшаве 56 Международном конгрессе ПЕН-Клубов под лозунгом „Проводы XX века”. Это было чрезвычайно важное событие. ПЕН-Клуб был создан в двадцатые годы нашего столетия, когда потрясенные разрушительными для культуры последствиями Первой мировой войны люди пера решили попытаться противодействовать им собственными силами. Они создали нечто вроде интеллектуального интернационала, который действует по сей день. В Варшаву приехало много выдающихся деятелей со всего мира. Конгресс проходил под почетным покровительством председателя Совета Министров Ежи Бузека. Во время открытия Конгресса выдающийся польский философ Лешек Колаковский говорил об опасностях и угрозах, которые несет с собой новый век.

Лешек Колаковский

Право на правду

Речь на открытии Всемирного конгресса ПЕН-клуба.

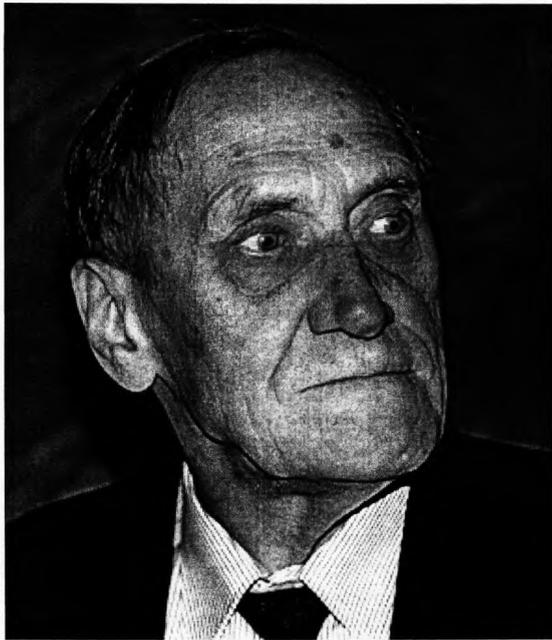

Фото САФ-РАР

Лешек Колаковский (1927), философ, историк философии. Профессор Варшавского университета, уволен после мартовских событий 1968 года. После отъезда из Польши преподавал в университетах: Йельском, Калифорнийском (Беркли), Чикагском и Оксфордском. Приверженец марксизма в молодости, позднее стал его критиком. Автор работ: „Религиозное сознание и связующая роль католической церкви”, „Присутствие мифа”, „Главные течения марксизма”, „Быть ли дьяволу спасенным”, „Если Бога нет...” и других.

Я думаю о двух, достаточно очевидных истинах, о которых - я уверен - все мы знаем. Одна гласит, что свобода слова - это необходимое и основополагающее условие всех гражданских свобод. Когда ее отнимают, вскоре отнимут, по всей вероятности, и все остальное. В соответствии со второй из этих истин, свобода слова неизбежно ведет к свободе лжи, клеветы, абсурда, пропаганде ненависти, слепого фанатизма, идеологии, которая приводит к геноциду, к недопустимому вторжению в частную жизнь других людей. Иначе говоря, известно, что свобода всегда влечет за собой издержки, иногда очень высокие, подчас ужаसाющие.

Может показаться странным, что в конце века, в котором случилось столько чудовищных злодеяний, вызванных отсутствием гражданской свободы, в том числе и свободы слова, при разных системах, будь то тоталитарных либо просто деспотических, можно услышать все больше голосов, которые требуют восстановить цензуру.

На этот раз не для того, чтобы распространять единую для всех идеологию, либо бороться против оппозиции, но для того, чтобы защитить нас от особо злостных демонов нашего времени - апологии насилия и порнографии. Введения цензуры, особенно на телевидении, требуют не только религиозные фанатики, мракобесы или сторонники диктатуры, но часто люди, по-настоящему привязанные к либеральному строю и к открытому обществу. Они подчеркивают, что либеральный порядок обращается против самого себя, когда, допуская восхваление насилия, толкает молодых людей на преступления, размеры и частота которых приводят к тому, что сохранение правопорядка становится практически невозможным, а это угрожает цивилизованному миру. Они считают также, что свобода порнографии опасным образом меняет и выхолащивает нашу систему ценностей. Если сексуальные удовольствия становятся высшим благом, неизбежно обесцениваются традиционные межчеловеческие связи, происходит распад семейной жизни, а вместе с ней исчезают каналы, по которым культура передается из поколения в поколение.

Контраргументы противников сводятся к следующему: никто никого не заставляет пользоваться услугами порнографии, независимо от ее определения (определение, кстати, может

оказаться настоящим инструментом порабощения: достаточно вспомнить священника-цензора в прекрасном фильме „Cinema Paradiso“). Это вопрос предложения и спроса, говорят они. Если существует спрос, обязательно должно появиться и предложение. Аргумент неубедительный, ибо мы прекрасно знаем, что причинная связь между предложением и спросом не однонаправленна, не только спрос вызывает предложение, но и очень часто бывает наоборот. Это как с рекламой сигарет, которая либо запрещена, либо очень ограничена во многих странах. Что же касается культурного и морального вреда, причиняемого демонстрируемым на кино-и телеэкранах насилием, то иногда можно услышать мнение, будто нет доказательств тому, что это порождает, оправдывает или прославляет насилие в реальной жизни. Возникает вопрос, в каких еще доказательствах нуждаются кинематографисты, если повседневная жизнь приносит их все еще слишком мало, а грань между фикцией и реальностью в нашем сознании все больше стирается.

Коль скоро пагубные последствия насилия и порнографии не вызывают сомнений, а контраргументы неубедительны, можем ли мы требовать восстановления цензуры в цивилизованном мире?

Необязательно, и не только потому, что трудно дать правовое определение тому или иному явлению, но в основном потому, что теперь уже восстановить цензуру по техническим причинам почти невозможно, а вскоре будет еще труднее. В конкретной стране можно ввести частичную цензуру на государственном телевидении, и к таким мерам иногда прибегают. Но, учитывая факт существования гигантской сети, которую создают сотни телевизионных каналов, доступных практически в любой точке мира, попытки установления и соблюдения моральных принципов на телевидении и в интернете просто неэффективны. Это было бы возможно, если бы наш мир опустился до уровня деспотических и варварских систем, коммунистических либо исламских, таких как в Северной Корее или в Афганистане, где телевидение и кино либо запрещены, либо занимают государственной пропагандой на инфантильном уровне. Однако вероятность возврата к такому положению вещей, которое требовало бы уничтожения почти всей

технологической инфраструктуры, весьма незначительна. Изменения идут, скорее, в противоположном направлении. Даже в Китае, несмотря на сохраняющийся там варварский строй, жажда технологической модернизации приведет к тому, что общественные последствия этих изменений станут неизбежными. Процесс распространения в обществе инструментов информации и коммуникации, а затем и падения коммунизма, потребует, несомненно, многих лет, если учесть отсталость страны и ее все еще аграрный характер, тем не менее он, по всей вероятности, неминуем. Когда последний глава Советского Союза понял, что модернизация требует достаточно свободного обмена информацией, было уже поздно, чтобы спасти коммунизм. Он уничтожил то, что желал спасти. Очень вероятно и то, что похожее случится с мусульманской тиранией в Иране. Возможно, процесс модернизации, начавшийся при предыдущем режиме, который, хотя и в меньшей степени, но тоже был режимом тирании и мракобесия, продвинулся уже слишком далеко.

Так или иначе, трудно себе представить, чтобы современный мир вооружил себя техническими средствами, делающими возможной цензуру, которая не допускала бы прославления насилия и порнографии, не нарушая одновременно основных гражданских свобод. Даже если такие средства были бы доступны, представляется мало вероятным, чтобы их применение получило достаточную общественную поддержку. Никто не может быть также уверен в том, что применение этих средств было бы безопасным. Налицо противоречие. С одной стороны, нам говорят, что у каждого есть право на выбор. У каждого ли? Нет. У маленьких детей нет, по той простой причине, что трудно обладать какими-либо правами, если еще невозможно их понять. Но из этого, естественно, не следует, что взрослые могут делать с детьми что угодно: убивать их или издеваться над ними. У нас есть четко определенные обязанности по отношению к детям, хотя они не обладают соответствующими этим обязанностям правами. Соотношение прав и обязанностей не симметрично. Дети, постепенно приобретая навыки и умения жизни в обществе, приобретают также некоторые права. Лозунг «право на выбор», провозглашаемый без каких-либо ограничений, является абсурдом по причинам более общего характера. Мы обладаем

правом выбора только в пределах, установленных законом. Я не обладаю правом выбора во всем. Если бы, например, порнография была запрещена законом, то у меня уже не было бы выбора. И, будучи ее любителем, я был бы вынужден нарушать закон. Спрашивается, можно ли такой закон обосновать. Возможно, но учитывая тот факт, что в силу технических причин этот закон практически невыполним, лучше его вовсе не принимать (разве что стоит попытаться ввести правовой запрет на особо отвратительный вид порнографии, коим является порнография с использованием детей?).

Свобода слова - это благо настолько ценное и его так легко утратить, что следует избегать формулировок, говорящих о злоупотреблении свободой. Можно сказать, что тот, кто пропагандирует лживые и античеловеческие лозунги, злоупотребляет свободой слова, но мы тоже злоупотребляем ею всякий раз, когда говорим неправду или не соблюдаем тайну других. Попытки устранить эти „злоупотребления” - якобы во имя „настоящей свободы” и правды - прокладывают путь тоталитарным режимам, которые неизбежно возводят небывалую ложь в ранг истины в последней инстанции. Вспомните, кто сказал: „У нас будет свобода, как только мы избавимся от врагов свободы”? Нет, это не Сен-Жюст. Нет, это не Троцкий. Да, это Адольф Гитлер. Похожая, пользующаяся заслуженной славой, формулировка Сен-Жюста тоже провозглашала революционный деспотизм.

При наличии современных средств закон практически бессилен перед ложью и абсурдом, за вычетом случаев клеветы, направленной против конкретных лиц, да и то не всегда. Я даже против преследования законом лжи столь отвратительной, как отрицание факта существования газовых камер и геноцида евреев, проводимого гитлеровцами (кроме, пожалуй, особого случая, когда это происходит в Германии).

Против абсурда, фанатизма, лживой пропаганды у нас есть только одно оружие - просвещение. К сожалению, происходящие в культуре процессы, которые кажутся нам такими опасными, ограничение наших интересов развлечениями и материальными благами, пренебрежение к традиционным ценностям, к истине, к бескорыстным знаниям, разве что они приумножат наше богатство и доставят нам развлечения, - все это подрывает авторитет именно

тех систем просвещения, которые могли бы стать противоядием. Таким образом, мы имеем дело с самозаводящимся механизмом.

Возможно, в будущем году мы отпразднуем столетие великого сочинения Эдмунда Гуссерля „Логические исследования”. Сто лет тому назад он сокрушался по поводу эрозии самого понятия истины в эмпирических и прагматических изысканиях, в том значении, какое оставило нам наследие *античных философов*. Таким образом, он сожалел по поводу утраты самой идеи разума и познания; все это было предвестием упадка европейской цивилизации. В течение века мы сделали огромный шаг вперед, чтобы подтвердить это пророчество. Традиционное понимание истины *становится* все более ненужным, неэффективным и устаревшим по сравнению с распространенной верой в одинаковую ценность всех точек зрения и любого видения мира. Человек, который верит, что затмение Луны связано с особым положением в пространстве Земли по отношению к этому спутнику, с точки зрения познания находился бы в таком же положении, как тот, кто утверждает, что затмение устроил огромный злой крокодил, проглотивший нашего небесного спутника (впрочем, второе толкование, пожалуй, лучше, потому что смешнее).

Можно ли представить себе, что в культуре начнет возрождаться само понятие истины? Можно ли излечить наше восприятие мира, сделать его таким же чутким, как прежде. Я думаю, что это всегда возможно, если найдется достаточно много тех, кто постарается сохранить древние первоосновы просвещения, любовь к знаниям ради них самих, радость от математики, любовь к математике, потому что она учит нас, что значит доказывать, доказывать истину, не спрашивая, каково ее практическое применение. Любить историю, ибо на примере наших предков она показывает нам и нашу неприглядность, и нашу красоту. Да, я думаю, что это возможно, так как усиливается критика нашей лудической, игровой цивилизации и все сильнее заявляет о себе тревога о нашем будущем: с одной стороны - распад человеческой общности, с другой - стремление гигантских корпораций к коварной, но, видимо, неизбежной монополизации наших взглядов на иерархию ценностей. Да, это возможно, но вовсе не обязательно.

В БЛИЖАЙШИХ НОМЕРАХ:

- Полемика Л.Колаковского с А.Безансоном: Нацизм и коммунизм – в равной ли мере преступны ?
- Стефан Братковский: Сами себе хозяева
- Об изданных в Польше «Дневниках» Андрея Тарковского пишут Ежи Пильх и Гжегож Пшебинда
- Юзеф Чапский: Встречи с Анной Ахматовой
- Натэла Башинджагян: Четыре вопроса и четыре ответа Ежи Гротовского
- Андрей Ермонский: Вы Гомбровича не читали?
- Ежи Помяновский: Спор о Мандельштаме
- Ежи Клочовский: Диалог историков необходим
- Репортаж Эвы Вильк о судьбах православия в Польше
- Наши люди: сестра Хмелевская
- Сергей Ларин: О Рышарде Капусцинском
- Рышард Капусцинский: Неизвестная глава из известной книги
- Последнее интервью с Булатом Окуджавой о его связях с Польшей
- Виктор Кулерский: Чем нам помог Константин Паустовский
- Лариса Заёичковская: Иван Бунин писал мне стихи
- Стихотворения Херберга, Каменской, Павликовской, Свиричинской, Милоша, Стахуры, Ружевица, Шимборской, Твардовского и др. в переводах Бродского, Базилевского, Астафьевой, Британишского, Горбаневской, Святского и др.
- Манук Жажоян: О польских шестидесятниках
- «101 путь выхода из коммунизма». Дискуссия Дарендорфа, Скидельского, Бжезинского, Кон-Бендита с Гавелем, Кишем, Мазовецким, Смоляром, Михником.

НАЦИОНАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА
ПРЕДСТАВЛЯЕТ
ИЗДАВАЕМЫЕ ПРИ ФИНАНСОВОЙ ПОДДЕРЖКЕ
МИНИСТЕРСТВА КУЛЬТУРЫ И ИСКУССТВА
ПОЛЬСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

СЛЕДУЮЩИЕ ЖУРНАЛЫ:

Dialog

Ежемесячник, посвящённый современной драматургии .

NOWE KSIĄŻKI

Ежемесячник для читателей, библиофилов, библиотечных работников и издателей. В каждом номере обзор новостей, рецензии, статьи об издательском деле, анонсы, библиографии.

НОВАЯ ПОЛЬША

Новый ежемесячник о Польше на русском языке. Публицистика, политика, вопросы экономики и культура, обзор литературной и научной жизни страны.

twórczość

Старейший и заслуженный польский литературный ежемесячник, посвящённый современной прозе, поэзии и культурной публицистике. Журнал активно участвует в культурной жизни Польши.

DMUTYGOONK ruch muzyczny

Единственный в Польше журнал о музыке, её теории и практике . Выходит раз в две недели.

L I T E R A T U R A na świecie

Известнейший ежемесячник содержащий обзор произведений иностранных авторов.

Biblioteka Narodowa. Zakład Wydawniczy Czasopism Patronackich,
00-973 Warszawa, Al. Niepodległości 213, tel./fax 6082488, tel. 6082374